

ГРАФ
ЛАС-КАЗ

Граф Лас-Каз
(1766—1842)

ГРАФ ЛАС-КАЗ

М Е М О Р И А Л СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

I

ЗАХАРОВ
МОСКВА

УДК 82-94
ББК 84.4Фр
Л26

Mémorial de Sainte-Hélène par le c^{te} de Las Cases:
suivi de Napoléon dans l'exil.

Первое издание «Мемориала» увидело свет в 1822—1823 годах. В 1831 году вышло последнее прижизненное дополненное издание; оно и приводится с некоторыми сокращениями чрезмерных подробностей военных сражений, а также последних 100 страниц, описывающих жизнь Лас-Каза после изгнания со Святой Елены. Гравюры на дереве, воспроизведённые в этой книге, взяты из первого иллюстрированного издания 1842 года.

Лас-Каз граф

- Л26 Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне : в 2 кн. / Граф Лас-Каз ; [пер. Л.Н.Зайцева.] ; [илл. Н.Шарле, О.Верне и др. фр. худож. первой пол. XIX в.]. — М. : «Захаров», 2010. — 800 с. : ил.
ISBN 978-5-8159-0996-0 (общий)
ISBN 978-5-8159-0997-7 (кн. I)

«Мемориал Святой Елены» — культовая книга, в своё время потрясшая современников, — дневник, который вёл граф Лас-Каз, последовавший за Наполеоном в изгнание на остров Святой Елены. Лас-Каз день за днём записывал всё, что делал и говорил император. Часть дневника продиктована самим Наполеоном.

Впервые «Мемориал» вышел после смерти Наполеона в 1822—1823 годах и сразу же стал бестселлером. Почти все историки, как бы они ни оценивали Наполеона и его роль в построении европейской цивилизации, цитируют эту книгу, — поистине бесценную для тех, кого интересует французский император и его время.

В России книга издаётся впервые.

Предисловие

Чрезвычайные обстоятельства способствовали тому, что долгое время я находился рядом с самым замечательным человеком, который когда-либо жил на свете. Восхищение им заставило меня последовать за ним ещё тогда, когда мы не были лично знакомы. А когда я близко узнал его, то любовь к нему заставила меня навсегда остаться рядом.

Весь мир озарён лучами его славы, не перестаёт говорить о его деяниях и восхищаться им; но мало кто знает об истинных чертах его характера, о естественных склонностях его души. Я берусь восполнить этот огромный пробел и для того, чтобы решить эту задачу, пользуюсь дарованными мне судьбою преимуществами — беспрецедентными в истории.

День за днём в течение восемнадцати месяцев, когда я постоянно находился рядом с Наполеоном, я собирал и записывал всё, что на моих глазах происходило с ним, всё, что он говорил в моём присутствии...

Итак, отныне личность и характер Наполеона полностью открыты для всего мира.

Граф Лас-Каз

Вступление

Я намерен ежедневно записывать всё, что делал и говорил император Наполеон в то время, когда я находился рядом с ним; но, прежде чем начать мой дневник, я надеюсь, что читатели простят меня за то, что я предложу им некоторые предварительные замечания, которые в целом могут оказаться небесполезными.

Я никогда не приступал к внимательному прочтению исторической работы без того, чтобы вначале не понять характерные особенности самой личности автора, не узнать о его социальном положении, о его политических отношениях с представителями окружающего его общества и о его семейных отношениях — фактически, о всех важнейших обстоятельствах его жизни, — полагая, что только знание и понимание всего этого может дать ключ к осмыслению его произведений и служить основой доверия к его заявлениям. Поэтому, в свою очередь, я расскажу о себе то, что всегда ищу в других, и, представляя этот дневник, приведу некоторые факты, касающиеся моей прошлой жизни.

Мне едва исполнился двадцать один год, когда разразилась революция. Я только что получил звание лейтенанта военно-морских сил; моя семья находилась при королевском дворе, и я сам недавно был представлен ко двору. Я не был богат, но моё имя и положение в обществе давали надежды, в соответствии со взглядами и обычаями того времени, что я смогу жениться по своему выбору. Как раз в тот момент и вспыхнули у нас политические беспорядки.

Один из главнейших пороков нашей системы поступления на государственную службу заключался в том, что она лишала нас всех

преимуществ фундаментального и законченного образования. Взятый из школы в возрасте четырнадцати лет, предоставленный с этой минуты самому себе и отправленный в неясный жизненный путь, как я мог приобрести хотя бы малейшее понятие о социальной организации общества, о правах и обязанностях гражданской жизни?

Таким образом, побуждаемый великодушными предвзятыми мнениями, а не справедливым чувством долга, движимый естественной склонностью к благородным намерениям, я был первым среди тех, кто поспешил за границу и встал на сторону наших принцев, — чтобы, как говорилось, спасти монарха от революционного гнева и защитить наши наследственные права, от которых мы всё же не могли, как утверждалось, отказаться, не испытывая стыда. Тот образ жизни, в соответствии с которым нас воспитывали, требовал от нас или на редкость здравого мышления, или очень слабого разума, чтобы противостоять надвигавшейся стремительной лавине жизненных событий.

Вскоре эмиграция — это роковое событие — стала всеобщей; за исключением плохо информированных и упрямых личностей, большинство тех, кто принимал в ней участие, не может сегодня найти оправдания этому безумию. Эмиграция была политической ошибкой и социальным преступлением.

Потерпевшие поражение на наших собственных границах, разоружённые и расформированные иностранцами, отвергнутые и объявленные вне закона в собственной стране, многие из нас добрались до Англии только для того, чтобы британские министры, не моргнув глазом, тут же высадили нас на побережье полуострова Киберон^{1*} французской Бретани, где нас ожидало позорное поражение от французских войск. Поскольку мне очень повезло в том, что я не участвовал в высадке французских эмигрантов на побережье Кибера, то я, отправившись в Лондон, посвятил своё время размышлениям над ужасной альтернативой — сражаться против собственной страны под иностранными знамёнами; и с этого момента мои мысли, принципы и планы были или полностью расстроены, или кардинально изменены.

Впав в отчаяние от произошедших событий, отрешившись от всего мира и от окружавшей меня привычной среды, я полностью посвятил себя самообразованию и под вымышленным именем вторично прошёл весь образовательный круг, чтобы в результате попытаться быть полезным для других.

По прошествии ряда лет Амьенский мир и амнистия, предложенная Первым консулом, вновь открыли нам ворота во Францию.

* Редакционные комментарии см. в конце книги.

Никакой собственности во Франции у меня более не было, законы лишили меня права на наследственное имущество; но ничто не может заставить забыть родную землю или уничтожить очарование возможности дышать воздухом собственной страны!

Я поспешил обратно во Францию и был благодарен за предоставление мне амнистии, воспринятой мною с ещё большей радостью оттого, что я мог с гордостью заявить: я получил её без малейшего повода для угрызений совести. Когда вскоре была провозглашена монархия, я был охвачен весьма своеобразными чувствами, да и моё положение стало очень необычным. Я словно был солдатом, наказанным за дело, которое в итоге восторжествовало. Каждый новый день возвращал нас к прошлым идеям, которыми мы всегда руководствовались: восстанавливалось всё то, что было для нас дорого в наших принципах и убеждениях; и тем не менее, щекотливость положения и свойственное нам чувство чести обязывали нас держаться от всего этого несколько в стороне.

Тщетно новое правительство громогласно призывало к объединению всех противоборствовавших сторон, также тщетным было заявление его главы о том, что всякий живущий во Франции принадлежит к единой нации, и иного он не признаёт; напрасно мои старые друзья и бывшие товарищи предлагали мне воспользоваться всеми выгодами той новой карьеры, которую я выберу по своему вкусу. Будучи не в состоянии усмирить противоречивые чувства, будоражившие мой разум, я упорно продолжал придерживаться системы самоотречения и, посвятив всё своё время литературе, написал под вымышленным именем труд, посвящённый историческим проблемам. Благодаря этой книге я восстановил своё благосостояние и прожил пять или шесть самых счастливых лет своей жизни.

Тем временем беспрецедентные события следовали одно за другим с чрезвычайной быстротой; они были такого рода и столь необычного характера, что ни один человек, чьё сердце обладало склонностью к чему-то высокому и благородному, не мог безразлично наблюдать за ними. Слава нашей страны вознеслась до высот, неведомых в истории любого другого народа; управление всеми делами в стране было беспримерным как в силу проявляемой энергии, так и вследствие достигнутых результатов; одновременный порыв к совершенствованию, который неожиданно охватил все отрасли промышленности, в одно и то же время пробудил у всех стремление к честному соперничеству; армия не имела себе равных, вызывая страх за границей и справедливую гордость на родине.

Каждый день приносил новые победы, а возводимые многочисленные памятники возвещали о наших подвигах; победы в сражениях под Аустерлицем, Йеной и Фридландом, договоры в Пресбурге

и Тильзите поставили Францию впереди других держав и сделали её вершительницей судеб Европы. Быть французом означало, что человек удостоился великой чести; и, тем не менее, все эти подвиги, все эти достижения и все эти чудеса были результатом деяний одного человека. Что касалось моих личных чувств, то какие бы ранее у меня ни были предубеждения и предвзятые мнения, теперь меня переполняло чувство обожания к этому человеку; а как мы все хорошо знаем, всего лишь один шаг отделяет обожание от любви.

Именно в этот период император призвал на службу к своему трону несколько первых семей Франции и велел распространить среди остальных информацию о том, что он будет рассматривать представителей тех аристократических семей, которые останутся в стороне, как плохих французов. Я не колебался ни минуты. Я сказал себе, что выполнил обязательства своей естественной присяги, обязательства перед своим происхождением и полученным мною образованием и оставался верен им, пока они не исчерпали себя. О наших принцах мы более не думали, мы даже сомневались в их существовании. С этого времени серьёзное следование религиозным убеждениям, союзнические связи королей, пример Европы и величие Франции полностью убедили меня в том, что у меня появился новый монарх. Долго ли колебались наши предки, когда решили сплотиться вокруг первого монарха из династии Капетингов? Поэтому я ответил самому себе, что мне повезло, что таким образом я имею право откликнуться на призыв, с честью позволявший мне выйти из затруднительной ситуации, в которой я оказался, и я по собственной воле, не теряя времени на размышления, безо всяких оговорок вручил новому монарху весь свой энтузиазм, а также преданность и привязанность, которые хранил по отношению к моему прежнему королю. В результате этого решения я немедленно получил доступ к императорскому двору.

Теперь я испытывал страстное стремление, чтобы мои торжественные заявления о верности новому монарху были подтверждены практическими деяниями. Англичане вторглись на территорию Флюшинга² и создали непосредственную угрозу Антверпену, поэтому я поспешил принять участие в защите последнего в качестве добровольца; и после освобождения Флюшинга моё назначение в ведомство гофмаршала императорского двора определило мою близость к персоне императора. Желая присовокупить к обязанностям этой почётной должности дополнительное полезное занятие, я ходатайствовал о месте в Государственном совете и получил его. Затем последовал ряд конфиденциальных миссий. Сначала я был направлен в Голландию, когда она объединилась с Французской империей, — чтобы принять под свою ответственность всё то, что относилось к военно-морскому ведомству. Потом я отправился

в Иллирийские провинции, чтобы содействовать там решению некоторых юридических проблем, после чего объехал половину Европы, чтобы проконтролировать деятельность благотворительных организаций. Во время наших последних невзгод я получил некоторые утешительные для меня доказательства того, что жители стран, которые я тогда посетил, остались довольны моими действиями.

Провидение, однако, положило предел нашему процветанию. Хорошо известны катастрофа в Москве, военные бедствия под Лейпцигом и осада Парижа. В Париже я командовал одним из полков, который 31 марта 1814 года, несмотря на жестокие потери, снискал уважение своим доблестным поведением в сражении. Когда капитулировал Париж, я сдал командование полком, полагая, что должен выполнять другие обязанности, находясь рядом с моим монархом. Но я не успел вовремя добраться до Фонтенбло, — император отрекся от престола, и трон Франции занял король.

В результате моё положение стало ещё более своеобразным, чем оно было двенадцать лет тому назад. Дело, ради которого я пожертвовал своим благосостоянием, ради которого я так долго пребывал в ссылке и затем ещё шесть лет в состоянии самоотречения, в конце концов восторжествовало; тем не менее, вопрос чести и ряд других соображений воспрепятствовали тому, чтобы я извлёк из этого события какую-нибудь личную для себя пользу. Что могло быть более собственным, чем моя собственная судьба? Свершились две революции, прямо противоположные по своим целям: в результате первой я потерял свои наследственные права, в результате второй — мог лишиться жизни. Ни первая революция, ни вторая не были благосклонны к моей судьбе.

Пошлые умы и любители интриги будут утверждать, что я дважды проявил себя заурядным простофилей, и только немногие поймут, что я дважды с честью выполнил свой долг. Друзья моей молодости, чьё уважение ко мне не уменьшилось из-за той линии поведения, которой я следовал, оказавшись теперь в числе вершителей власти, пригласили меня присоединиться к ним, но подчиниться всеобщему призыву было невозможно; чувствуя отвращение к самому себе, надломленный и лишённый мужества, я принял решение прекратить всякую общественную деятельность. Разве мог кто-либо понять, что творится в моей душе?

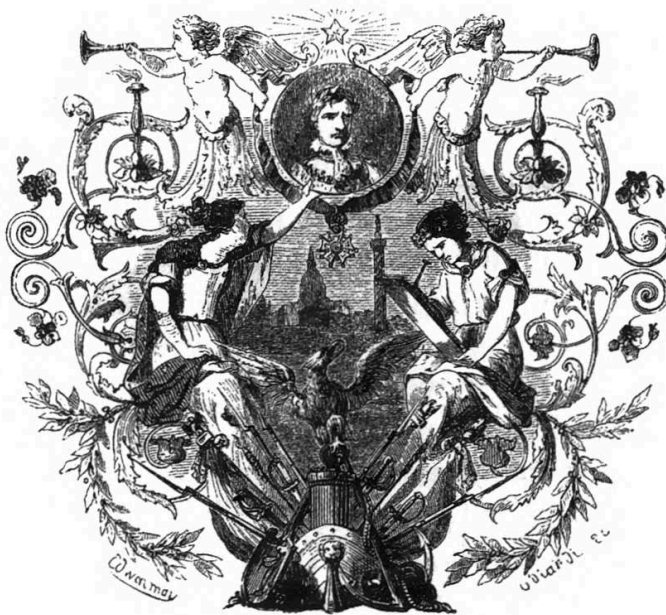
Неспособный выносить национальную деградацию, свидетелем которой я был каждый день в окружении вражеских штыков, я решил направить мои мысли в сторону от всех этих картин бедствий в собственной стране и отправился провести несколько месяцев в Англии. Как сильно, казалось, всё там изменилось! Подумав, я пришёл к выводу, что это моя личность претерпела большие изменения.

Едва я вернулся во Францию, как пришла новость о том, что на побережье нашей страны появился Наполеон; он проделал путь до столицы словно по мановению волшебной палочки — без единого сражения, не вызвав никаких беспорядков и пролития крови. Я думал, что стал свидетелем того, как пятно бесчестия на нашей стране от вражеских рук стёрто и наше величие восстановлено. Но судьба решила иначе!

Как только я узнал о прибытии императора, то немедленно отправился ко двору, чтобы служить его персоне. Я был непосредственным свидетелем отречения Наполеона от трона; и когда стали обсуждать вопрос о его смещении с престола, я попросил разрешения принять участие в его дальнейшей судьбе. До этого момента в императорском дворце царила атмосфера такого безразличия и опустошённости, что некоторые лица потом сочли мой поступок безрассудным, поскольку, несмотря на моё ежедневное пребывание во дворце в качестве офицера ведомства гофмаршала и на мой статус члена его Государственного совета, Наполеон практически меня не знал. «Вы понимаете, куда может привести вас ваше предложение?» — не скрывая своего удивления, спросил меня Наполеон. «Об этом я не думал», — ответил я.

Наполеон принял моё предложение, и вот сейчас я нахожусь на острове Святой Елены.

Итак, я рассказал о самом себе; в руках читателя находятся данные, удостоверяющие мою личность, множество моих современников живы, — посмотрим, сможет ли хотя бы один человек подвергнуть сомнению эти факты. Поэтому я приступаю к решению моей задачи.

Возвращение императора в Елисейский дворец после битвы при Ватерлоо

20 июня 1815 года

Узнав о возвращении императора в Елисейский дворец, я немедленно отправился туда для выполнения служебных обязанностей. Встретил там Монталамбера и Монтолона, прибывших туда по велению сердца.

Наполеон только что проиграл величайшее сражение; таким образом, безопасность страны отныне зависела от мудрости и рвения Палаты представителей. Император, весь ещё покрытый пылью с поля Ватерлоо, был готов немедленно отправиться к депутатам, чтобы заявить им о грозящей нам опасности и предложить средство для её предотвращения, а также сообщить о том, что он берёт на себя обязательство: его личные интересы никогда не станут препятствием счастью Франции; после этого заявления депутатам он намерен был сразу же покинуть Париж. Несколько человек из окружения императора отговорили его от этого шага, убедив, что он столкнётся с излишним волнением депутатов.

Пока ещё невозможно дать полную оценку сообщениям, которые распространяются по поводу рокового сражения: в некоторых сообщениях утверждается об измене, в других говорится о роковом стечении обстоятельств. Войско в составе тридцати тысяч человек под командованием Груши заблудилось, прибыло к месту битвы слишком поздно и не приняло в ней участия; армия, победоносная до

того вечера, как говорят, неожиданно была охвачена паникой и в одно мгновение разгромлена. Это новое Креси, новый Азинкур*!.. Все дрожат от страха и считают, что всё потеряно!

Отречение

21 июня 1815 года

Весь последний вечер и всю ночь самые доброжелательные и наиболее влиятельные члены национального представительного собрания были объектами тайного давления со стороны неких лиц, предъявлявших, если верить их слову, подлинные документы и полуофициальные бумаги, гарантировавшие безопасность Франции всего лишь при одном условии, на котором они настаивали, — условии отречения императора от престола.

Сегодня утром вышеупомянутое мнение приняло столь убедительный характер, что стало невозможно его игнорировать; президент собрания, высшие сановники государства и отдельные друзья императора явились к нему, чтобы просить его отречься от престола и тем самым спасти Францию. Хотя их доводы ни в коей мере не убедили императора, тем не менее он, полный величия души, ответил им, что отрекается от престола!

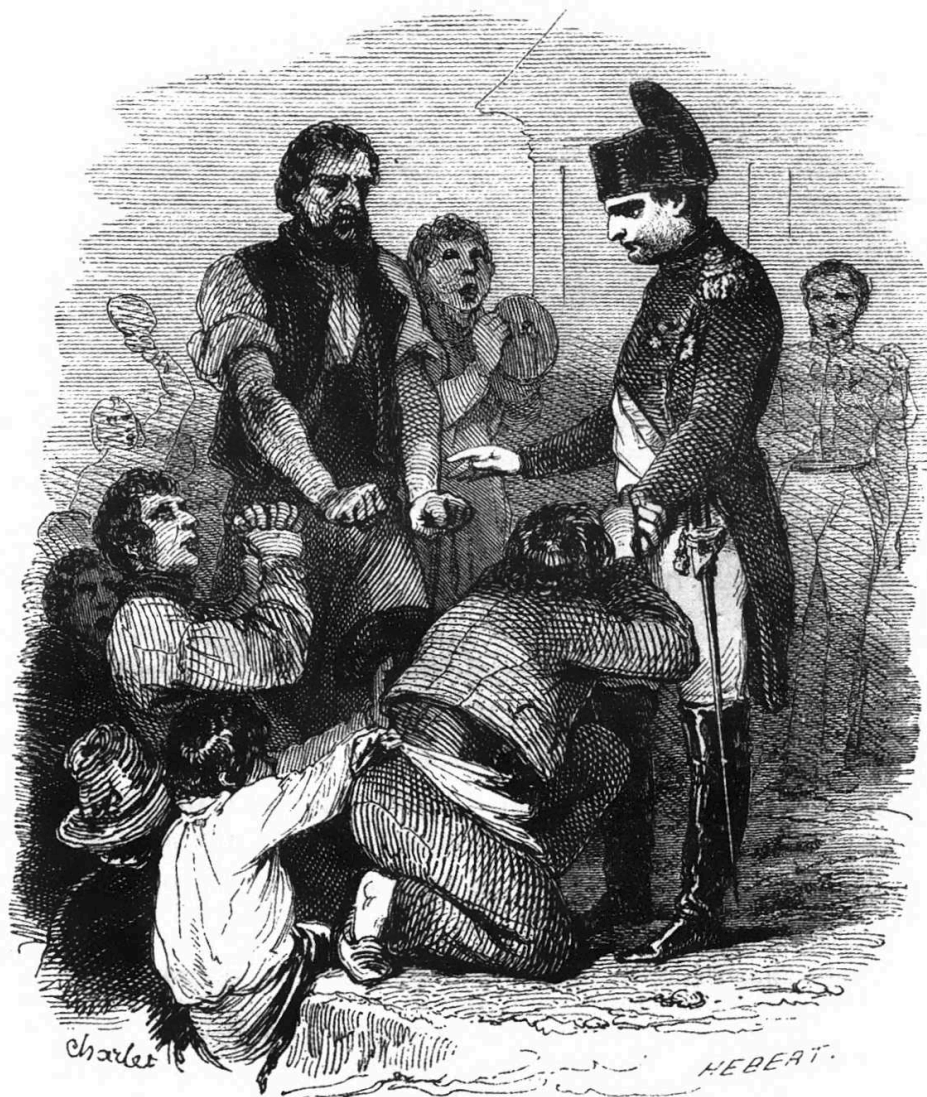
Это событие вызвало необычайное волнение вокруг Елисейского дворца: масса людей устремила к воротам, проявляя неподдельный интерес к событию дня; толпы парижан проникли в залы, в то время как отдельные простолудины даже взбирались по стенам; многие люди, не скрывавшие своих слёз, в состоянии, близком

* Тут было написано «Подлинный День Шпор», и я должен объяснить, почему этот текст был вычеркнут из моей работы.

Император, единственный кто знал, что я веду дневник на острове Святой Елены, однажды попросил, чтобы я прочитал ему несколько страниц из него; когда я зачитал это выражение, неосторожно вставленное в дневник, он неожиданно воскликнул: «Что вы наделали! Вычеркните это, сударь, вычеркните немедленно! “Подлинный День Шпор” — какая клевета! Ах, несчастная армия! Храбрые солдаты! Они никогда не сражались лучше! — Затем, после небольшой паузы, он с чувством добавил: — Среди нас было несколько подлых негодяев! Пусть Небеса простят их! Но что касается Франции, то сможет ли она когда-либо возродиться вновь после всех последствий этого злополучного дня?» — *Автор*.

«Подлинный День Шпор» в Креси — намёк на сражение при Гинегатте около Булони в 1513 году между французской армией и армией английского короля Генриха VIII. Французы были полностью разгромлены в этом сражении и прославленный Байард был взят в плен, когда прикрывал отступление французов; отступление было столь стремительным, что этот день получил название «Дня Шпор»: как писали современники, французская армия больше прибегала тогда к помощи шпор, чем пик. — *Прим. переводчика*.

к помешательству, стремились протолкнуться поближе к императору, который спокойно прохаживался в саду дворца, оказывая людям моральную поддержку. Наполеон один сохранял спокойствие, постоянно советуя собеседникам употребить в будущем на пользу своей стране проявляемые сейчас рвение и чуткость.

В течение дня я представил императору депутацию Палаты представителей; они пришли, чтобы поблагодарить императора за его преданность национальным интересам.

Документы и государственные бумаги, которые произвели настоящую сенсацию и стали основным событием дня, оказались, как выяснилось, официальными посланиями господ Фуше и Меттерниха, в которых последний гарантировал восхождение на престол Наполеона II и регентство — в том случае, если император отречётся от престола. Эти послания, судя по всему, были подготовлены уже

давно, причём втайне от Наполеона. Господин Фуше, должно быть, имел неистребимое пристрастие к секретным операциям. Хорошо известно, что он впервые попал в немилость к Наполеону несколько лет назад, когда по собственной инициативе, не поставив в известность императора, стал вести переговоры с Англией. В текущих делах он всегда демонстрировал стремление отходить от принятой линии ведения государственных дел. Бог не допустил, чтобы его нынешние тайные махинации оказались пагубными для нашей страны!

Депутация Палаты пэров — Коленкур — Фуше

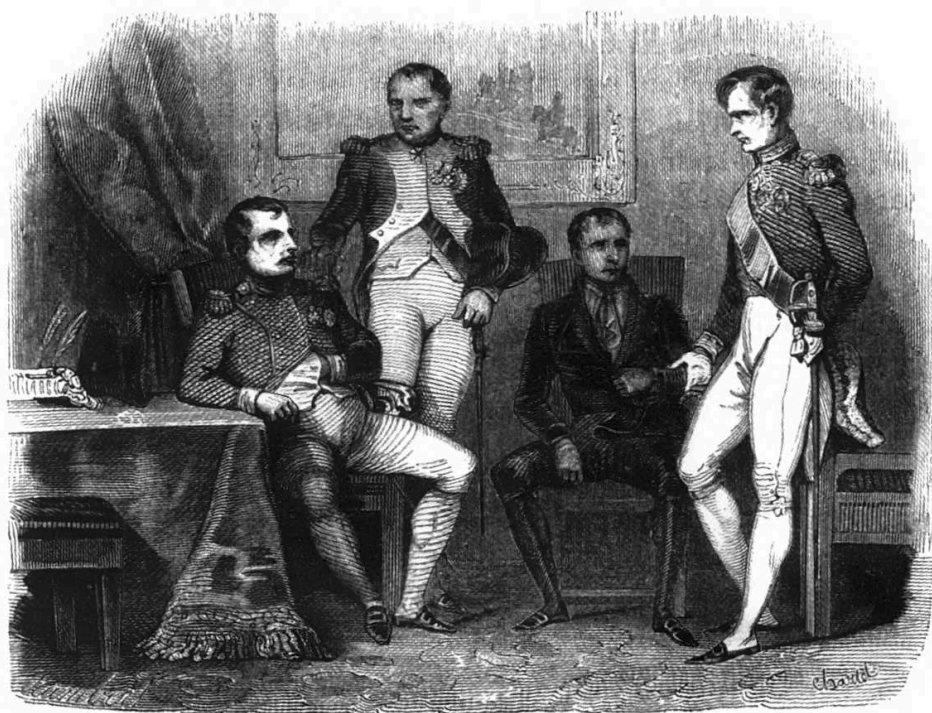
22 июня 1815 года

Я отправился домой, чтобы в домашней обстановке провести несколько часов. В течение этого дня императору была представлена депутация Палаты пэров, вечером были названы имена некоторых членов временного правительства. Коленкур и Фуше, вошедшие во временное правительство, оказались вместе с нами, депутатами, в вестибюле Елисейского дворца; мы поздравили первого в связи с его назначением. Этим поздравлением мы, по существу, поздравили самих себя, поскольку это назначение отвечало интересам общества; ответ Коленкура был полон тревоги. «Мы аплодируем выбору человека, которого хорошо знали и прежде», — со своей стороны заявили мы. В наш разговор с Коленкуром вмешался Фуше, который заметил тоном наигранной весёлости: «Очевидно, что меня ни в чём не подозревают». — «Если бы вас подозревали, — резко ответил ему присутствовавший при общем разговоре депутат Буле де ла Мерт, — то, будьте уверены, тогда бы мы вас не назначили в правительство».

Временное правительство представлено императору

23 — 24 июня 1815 года

Всеобщий интерес к событиям в Елисейском дворце не иссякал. Я представил членов временного правительства императору, который, отпустив их, дал указание герцогу Декре проводить их до выхода из дворца. В течение дня императора навестили его братья, Жозеф, Люсьен и Жером, с каждым из которых он немного побеседовал.

Как обычно, вечером вокруг дворца собралась большая толпа людей, их количество постоянно увеличивалось. Интерес, который они проявляли к императору, и их шумные приветствия в его адрес вызвали явное беспокойство среди различных фракций. Возбуждённое поведение жителей столицы теперь стало столь бурным, что Наполеон принял решение покинуть Елисейский дворец на следующий день.

Наполеон покидает Елисейский дворец

25 июня 1815 года

Я сопровождал императора во время его переезда из Елисейского дворца в поместье Мальмезон и вновь попросил его разрешения разделить с ним его будущую судьбу. Моё предложение, казалось, вызвало у него удивление, поскольку он знал меня только благодаря моей службе в ведомстве гофмаршала; но он принял моё предложение.

26 июня 1815 года

Жена приехала повидаться со мной. Она догадывалась о моих намерениях; признаться в них стало для меня довольно деликатной задачей, и ещё более трудным оказалось убедить её в их правильности.

«Дорогая, — сказал я, — когда я поступаю по велению своего сердца, то меня утешает мысль, что тем самым не наносится ущерб твоим интересам. Если Наполеону II предстоит править нашей страной, то я уверен, что он будет покровительствовать тебе; если же Небеса решат иначе, то я обеспечил тебе великолепное место для убежища и имя, достойное всякого уважения. В любом случае мы встретимся вновь, по крайней мере, в лучшем мире».

После потока слёз и даже упрёков, которые в данной ситуации не могли быть неприятными, она дала согласие на мой отъезд, взяв с меня обещание, что я позволю ей приехать ко мне. С этой минуты она демонстрировала мужество и силу характера, которые воодушевляли меня в тех случаях, когда мне это было необходимо.

В Мальмезон приезжает военно-морской министр

27 июня 1815 года

Я ненадолго отправился в Париж вместе с военно-морским министром, который приезжал в Мальмезон для обсуждения деловых вопросов относительно фрегатов, предназначенных для императора. Министр зачитал мне инструкции, подготовленные для командиров фрегатов, и заявил, что Его Величество рассчитывает на моё усердие и намерен взять меня с собой. Министр пообещал, что будет заботиться о моей семье во время моего отсутствия.

Законодательное собрание провозгласило Наполеона II императором.

Я послал за моим сыном, находившимся в школе, поскольку принял решение, что он будет сопровождать меня. Мы подготовили небольшой пакет с одеждой и бельём и затем отправились в Мальмезон вместе с моей женой, которая потом тут же вернулась в Париж. Дорога теперь стала небезопасной вследствие того, что приближаются вражеские войска.

28 июня 1815 года

Желая завершить некоторые дела, я с сыном поехал в Париж, нас довезла герцогиня Ровиго.

С каждым часом в столице возрастали волнение и чувство неопределённости, так как армии врага подступали. При подъезде к Мальмезону мы увидели, что мост через реку Шату весь объят пламенем; посты охраны были расставлены вокруг дворца, и было весьма благоразумно оставаться внутри парка, окружённого стенами.

Я отправился в комнату императора и поделился с ним впечатлениями об обстановке в Париже; я заявил, что, по всеобщему мнению, Фуше открыто предал национальное дело и что надежды всех патриотов связаны с тем, что Его Величество в эту же ночь присоединится к армии, которая во всеуслышание требует его приезда к ней. Император очень внимательно выслушал меня, находясь в состоянии глубокой задумчивости, но не сказал ни слова. Я вскоре после этого удалился.

Наполеон покидает Мальмезон и отправляется в Рошфор

29 — 30 июня 1815 года

Возгласы «да здравствует император!» постоянно раздавались на большой дороге, ведущей в Сен-Жермен, — так приветствовали Наполеона войска, которые проходили мимо Мальмезона.

Ближе к полудню из Парижа приехал генерал Беккер, посланный временным правительством; он сообщил нам с оттенком

возмущения в голосе, что получил поручение охранять Наполеона и наблюдать за ним*.

Самые низменные чувства диктовали необходимость сделать выбор в пользу генерала Беккера: Фуше было известно, что генерал Беккер затаил личную обиду против императора, и поэтому Фуше не сомневался, что в генерале Беккере он нашёл человека, готового к мести. Но Фуше сильно подвели его ожидания, ибо генерал Беккер постоянно проявлял высокую степень уважения и привязанности к императору, показывая благородство своего характера.

Между тем времени почти не оставалось. Когда пришла пора отъезда из Мальмезона, император направил через генерала Беккера

* Когда я вернулся в Европу, мне представился случай ознакомиться со следующими документами, которые имеют отношение к упомянутому выше обстоятельству. Я переписываю их в свой дневник, поскольку, как я думаю, они неизвестны широкой общественности.

«От правительственной комиссии маршалу князю д'Экмюлю, военному министру:

Париж, 27 июня 1815 года

Положение дел сейчас таково, что Наполеону необходимо решить вопрос о своём отъезде и следовании на остров Экс. Если он не примет этого решения после того, как вы ознакомите его с прилагаемыми резолюциями, то вам следует принять меры по наблюдению за ним в Мальмезоне, чтобы помешать его побегу. С этой целью вы предоставите в распоряжение генерала Беккера необходимое количество жандармов и подразделений действующей армии, с тем чтобы они охраняли все дороги, ведущие к Мальмезону во всех направлениях. Вы должны дать соответствующие указания главному инспектору жандармерии. Сведения об этих мерах должны храниться в полнейшей тайне.

Это письмо направляется только вам лично; но генерал Беккер, которому будет поручено вручить упомянутые резолюции Наполеону, получит от вашего превосходительства особые инструкции и информирует Наполеона о том, что эти резолюции были подготовлены с целью соблюдения интересов государства и для обеспечения безопасности его персоны, что их скорейшее выполнение крайне необходимо и, наконец, что они абсолютно необходимы для интересов его будущего.

Герцог Отрантский».

«Государственная комиссия принимает следующие резолюции:

1. Военно-морской министр отдаст приказы двум фрегатам подготовиться в Рошфоре, чтобы переправить Наполеона Бонапарта в Соединённые Штаты.

2. В том случае, если он потребует этого, то до места посадки на борт корабля его будет сопровождать эскорт под командованием генерал-лейтенанта Беккера, которому будет поручено принять соответствующие меры по обеспечению его безопасности.

3. Генеральный директор почтового ведомства даст, со своей стороны, необходимые указания относительно постов летучей почты.

4. Военно-морской министр даст необходимые указания о немедленном возвращении фрегатов после высадки Наполеона Бонапарта на берег Соединённых Штатов.

5. Фрегаты не должны покидать Рошфор до прибытия охранных свидетельств и эскорта.

6. Военно-морскому министру, военному министру и министру финансов вменяется каждому выполнение той части настоящих резолюций, которая касается их непосредственно».

послание временному правительству, предлагая поставить себя во главе армии в качестве частного гражданина и добавив, что после того, как будет дан отпор Блюхеру, он продолжит свой путь по намеченному маршруту. Получив отказ на это предложение, мы покинули Мальмезон; император и часть его свиты отправились в Рошфор через Тур, я и мой сын вместе с Монтолоном, Плана и Резиньи проследовали к Орлеану, так же, как и ещё два или три других экипажа. Мы прибыли в Орлеан рано утром 30 июня и добрались до Шательро в полночь.

«Герцог Отрантский — военному министру:

Париж, 27 июня 1815 года, полдень

Направляю вам копию письма, которое я только что написал военно-морскому министру относительно Наполеона. Внимательное прочтение этого письма должно убедить вас в том, что вам необходимо отдать приказание генералу Беккеру не отходить ни на шаг от персоны Наполеона в то время, когда последний остаётся на дорогах острова Экс».

«Военно-морскому министру:

Париж, 27 июня 1815 года, полдень

Комиссия напоминает вам об инструкциях, переданных вам час тому назад. Резолюции должны быть исполнены именно так, как они были предписаны комиссией вчера, и в соответствии с ними Наполеон Бонапарт должен оставаться на острове Экс до прибытия его паспортов. Благополучие государства, которое ему не может быть безразличным, требует, чтобы он оставался на острове до тех пор, пока не будет определённым образом решена его судьба и судьба его семьи. Будут приняты все меры и использованы все средства, чтобы обеспечить для него удовлетворительный результат переговоров. От этого зависит честь Франции; но тем временем должны быть приняты все меры предосторожности по обеспечению личной безопасности Наполеона, а также для того, чтобы он не покидал место, которое временно предназначено для него.

Президент правительственной комиссии
герцог Отрантский».

«Военный министр — генералу Беккеру:

Париж, 27 июня 1815 года

Имею честь направить вам прилагаемые резолюции, с которыми правительственная комиссия обязывает вас ознакомить императора Наполеона; скажите Его Величеству, что обстоятельства приняли столь неотложный характер, что стало совершенно необходимым, чтобы он принял решение в настоящее время находиться на острове Экс. Эти резолюции, как отмечает комиссия, были подготовлены в равной степени и для личной безопасности его персоны, и в интересах государства, которые всегда должны быть для него дороги.

Если, после ознакомления Его Величества с этими резолюциями, он не согласится с ними, то государственная комиссия намерена принять все необходимые меры, чтобы предотвратить побег Его Величества, а также любую попытку, враждебную для его персоны».

Приведённое выше письмо осталось без подписи: когда оно готовилось к отправке, князь д'Экмюль заявил своему секретарю: «Я никогда не подпишу это письмо, подпишите его сами, этого будет достаточно». Было оно послано или нет? На этот вопрос я ответить не могу.

1 — 2 июля 1815 года

Мы проехали Лимож 1 июля в четыре часа дня; обедали в Ла Рошфуко 2 июля и добрались до Жарнака около семи часов вечера. В Жарнаке мы ночевали из-за упрямства начальника почтовой станции, который заставил нас остаться там до следующего дня.

3 июля 1815 года

Мы не могли выехать из Жарнака до пяти часов вечера. Из-за недружелюбного отношения к нам начальника почтовой станции, который был недоволен тем, что ему пришлось держать нас всю ночь, и использовал известные ему тайные средства, чтобы задерживать нас ещё дольше, мы были вынуждены медленно добираться до Коньяка, где начальник почтовой станции и жители городка приняли нас совсем иначе. Было легко понять, что наше путешествие вызвало большое волнение у всех французов. Приехав в Сент к одиннадцати часам вечера, мы чуть не стали жертвами враждебной ярости нескольких негодяев, собранных офицером королевской гвардии, жителем этого городка. Этот человек подготовил нам засаду и даже замыслил убить нас. Собравшаяся толпа арестовала нас, но вмешался отряд национальной гвардии и препроводил нас, в качестве пленников, в соседнюю с почтовой станцией гостиницу.

Были распространены слухи, что мы везём с собой государственные сокровища и поэтому заслуживаем смерти. Некоторые люди из толпы, которые вели себя так, словно они были самыми знатными жителями городка, в основном женщины, были настроены особенно агрессивно, требуя, чтобы нас немедленно казнили.

Мы наблюдали за этими женщинами, когда они шествовали одна за другой вблизи открытых окон нашей временной тюрьмы, — видимо, для того, чтобы их оскорбления в наш адрес не пропадали даром. Едва ли можно было поверить, что в проявлении своей ненависти к нам и своей досады при виде нашего безразличия к ним они ограничились бы только тем, что в ярости кусали губы; тем не менее, именно эти женщины составляли самый фешенебельный круг светского общества городка Сент! Может быть, Реаль был прав, когда в период *Ста дней* говорил императору, что кое-что знает о якобинцах? Он уверял, что единственная разница между бедными и богатыми якобинцами состояла в том, что первые носили деревянные башмаки, а вторые — шёлковые чулки.

Принц Жозеф, проезжавший через Сент, о чём нам не было известно, своим появлением в городке вызвал у местных жителей дополнительный интерес к нашему приключению. Он также был арестован и затем препровождён в местную префектуру, но к нему относились с величайшим уважением.

Окна нашей гостиницы выходили на большую площадь, которая беспрестанно заполнялась возбуждённой и враждебно настроенной к нам толпой, которая вела себя чрезвычайно воинственно и оскорбительно. Карета, в которой мы путешествовали, была подвергнута обыску, а нас самих в это время содержали в чём-то похожем на камеру одиночного заключения. Однако я получил разрешение навестить принца Жозефа примерно в четыре часа дня.

Пока я шёл в префектуру, несколько человек обратились ко мне с разговором, хотя меня и сопровождал сержант: некоторые передавали мне записки, другие шептали какие-то дружеские слова; все они заверяли меня в том, что мы можем чувствовать себя совершенно спокойно, так как патриоты и благоразумные жители защитят нас.

Ближе к вечеру нам разрешили продолжить наш путь, и к этому времени обстановка в городе настолько изменилась, что мы покидали гостиницу, сопровождаемые приветственными возгласами. Женщины из числа бедной части населения в слезах целовали наши руки, многие местные жители предлагали сопровождать нас, чтобы избежать встречи с врагами императора, которые, как нас уверяли, недалеко от города поджидали наш кортеж, чтобы убить нас. Эта

своеобразная смена настроения в Сенте была в некоторой степени вызвана тем, что в город пришли крестьяне из близлежащих деревень, а также отряды федеральных войск.

4 июля 1815 года

Мы прибыли в Рошфор около двух часов ночи, император приехал в Рошфор накануне вечером*. Принц Жозеф прибыл в Рошфор днём 4 июля; я тут же провёл его к императору.

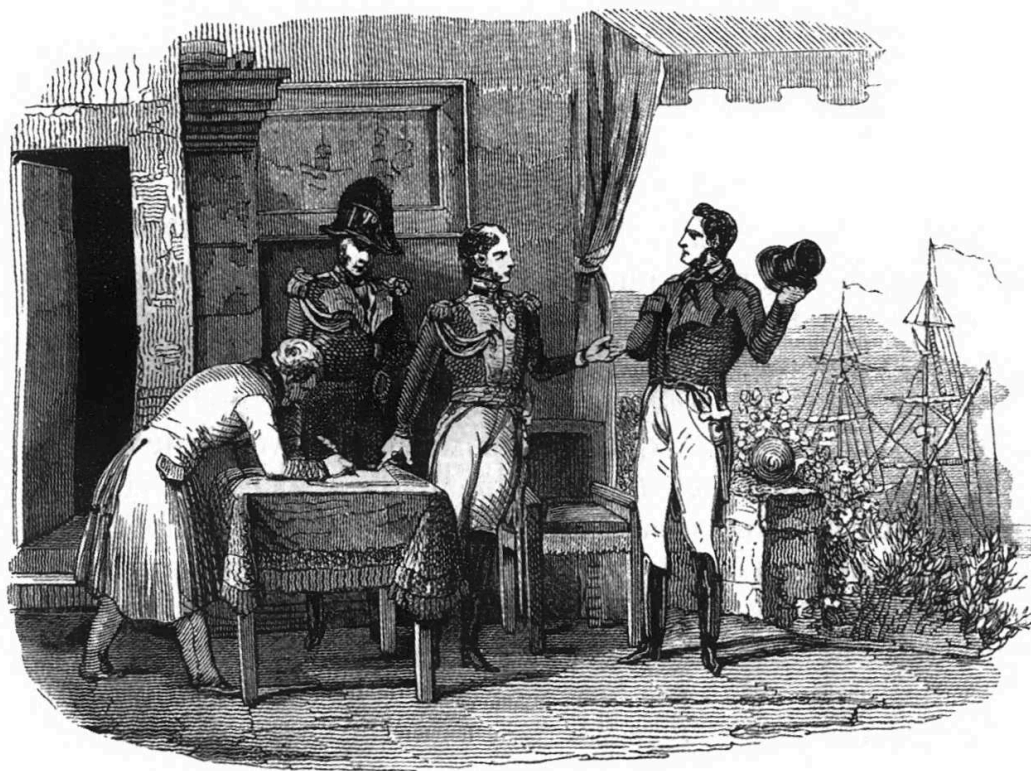
Воспользовавшись первой же минутой отдыха, я сообщил президенту Государственного совета о причине своего отсутствия. «Срочные и важные события, — писал я, — вынудили меня покинуть Париж, не спросив необходимого разрешения. Исключительная важность события привела к этому нарушению соответствующих правил: я находился в составе свиты императора в момент его отъезда и не мог оставить великого человека, который так доблестно правил нами и который подверг себя изгнанию, чтобы способствовать спокойствию Франции, от былой мощи которой сейчас ничего не осталось, кроме её славы и имени; повторяю, что я не мог позволить ему уехать, не уступив моему желанию следовать за ним. В те дни, когда он преуспевал, он удостоил меня чести выказать мне свою благосклонность; теперь я обязан отплатить ему всем, на что я способен, будь то мои чувства или мои поступки».

5 — 7 июля 1815 года

В Рошфоре император не стал надевать свой военный мундир. Он жил в префектуре; вокруг этого дома постоянно толпилась масса народа, часто повторялись приветственные возгласы в его честь. Император два или три раза появлялся на балконе.

Во время своего пребывания в Рошфоре император вёл такой же образ жизни, как и в Тюильри; мы не приближались к его особе чаще обычного; он редко принимал кого-либо, за исключением Бертрана и Савари; таким образом, нам приходилось удовлетворяться только сообщениями и догадками обо всём том, что касалось его. Однако было очевидно, что, находясь в самом центре всеобщего волнения и возбуждения, он сохранял спокойствие и решительность, продолжая оставаться даже несколько безразличным к происходившему вокруг него.

* Маршрут императора после выезда из Парижа был следующим: выехал из Парижа 29 июня и ночь спал в Рамбуйе; в Туре был 30 июня, в Ньоре — 1 июля; выехал из Ньора 2 июля и приехал в Рошфор 3 июля; оставался там до 8 июля и вступил на борт «Беллерофона» 15 июля.

Лейтенант нашего военно-морского флота, который сейчас командует датским торговым кораблём, от всей души хотел спасти императора. Он предлагал взять на борт своего корабля его одного и спрятать таким образом, чтобы ни одна проверка не смогла обнаружить его; он был готов немедленно отплыть с ним в Соединённые Штаты. Он просил только небольшую сумму для выплаты страховки владельцам корабля на тот случай, если во время выполнения плана он понесёт какие-нибудь потери. Бертран согласился с предложением лейтенанта, но на определённых условиях, которые записал от моего имени. Я подписал этот документ с изложенной фиктивной сделкой в присутствии и на глазах морского префекта.

Император вступает на борт корабля

8 июля 1815 года

Вечером император проследовал в Фурас, сопровождаемый приветственными возгласами местных жителей повсюду, где бы он ни появлялся. Он спал на борту фрегата «Заале», на который вступил около восьми часов вечера. Я прибыл на борт фрегата гораздо позже, поскольку сопровождал в другой лодке госпожу Бертран, с которой мы отплыли к фрегату с иного места на берегу.

9 июля 1815 года

Я сопровождал императора, когда он рано утром сошёл с борта фрегата на берег острова Экс; он осмотрел фортификационные сооружения острова и вернулся на борт фрегата к завтраку.

10 июля 1815 года

Рано утром вместе с герцогом Ровиго я отправился к британским военным кораблям, чтобы выяснить, получили ли они охранные грамоты и пропуска, обещанные нам временным правительством, для того чтобы Наполеон мог проследовать в Соединённые Штаты. Нам ответили, что они охранных грамот и пропусков не получали, но что этот вопрос будет немедленно доложен их главнокомандующему. Я уведомил англичан, что император высказал предположение о возможности отплыть в Соединённые Штаты вместе с французской эскадрой из двух фрегатов под белым флагом перемирия; англичане ответили, что в этом случае французская эскадра будет атакована. Затем мы поставили вопрос о возможности отплытия Наполеона в Соединённые Штаты на одном из кораблей нейтральных стран; в ответ нам сообщили, что все корабли нейтральных стран будут подвергнуты строгому досмотру и, возможно, даже отконвоированы в английский порт. В итоге нам было рекомендовано проследовать в Англию; нам заявили, что в этой стране у нас не будет никаких оснований для того, чтобы опасаться чего-либо плохого. Мы вернулись к себе в два часа дня.

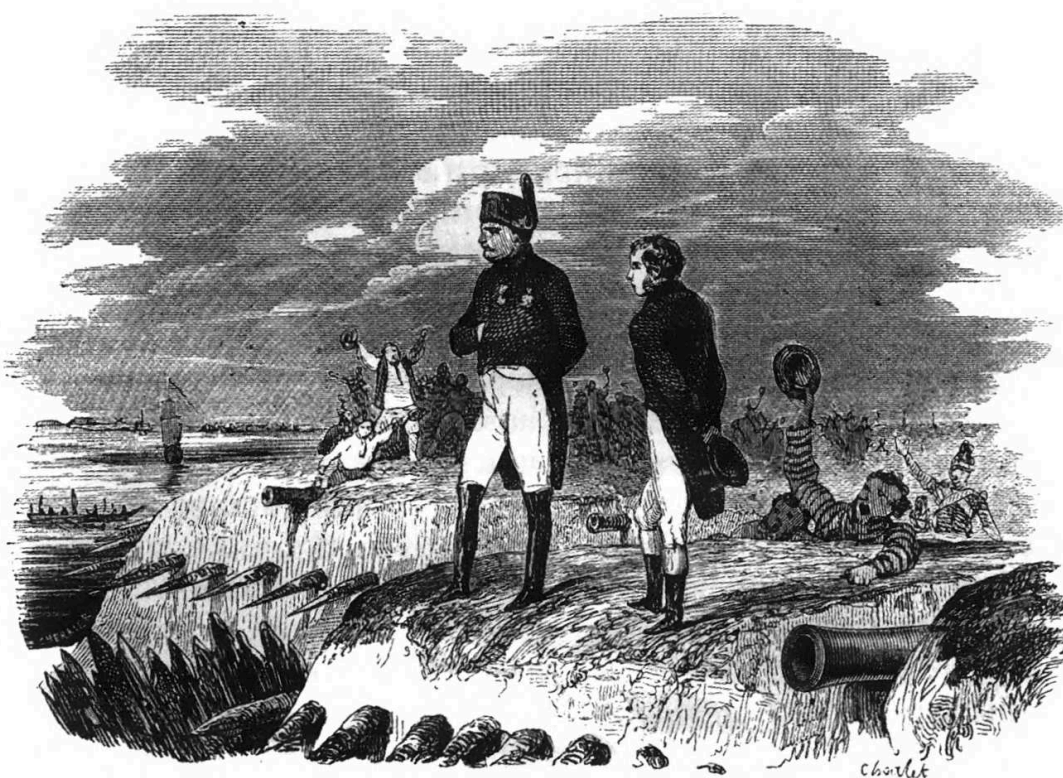
Британский корабль «Беллерофон» последовал за нами и вскоре бросил якорь на Баскском рейде, чтобы находиться поближе к нам; таким образом, корабли обеих стран встали почти вплотную друг к другу.

Когда мы поднялись на борт «Беллерофона», капитан этого корабля обратился к нам на французском языке; у меня не было особого желания сообщать ему, что я кое-что понимаю на его собственном языке: некоторые выражения, которыми капитан корабля обменивался со своими офицерами, могли негативно повлиять на ход наших переговоров, если бы оказалось, что я понимаю их. Когда, некоторое время спустя, нас спросили, понимаем ли мы английский язык, я не помешал герцогу Ровиго дать им отрицательный ответ. Наше положение вполне позволяло мне не чувствовать каких-либо угрызений совести, которые возникли бы у меня в иной ситуации, и придавало моему маленькому обману достаточно извинительный характер. Я упоминаю об этом случае только потому, что, поскольку я оставался две недели среди англичан, мне приходилось проявлять утомительную сдержанность, чтобы не выдать себя. Впрочем, хотя я мог с лёгкостью читать английский текст, но

из-за того, что я не был в Англии тринадцать лет и, соответственно, не имел разговорной практики, я испытывал большие затруднения в понимании разговоров англичан.

11 июля 1815 года

Английские военные корабли заблокировали все выходы в открытое море. Судя по всему, император находится в состоянии полной неопределённости в отношении того, какого именно плана он должен придерживаться. Для его отплытия из Рошфора ему предлагались и корабли под флагом нейтральных государств, и даже быстроходные береговые шлюпы, укомплектованные молодыми военно-морскими офицерами. Со всей территории Франции императору продолжают поступать предложения о его спасении.

12 июля 1815 года

Император с борта фрегата «Заале» сошёл на берег острова Экс, где его с энтузиазмом приветствовали жители. Он покинул фрегат из-за того, что командир отказался поднять паруса и отплыть в открытое море; неизвестно, был ли его отказ результатом слабости характера или следствием того, что он получил новые приказы от временного правительства. Многие сторонники Наполеона придерживались мнения, что попытка выйти в открытое море и оторваться

от преследования англичан могла иметь некоторые шансы на успех; но следует признать, что направление и сила ветра по-прежнему оставались неблагоприятными для осуществления такого плана.

13 июля 1815 года

Днём принц Жозеф навестил своего брата. Около одиннадцати часов вечера император был почти готов к тому, чтобы отправиться в открытое море на быстроходном береговом шлюпе в сопровождении другого шлюпа с багажом и с некоторыми членами его свиты. Одним из них должен был быть господин де Плана.

14 июля 1815 года

Вместе с генералом Лаллеманом я в четыре часа утра отправился на борт английского корабля «Беллерофон», чтобы удостовериться, получен ли какой-нибудь ответ в отношении пропусков. Капитан корабля сообщил, что ожидает ответа в любую минуту, и добавил, что, если император готов немедленно отплыть в Англию, то он, капитан, имеет инструкции привезти его туда. Затем капитан заявил, что он, так же как и другие присутствующие английские капитаны, придерживается мнения, что Наполеону, вне всякого сомнения, в Англии будет оказан радушный приём: он будет встречен с самым большим уважением, и с ним будут обращаться наилучшим образом, поскольку в Англии ни король, ни его министры не осуществляют деспотическую власть, как это делают правители государств европейского континента, а английский народ обладает душевной щедростью и великодушием, стоящими выше мнения самой верховной власти.

Я ответил, что по возвращении сообщу императору о предложении капитана и о содержании всей его речи, и добавил, что в достаточной мере знаком с характером императора Наполеона, чтобы верить: он без колебаний отправится в Англию с такой же уверенностью, с какой смог бы продолжить своё плавание в Соединённые Штаты. В разговоре с английским капитаном я обрисовал часть Франции, расположенную к югу от Луары, как территорию, охваченную пламенным народным гневом, и сообщил, что все свои надежды французский народ связывает с Наполеоном, пока он ещё находится во Франции; я заявил, что отовсюду ежедневно ему шлют предложения возглавить борьбу против вторгнувшихся на территорию страны вражеских войск, что Наполеон полон решимости ни стать причиной, ни дать повода для развязывания гражданской войны, что великодушие, проявленное им при отречении от престола, направлено на то, чтобы способствовать

более лёгкому заключению мира, и что он принял твёрдое решение подвергнуть себя добровольному изгнанию, дабы заключение мира было быстрым и полным.

Генерал Лаллеман, будучи приговорённым к смертной казни властью короля Франции и лично заинтересованный в характере принимаемых в настоящее время решений, спросил капитана Мэтленда, которого он ранее знал в Египте и чьим пленником, как я думаю, он был: имеют ли лица, вроде него, вовлечённые в гражданские раздоры в его стране и, таким образом, добровольно следующие в Англию, какие-либо основания для опасений, что их вышлют во Францию? Капитан ответил, что таких оснований нет и что подобные сомнения равносильны оскорблению.

Перед тем, как попрощаться с англичанами, мы подвели итоги переговоров. Я повторил, что, возможно, исходя из сложившихся обстоятельств и из собственных намерений императора, он воспользуется предложением капитана Мэтленда, с тем чтобы получить охранные грамоты и пропуска для поездки в Америку. Капитан Мэтленд просил нас понять, что он не может гарантировать выдачу разрешений на охранные грамоты и пропуска, на получении которых мы настаивали; после этого его заявления мы покинули борт «Беллерофона». Говоря по правде, сам я не считал, что мы получим подобные разрешения, но император, желая в будущем вести свою жизнь в обстановке полного спокойствия, принял решение окончательно отойти от политической деятельности, поэтому мы рассматривали возможность того, что нам не разрешат покинуть Англию, не испытывая особой тревоги по этому поводу, но наши опасения и предположения далее этого не простирались. Вполне вероятно, что капитан Мэтленд придерживался такого же мнения: во всяком случае, я отдаю ему, так же как и другим английским офицерам, должное, полагая, что они были честны и искренни, когда говорили нам о душевных качествах английского народа.

Мы приехали на остров в одиннадцать часов; между тем шторм на море усиливался, и необходимо было принимать то или другое решение. Император собрал нас вместе, чтобы провести некоторое подобие заседания Государственного совета, на котором были бы обсуждены все шансы побега. Попытка прорвать блокаду английской флотилии на датском корабле была признана бесперспективной, а об использовании французских береговых шлюпов уже более никто и не думал. Преодолеть силой блокаду британских военных кораблей не представлялось возможным, — таким образом, судя по всему, оставалось одно из двух: или возобновить войну в полном масштабе, или принять предложение капитана Мэтленда. Было выбрано

последнее. Мы руководствовались тем, что, вступив на борт корабля «Беллерофон», мы сразу же окажемся на британской территории; в этом случае англичане свяжут себя узами гостеприимства, которые считаются священными даже среди самых варварских народов. Мы также окажемся под защитой гражданских прав и привилегий этой страны. Народ Англии не будет настолько безразличен к своей славе, чтобы не воспользоваться таким счастливым для него обстоятельством. Исходя из этого предположения, Наполеон написал принцу-регенту Великобритании следующее письмо:

«Ваше Королевское Высочество! Являясь жертвой борьбы партий, раздирающей мою страну, и жертвой вражды ко мне великих держав Европы, я завершил свою политическую карьеру. Я, подобно Фемистоклу, пришёл к очагу английского народа. Отдаю себя под защиту его законов, которой я прошу у Вашего Королевского Высочества как наиболее могущественного, наиболее непоколебимого и наиболее великодушного из всех моих противников.

Наполеон».

Около четырёх часов дня я вместе со своим сыном и генералом Гурго взойшёл на борт «Беллерофона», откуда мне уже не суждено было вернуться. Мне было поручено объявить капитану Мэтленду,

что Его Величество вступит на борт «Беллерофона» на следующее утро, и, кроме того, я должен был вручить капитану Мэтленду вышеупомянутое письмо; генералу Гурго было поручено немедленно отплыть в Англию, чтобы лично вручить принцу-регенту письмо императора. Капитан Мэтленд, прочитав письмо Наполеона, остался им очень доволен. Двум другим английским капитанам было разрешено сделать копии с письма Наполеона с обязательством сохранять его содержание в тайне до тех пор, пока оно не будет обнародовано; после этого Гурго сразу же был отправлен в Англию на корвете «Слейни», входившем в состав английской эскадры.

Мы с сыном сидели в каюте капитана «Беллерофона». Вскоре после того как «Слейни» покинул эскадру, капитан Мэтленд, выходявший из каюты, чтобы отдать какие-то приказы, неожиданно вернулся и с выражением крайней озабоченности на лице воскликнул: «Граф Лас-Каз, пока я вёл с вами переговоры, меня обманули! Воспользовавшись тем, что один из моих кораблей покинул эскадру, Наполеон, как я об этом только что узнал, сбежал. Если это действительно так, то я буду поставлен в ужасное положение перед моим правительством». Слова капитана сильно удивили меня; я был бы готов отдать всё на свете, чтобы сказанное оказалось правдой. Император никаких договорённостей по этому поводу не имел; в переговорах с капитаном Мэтлендом я был абсолютно искренен и поэтому с готовностью стал бы жертвой подобного развития событий.

Сохраняя полнейшее хладнокровие, я спросил капитана Мэтленда: в котором часу император отплыл, как ему было сказано, в неизвестном направлении? Капитан был настолько потрясён полученным известием, что не удосужился выяснить это. Он вновь вышел из каюты, чтобы уточнить этот вопрос; вернувшись, он сказал мне: «В двенадцать часов дня». — «Если это так, — ответил я, — то отплытие «Слейни» никакого отношения к побегу Наполеона не имеет, так как вы только что отправили этот корвет в Англию; кроме того, у вас нет оснований для беспокойства, так как я расстался с императором на острове Экс в четыре часа дня». — «Вы уверены в этом?» — спросил он. Когда я повторил свои слова, он повернулся к офицерам, сопровождавшим его, и заявил им по-английски, что полученная разведывательная информация, должно быть, не соответствует действительности, так как я веду себя слишком спокойно и, судя по всему, искренен; и, помимо всего, я дал слово говорить только правду по затронутому вопросу.

Англичане с военных кораблей имели большое количество источников информации на нашем побережье: впоследствии я получил

возможность убедиться в том, что они были подробно информированы обо всех наших делах*.

Теперь все наши мысли были заняты только одним: подготовкой к следующему дню. Капитан Мэтленд спросил меня, не хотел бы я, чтобы он выслал свои лодки за императором. Я ответил ему, что французские моряки слишком болезненно воспринимают предстоящее расставание с императором, чтобы лишить их удовольствия послужить ему вплоть до последней минуты.

Император вступает на борт «Беллерофона»

15 июля 1815 года

На рассвете мы увидели, как один из наших бригов, «Ястреб», приближается к «Беллерофону» под белым флагом перемирия. Так как ветер дул навстречу приливу, то капитан Мэтленд послал свою командирскую шлюпку для встречи с бригом. Увидев, что шлюпка возвращается, капитан чрезвычайно разволновался и стал пытаться с помощью подзорной трубы выяснить, действительно ли император находится на борту брига; он просил меня, чтобы я, посмотрев в подзорную трубу, убедился в этом сам, но пока ещё я не мог дать ему определённый ответ. Наконец все сомнения рассеялись, так как император вышел вперёд в окружении своей свиты.

Я стоял у схода, чтобы представить императору капитана Мэтленда, которому он сказал: «Я вступаю на борт вашего корабля, чтобы отдать себя под защиту законов Англии». Капитан затем провёл императора в свою каюту, которая немедленно была отдана в его распоряжение. Вскоре после этого императору были представлены все офицеры «Беллерофона»; по окончании этой церемонии

* Во время нашего плавания из Англии на остров Святой Елены адмирал Кокберн предоставил в наше распоряжение свою библиотеку. Один из членов свиты Наполеона, перелистывая страницы тома «Британской энциклопедии», обнаружил письмо из Ла-Рошели, адресованное командиру английской эскадры; письмо содержало, слово в слово, всё развитие нашего дела, связанного с датским кораблём: точное время предполагаемого отплытия корабля, планы на будущее и т.д. Мы передавали это письмо из рук в руки, приняв меры, чтобы затем положить его туда же, где оно было обнаружено. По своему содержанию это письмо не представляло для нас особой информационной ценности; мы были осведомлены о существовании договорённости между нашими противниками во Франции и вне её об обмене разведывательной информацией, но нам хотелось получить доказательство этого. Каким образом это письмо оказалось на борту «Нортумберленда»? Капитан Мэтленд, переправляя нас на этот корабль, несомненно, также передал всю документацию, относившуюся к нашему пленению.

Это было то самое письмо, которое вызвало такую тревогу у капитана Мэтленда в связи с предполагаемым побегом императора вскоре после того, как я вступил на борт «Беллерофона».

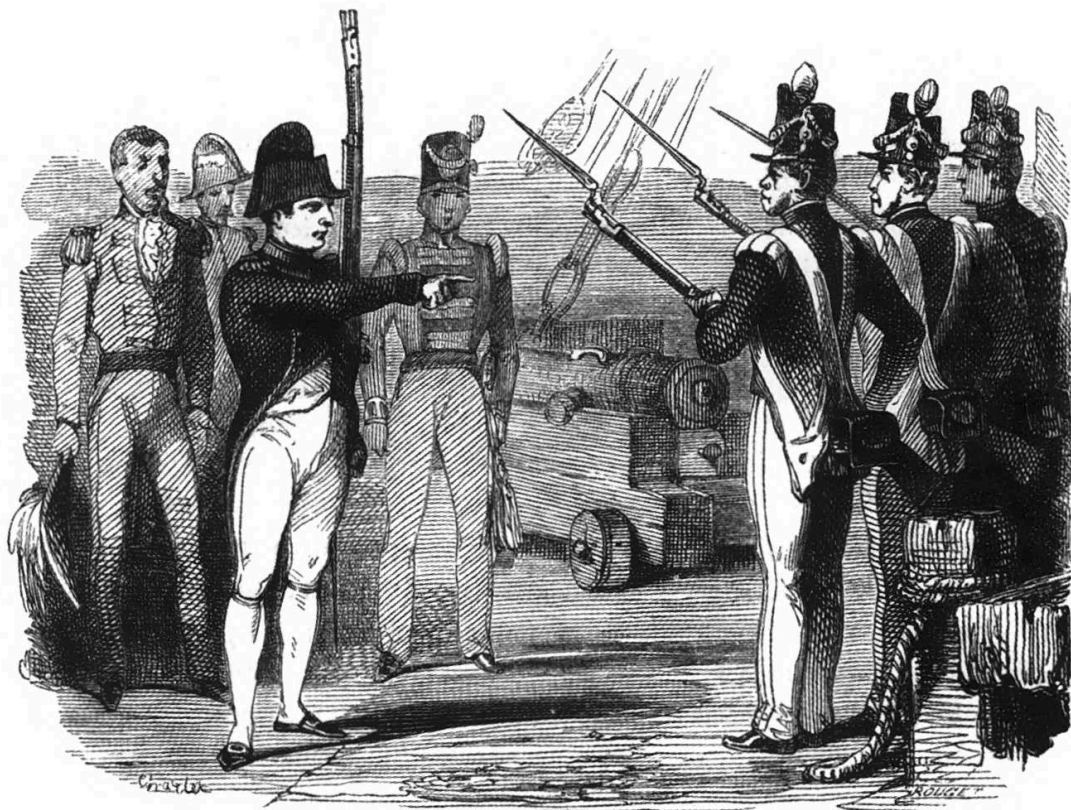
император вышел из каюты и в течение утра обошёл весь корабль. Я рассказал императору о том состоянии тревоги, в котором капитан Мэтленд пребывал накануне вечером в связи с предполагаемым побегом императора; Наполеон весь этот эпизод видел в несколько ином свете, чем я. «Чего он боялся? — спросил император властным тоном, выразительно посмотрев на меня. — Разве вы сами не были в его власти?»

Около трёх часов дня британский военный корабль «Величественный» с 74 орудиями, под флагом контр-адмирала Хотэма, командира военно-морской базы, бросил якорь вплотную к «Беллерофону». Адмирал перешёл на борт «Беллерофона», чтобы нанести визит императору, и остался отобедать с ним. В связи с тем, что Наполеон проявил интерес к его кораблю, адмирал Хотэм выразил желание узнать, не соизволит ли Его Величество посетить корабль адмирала на следующий день; император ответил, что не возражает посетить корабль «Величественный» вместе со всей своей свитой и позавтракает с адмиралом на его корабле.

16 июля 1815 года

Я сопровождал императора во время его посещения корабля «Величественный». Императору были щедро оказаны все почести, за исключением салюта из пушек; мы осмотрели весь корабль, уделяя

внимание каждой мелочи; всё на корабле предстало в идеальном порядке. Адмирал Хотэм во всём проявил утончённость вкуса и такт человека воспитанного и достойного звания адмирала. Когда мы возвратились на борт «Беллерофона», корабль поднял паруса, и мы поплыли в сторону Англии; это событие произошло через двенадцать дней после нашего отъезда из Парижа. Море было почти спокойным.

Покидая утром «Беллерофон», чтобы нанести визит адмиралу Хотэму на корабле «Величественный», император остановился перед матросами, выстроенными на юте для его приветствия. Он попросил их проделать несколько упражнений с оружием, при этом он сам отдавал команду; желая, чтобы они выполнили упражнение по скрещиванию штыков, и поняв, что это упражнение они исполняют несколько иначе, чем французские матросы, император собственноручно раздвинул строй матросов, отвёл в сторону их ружья, преграждавшие ему путь, и взял мушкет у одного из матросов, стоявших в последнем ряду. После этого он проделал упражнение с мушкетом так, как это принято во французской армии. Неожидающее поведение Наполеона, вызвавшее резкое изменение выражения лиц у офицеров корабля и остальных присутствовавших при этой сцене, произвело сильное впечатление на англичан, увидевших, как беззаботно

ведёт себя император в окружении английских штыков. Когда мы вернулись с «Величественного», английские офицеры то и дело в разговоре с нами возвращались к обсуждению этого случая, спрашивая, действительно ли император когда-либо вёл себя подобным образом с собственными солдатами; особенно большое впечатление на всех произвели проявленные императором уверенность в своих действиях и его самообладание. Ни один из присутствовавших при этой сцене английских офицеров никогда и помыслить не мог, чтобы какой-либо монарх мог так непринуждённо продемонстрировать воинское упражнение с оружием для исполнения отданной им же команды; поэтому становится ясно, что у них отсутствовало объективное представление о человеке, которого они сейчас видели перед собой.

17 — 18 июля 1815 года

Хотя продолжала стоять почти безветренная погода, мы уже потеряли из виду берег.

19 июля 1815 года

Подул довольно сильный ветер, но он не был благоприятным для плавания, и наш корабль продолжал свой путь со скоростью девять миль в час.

20 — 22 июля 1815 года

Мы шли по намеченному курсу, но ветер ни в коей мере не был благоприятным для парусов нашего корабля.

Императору недолго пришлось находиться среди своих самых заклятых врагов, — тех, кого постоянно пичкали злонамеренными слухами о нём, столь же абсурдными, сколь и раздражающими, — и он вскоре обрёл над ними влияние, которое является следствием славы. Капитан, офицеры и команда корабля переняли этикет, свойственный его свите, демонстрируя по отношению к нему точно такое же внимание и уважение: обращаясь к императору, капитан называл его или «сир», или «Ваше Величество», когда он появлялся на палубе, все снимали шляпы и оставались с непокрытой головой в его присутствии, — такого не было поначалу. Никто не входил в его каюту, за исключением обслуживающего персонала; за его стол садились только те, кого он приглашал. Наполеон оставался императором на борту корабля «Беллерофон».

Он часто появлялся на палубе, беседуя с кем-либо из своей свиты или с офицерами корабля.

Из всех тех лиц, которые сопровождали императора, я, пожалуй, был человеком, которого он знал менее других: уже отмечалось,

что, несмотря на мои служебные обязанности, предполагавшие близость к нему, я практически не имел непосредственного общения с Наполеоном; со времени нашего отъезда из Парижа он почти не разговаривал со мной, но теперь, на борту «Беллерофона», он очень часто обращался ко мне.

Поводы и обстоятельства этого были весьма благоприятны для меня: я достаточно хорошо знал английский язык, чтобы объяснять императору всё то, что происходило вокруг нас. Я служил в военноморском флоте и мог предоставить Наполеону любую информацию, которую он просил, в отношении манёвров корабля и состояния погоды. Я прожил десять лет в Англии, и у меня сформировалось определённое понимание законов, поведения и обычаев английского народа; всё это позволяло мне с лёгкостью отвечать на вопросы императора. Мой «Исторический Атлас» также способствовал тому, что в своей памяти я хранил немалое количество фактов, дат и событий, благодаря чему всегда был готов ответить на интересовавшие его вопросы.

Часть своего времени я посвятил составлению краткого изложения ситуации, в которой мы оказались в Рошфоре, и идей, повлиявших на принятие решения императора выехать в Англию. Ниже я привожу точные и подлинные данные, позволяющие оценить упомянутую ситуацию.

Краткое изложение создавшейся в Рошфоре ситуации, продиктованное мне Наполеоном

Английская эскадра не была сильной: в неё входили два корвета, находившиеся на рейде Бордо. Они блокировали французский корвет и отгоняли американские корабли, которые ежедневно в большом количестве проплывали в районе этого рейда. У острова Экс мы имели два хорошо вооружённых фрегата, корвет «Вулкан», один из крупнейших кораблей этого класса, и большой бриг, находившийся на рейде; все эти силы блокировались английским военным кораблём с 74 орудиями, не относившимся к числу крупнейших кораблей этого класса, и одним или двумя сторожевыми кораблями. Нет ни малейшего сомнения в том, что, рискнув пожертвовать одним или двумя нашими кораблями, мы бы прорвали английскую блокаду, но старшему капитану нашей эскадры не хватало решительности, и он отказался поднять паруса; второй по старшинству капитан был очень решителен, и он бы сделал попытку прорвать английскую блокаду,

но старший капитан, вероятно, получил секретные инструкции от Фуше, который уже открыто предал императора и хотел сдать его врагам. Как бы то ни было, но активные действия на море ни к чему бы не привели. Император затем высадился на острове Экс.

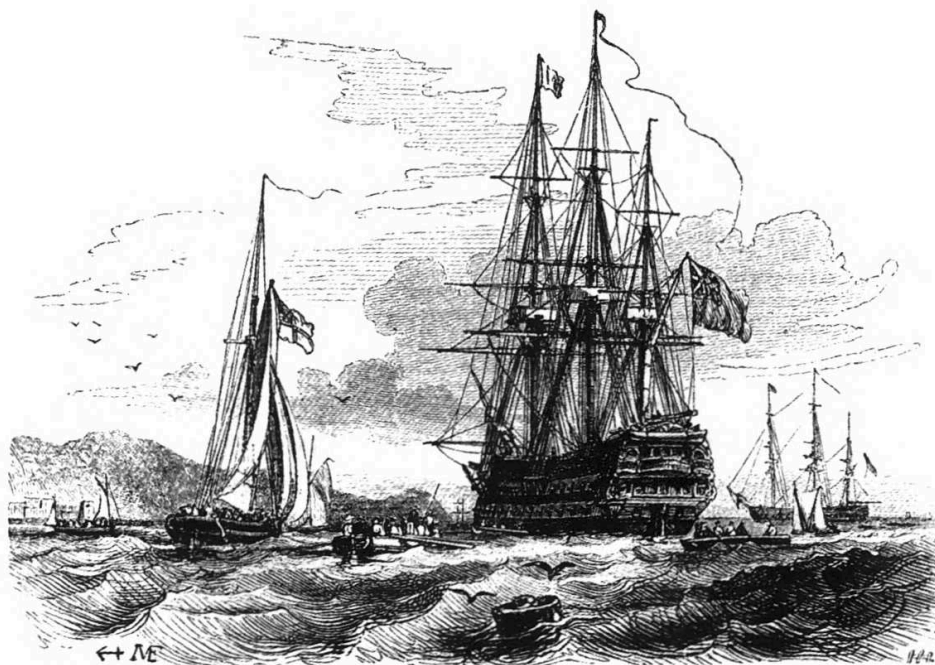
«Если бы осуществление операции было поручено адмиралу Веруэлю, — заявил Наполеон, — как это было обещано во время нашего отъезда из Парижа, то, по всей вероятности, мы бы подняли паруса и прорвались в открытое море». Преданные нам офицеры и команды наших двух фрегатов были готовы с воодушевлением оказать нам любую поддержку. Гарнизон острова Экс насчитывал тысячу пятьсот человек, составляя прекрасный полк; офицеры гарнизона были до такой степени возмущены тем, что французские фрегаты не поднимают паруса, чтобы выйти в открытое море и прорвать блокаду англичан, что предложили экипировать два сторожевых корабля, водоизмещением по пятнадцать тонн каждый; управлять ими вызвались корабельные гардемарины. Но когда этот план было решено привести в исполнение, выяснилось, что данные сторожевые корабли едва ли доберутся до американского берега без захода в порт Испании или Португалии.

Учитывая эти обстоятельства, император созвал нечто похожее на Государственный совет из своей свиты; на совещании этого совета было высказано мнение, что мы более не можем рассчитывать на использование фрегатов и других вооружённых мелких кораблей и что сторожевые корабли не имеют шанса на успех. Их использование может привести только к тому, что они будут захвачены английскими крейсерами в открытом море или попадут в руки союзников англичан. Оставалось одно из двух: вернуться вглубь территории Франции и вновь испытать судьбу с помощью оружия или искать убежища в Англии. Для того чтобы возобновить вооружённые действия на территории Франции, у императора для начала были тысяча пятьсот моряков, полных рвения и готовых к решительным действиям; комендантом острова Экс был пожилой офицер, воевавший в составе французских войск в Египте и всей душой преданный Наполеону. Император мог проследовать во главе этих моряков в Рошфор, где они были бы усилены местным гарнизоном, готовым расправиться с врагами императора. Гарнизон Ла-Рошели, состоявший из четырёх батальонов федеральных войск, также предложил императору свои услуги. Имея в своём распоряжении подобные силы, мы тогда смогли бы объединиться с генералом Клозелем, твёрдо стоявшим во главе армии в Бордо, или с генералом Ламарком, который проявлял чудеса храбрости в Вандее; оба офицера только и ждали сигнала и жаждали увидеть Наполеона. Было бы очень легко развязать гражданскую войну на территории

Франции. Но Париж был взят врагами Франции, а обе палаты распущены; кроме того, на территории страны находились войска вражеских стран в количестве от пятисот до шестисот тысяч человек, поэтому гражданская война могла привести только к гибели всех тех благородных людей, которые были преданы Наполеону. Подобная потеря была бы жестокой и невосполнимой: она бы уничтожила будущее французской нации и не дала бы никаких преимуществ для страны, разве только предоставила бы императору возможность вести переговоры и добиться условий, выгодных ему лично.

Но Наполеон уже отказался от верховной власти в стране. Он хотел всего лишь спокойного прибежища и питал отвращение к мысли о том, что все его друзья погибнут ради достижения столь пустякового результата; он в равной степени не был склонен к тому, чтобы дать повод для разорения ряда провинций страны, а самое главное — он не хотел лишить национальную партию её истинной опоры, которая рано или поздно восстановит честь и независимость Франции. Единственное желание Наполеона заключалось в том, чтобы в будущем жить в качестве частного лица; для этого Америка была наиболее подходящим для него местом, и именно она была его выбором. Но и Англия, благодаря её законам, тоже могла отвечать пожеланиям Наполеона в отношении его будущего.

Казалось, исходя из моей первой беседы с капитаном Мэтлендом, что последнему поручено доставить императора и его свиту в Англию, где нас могло ожидать вполне сносное обращение. С этого момента мы бы находились под защитой британских законов, а народ Англии слишком восприимчив к славе, чтобы лишиться

представившейся возможности вписать в свою историю одну из самых величественных её страниц. Поэтому было решено сдаться английским военным кораблям, как только капитан Мэтленд получит ясный приказ принять нас.

Когда переговоры с ним возобновились, он заявил, что уполномочен своим правительством принять императора, если тот вступит на борт корабля «Беллерофон», и доставить его вместе с его свитой в Англию. Наполеон вступил на борт этого корабля не потому, что последние события в стране вынудили его сделать это (он вполне мог остаться во Франции), но потому, что он хотел жить в качестве частного лица, никогда более не заниматься политическими или общественными делами, приняв твёрдое решение не вмешиваться в них, чтобы не вызывать излишнего волнения во Франции. Очевидно, что император не принял бы решения переехать в Англию, если бы подозревал, что англичане отнесутся к нему недостойно, и если бы его свита не была убеждена в обратном. Его письмо принцу-регенту полностью объясняет его уверенность и убеждённость в том, что он будет принят в Англии самым достойным образом. Капитан Мэтленд, которому это письмо было официально вручено ещё до того, как император вступил на борт его корабля, никаких замечаний по поводу этого документа не высказал и, тем самым, согласился и одобрил выраженные в нём мнения императора.

23 июля 1815 года

В четыре часа утра видели вдали остров Уэсан. С момента приближения к Ла-Маншу стали видны линейные корабли и фрегаты, проплывавшие в различных направлениях. Ближе к вечеру показался берег Англии.

24 июля 1815 года

Около восьми часов утра мы бросили якорь в порту Торбей. Император встал с постели в шесть часов утра и отправился на полуют, чтобы обозреть берег и якорную стоянку. Я оставался рядом с ним, чтобы давать ему объяснения в соответствии с задаваемыми им вопросами.

Капитан Мэтленд немедленно направил курьера в Плимут к лорду Кейту, главнокомандующему военно-морским флотом Великобритании. К нам присоединился генерал Гурго; ему было поручено вручить письмо императора принцу-регенту, но ему не только не дали разрешения высадиться на берег, он вообще был лишён возможности общения с кем-либо из англичан. Это было дурное предзнаменование и первый признак всех тех бесчисленных бед, которые последовали позже.

Как только стало известно, что император находится на борту «Беллерофона», весь залив заполнился судами и лодками, до отказа набитыми людьми. Владелец одного загородного коттеджа, увидев наш корабль, послал Его Величеству в подарок корзину с различными фруктами.

25 июля 1815 года

Присутствие лодок и многочисленных зрителей продолжалось беспрерывно. Император смотрел на всё происходившее из окон каюты и иногда показывался на палубе. Вернувшись с берега, капитан Мэтленд передал мне письмо от госпожи К., в которое было вложено письмо от моей жены. Моё удивление не имело предела, но оно исчезло, когда я вспомнил о прессе, которая успевала сообщать обо всём, что касалось императора и его свиты, и таким образом в Европе стало известно о наших планах за пять или шесть дней до нашего прибытия в Англию. Моя жена поспешила известить госпожу К. о существе дела, и последняя, не зная капитана Мэтленда, написала ему, приложив к своему письму и письма для меня.

Письмо жены свидетельствовало о чувствах нежной печали; но письмо госпожи К., находившейся в Лондоне и знавшей заранее об уготованной нам судьбе, было полно упрёков: я не был волен поступать, как хотел, я не распоряжаюсь самим собой, я совершил преступление, покинув жену и детей, и т.д. Результат современного образования, которое так мало облагораживает наш ум, в том, что мы не можем понять ни достоинства, ни привлекательности героических решений и жертв! Мы считаем, что всё уже сказано и все просьбы уже удовлетворены, когда возникает опасность для личных интересов и домашнего уюта, мало представляя себе, что первая обязанность по отношению к жене заключается в том, чтобы обеспечить её добрым именем, а самое богатое наследство, которое мы можем оставить нашим детям, заключается в том, чтобы дать им пример нравственности и имя, которого хотя бы немного коснулась слава.

26 июля 1815 года

Ночью были получены указания, чтобы наш корабль «Беллерофон» немедленно отправился для ремонта в Плимут; двинувшись в путь ранним утром, мы прибыли в наш новый порт назначения в четыре часа дня, через десять дней после того, как отплыли из Рошфора, через двадцать семь дней после того, как покинули Париж, и через тридцать пять дней после того, как император отрёкся от престола. С этого дня наш горизонт стал весьма мрачным. Лодки с вооружёнными матросами были расставлены вокруг нашего

корабля, зато лодки с людьми, любопытство которых к нашим персонам было слишком большим, отгонялись прочь ружейным огнём. Лорд Кейт, находившийся в заливе Плимута, не соизволил появиться на борту «Беллерофона». Два фрегата передали нашему капитану сигнал немедленно поднять паруса; как нам сообщили, срочно прибывший курьер доставил депешу с указанием капитану отвести корабль в отдалённую часть залива. Утром некоторых из нас, прибывших с Наполеоном, перевезли на другие корабли. Теперь нам казалось, что все смотрят на нас со зловещим интересом; до корабля доходили самые дурные новости: упоминались несколько конечных мест назначения, одно страшнее другого.

Заключение в тюрьму лондонского Тауэра было наименьшим злом, — некоторые наши собеседники говорили об острове Святой Елены. Тем временем два фрегата, которые более других привлекали моё внимание, подняли паруса, хотя ветер не был благоприятным для того, чтобы покинуть рейд, направились в нашу сторону и бросили якоря с каждой стороны «Беллерофона», почти касаясь его корпуса. После того, как эти фрегаты завершили свои манёвры, один из членов команды «Беллерофона» прошептал мне на ухо, что именно этим фрегатам было поручено в течение ночи пересадить нас на свои борта и отплыть с нами на остров Святой Елены.

Я никогда не смогу передать эффект, произведённый на меня этими ужасными словами. Всё тело покрылось холодным потом, — это был неожиданный приговор к смертной казни! Безжалостные палачи схватили меня; я был оторван от всего, что привязывало меня к жизни. Я скорбно протянул руки к тем, кто был дорог мне, но напрасно: судьба была неизбежна! Эта мысль, вместе с массой других, беспорядочно заполнивших разум, вызвала настоящую бурю у меня в голове. Это было подобно борьбе души, пытавшейся покинуть своё земное обиталище! Мои волосы поседел!

К счастью, охватившее меня состояние кризиса продолжалось недолго, и, как это уже случалось ранее, разум восторжествовал, и причём до такой степени, что с этой минуты мне всё стало нипочём. Я почувствовал, что теперь способен не поддаваться несправедливости, дурному обращению и страданиям. И я дал себе торжественное обещание не жаловаться и ни о чём не просить.

Но это не относилось к тем моим товарищам, которым я казался слишком спокойным в этой губительной для нас обстановке, и они обвиняли меня в бесчувствии! Их страдания продолжались, доходя до различных степеней по мере получения информации о нашем возможном будущем, — мои же нравственные страдания, в один момент нахлынув на меня, сразу же прекратились.

Похожее стечение обстоятельств уже случалось в моей жизни. Двадцать лет назад, во время эмиграции в Англию, не имея ничего

за душой, я отказался от попытки стать владельцем немалого состояния в Индии, потому что оно находилось в слишком отдалённом месте. Я посчитал себя достаточно пожилым, чтобы заниматься этим делом. Теперь же, когда я постарел на двадцать лет, я собирался покинуть семью, друзей, приобретённое состояние, отказаться от всех удовольствий жизни, и всё для того, чтобы стать добровольным изгнанником на острове посреди океана, *абсолютно ничего не получив взамен*. Но нет, я ошибаюсь! Бесконечно дорогое чувство, которое теперь побудило меня совершить этот поступок, было намного ценнее тех богатств, которыми я тогда пренебрёг: я сопровождал человека, который правил миром и которому предстояло стать центром внимания грядущих поколений.

Как обычно, император продолжал появляться на палубе. Я иногда посещал императора в его каюте, но не сообщал ему о том, что слышал: мне хотелось утешать его, а не быть источником мучений. Слухи, однако, доходили и до него, — но на борту «Беллерофона» он ходил совершенно раскованно и с уверенным видом: ведь сами англичане столь радушно пригласили его к себе; он всецело полагался на своё письмо принцу-регенту, заранее переданное капитану Мэтленду и подразумевавшее столь многое без всяких слов; в ходе этих событий он вёл себя с таким величием, что с возмущением отвергал все опасения, которые его свита пыталась вызвать у него, и даже не разрешал ей высказывать ему какие-либо сомнения.

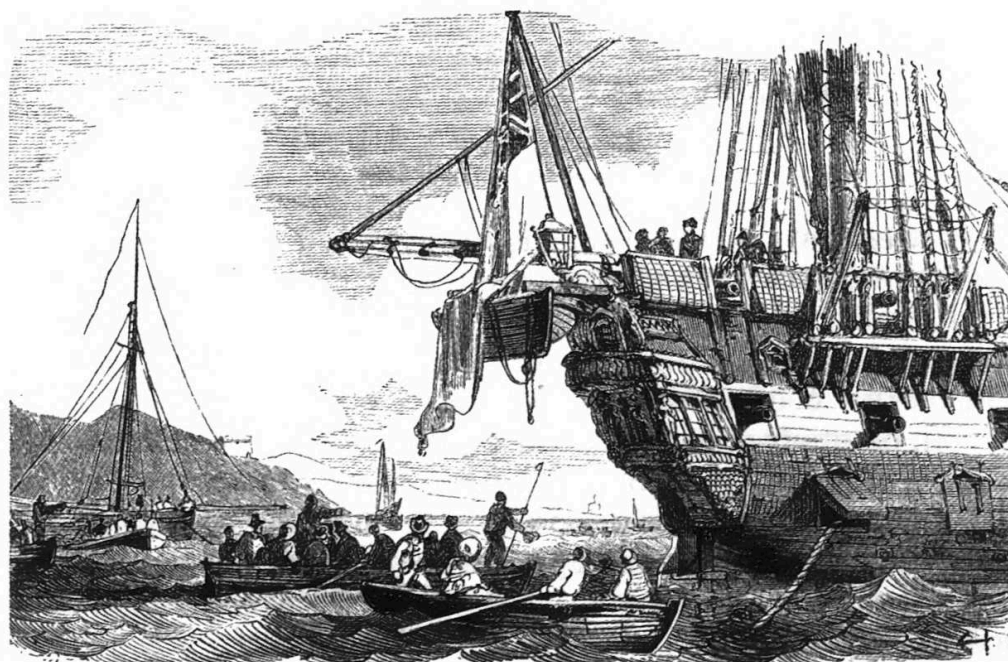
27 — 28 июля 1815 года

Трудно описать все муки и тревоги, терзавшие нас в это время: большинство из нас погрузилось в состояние безмолвия и вялой опустошённости. Малейшее событие — какое-либо мнение, высказанное на борту корабля, пусть даже не имеющее важности, малозначащая фраза в ежедневной газете, — становилось предметом наших самых жарких споров и причиной колебаний наших настроений, связанных с надеждами и страхами. Самая пустяковая информация ожидалась и обсуждалась с небывалой горячностью; от каждого, кто появлялся на корабле, требовалось, чтобы он сообщал нам наиболее благоприятную версию развития событий; энтузиазм и активность нашего национального характера лишь в малой степени способствовали тому, чтобы наделить нас тем стоическим смирением, тем хладнокровным самообладанием, которые можно приобрести только на основе установленных принципов, усвоенных с самого раннего детства.

Газетам, особенно тем, которые придерживались политической линии кабинета министров Англии, было позволено буквально сорваться с цепи в своей ненависти к нам; это была предварительная

атака министров, подготавливавших удар, который они собирались нам нанести. Было не очень-то легко понять смысл всех тех ужасов, всей той лжи и всех тех проклятий, которые сыпались на наши головы; и в этих газетах всегда находилось место для соответствующей информации, предназначенной для массы населения, однако так умело распределяемой на страницах, что отношение к нам окружающих нас англичан становилось всё более натянутым, им было всё труднее быть вежливыми с нами, а выражение их лиц при встречах с нами становилось всё более холодным. Было очевидно, что нас старательно избегали, а от бесед с нами всячески уклонялись.

Газеты содержали сведения о тех мерах, которые предполагалось принять в отношении нас, но, поскольку никаких официальных сообщений не появлялось, а в слухах, распространяемых газетами, были противоречия в деталях, мы были склонны льстить себя надеждой на благополучный конечный результат; из-за этого наше состояние ожидания и неопределённости было ещё хуже, чем в том случае, если бы мы знали самую страшную правду. Тем не менее, наше пребывание в Англии стало поводом для своеобразной сенсации: присутствие императора вызвало любопытство, близкое к иступлению. Сами газеты информировали нас об этом явлении, хотя и осуждали его. Казалось, вся Англия устремила в Плимут. Один человек, который выехал из Лондона, услышав о моём приезде, был вынужден остановиться на дороге из-за отсутствия почтовых лошадей и невозможности найти жильё в Плимуте. Плимутский фиорд был заполнен громадным количеством лодок; за некоторые из них, как нам рассказывали, платили более пятидесяти фунтов.

Император, которому я прочитывал все газеты, никогда не терял самообладания, оставаясь верным себе и в беседах, и в своих привычках. Было известно, что он всегда появляется на палубе к пяти часам дня. Незадолго до этого часа все лодки собирались бок о бок вблизи корабля. Их были тысячи, и они стояли так плотно, что между ними нельзя было увидеть морскую воду; они напоминали скорее огромную массу людей, столпившихся на главной площади города, чем что-либо ещё. Когда император выходил на палубу, то шум и жестикуляция такого громадного количества людей, сгрудившихся на лодках, потрясали; в то же самое время можно было легко понять, что в поведении этих людей ничего враждебного по отношению к нам не было, и когда они удовлетворяли любопытство, то спешили вернуться на берег. Мы даже могли заметить, что их чувство любопытства продолжало возрастать: поначалу люди просто смотрели на корабль, но позднее стали приветствовать нас, размахивая руками; многие из них при этом оставались с непокрытой головой, а иногда заходили так далеко, что аплодировали нам и приветствовали одобрительными возгласами. Среди них стали появляться люди, носившие на себе наши национальные эмблемы. Несколько мужчин и женщин украсили себя красными гвоздиками, но это обернулось только во вред нам в глазах кабинета министров и его приспешников, и сделало наши страдания ещё мучительнее.

Именно в таких условиях император, несмотря на своё хладнокровное поведение, не мог не отреагировать на то, что слышал, и продиктовал мне документ, достойный стать образцом для юристов, с анализом нашей тогдашней политической ситуации. Мы нашли способ переправить документ на берег, но я не сохранил его копии.

Решение кабинета министров

29 — 30 июля 1815 года

В течение двух предыдущих дней распространялось сообщение о том, что из Лондона выехал помощник государственного секретаря, для того чтобы официально довести до нашего сведения резолюции кабинета министров Англии относительно императора. В соответствии с этим сообщением он появился в Плимуте. Это был сэр Банбери; он прибыл на борт «Беллерофона», сопровождаемый лордом Кейтом, и информировал нас о решении отправить императора на остров Святой Елены и об ограничении числа лиц, которым предстоит сопровождать императора на этот остров, исключив, однако, герцога Ровиго и генерала Лаллемана, входивших в список отправляемых в ссылку.

Меня не позвали к императору во время его разговора с сэром Банбери. Те, кто принёс императору его приговор, говорили и понимали по-французски; император принял их одних. Потом уже я узнал, что император возражал и резко протестовал — так же энергично, как и логично, — против насилия, осуществлённого в отношении его личности. «Я был гостем Англии, — заявил он, — а не её пленником. Я прибыл в Англию по своей воле, чтобы вручить себя под защиту её законов; в отношении моей личности нарушены самые священные права гостеприимства. Я никогда добровольно не подчинюсь насилию, которым мне угрожают; насилие само по себе вынуждает меня поступать именно так...»

Император передал мне документ английского кабинета министров, чтобы я перевёл его для него. Ниже следует копия перевода.

*Сообщение, сделанное лордом Кейтом от имени
английских министров*

«Так как представляется целесообразным, чтобы генерал Буонапарте узнал незамедлительно, без всякой задержки, о намерениях британского правительства относительно его личности, то его светлость (т.е. адмирал Кейт) сообщает ему следующую информацию.

Нашему долгу по отношению к нашей стране и к нашим союзникам не соответствовало бы такое положение вещей, при котором генерал Буонапарте сохранит средства или возможность вновь нарушить мир в Европе. Именно поэтому абсолютно необходимо, чтобы он был ограничен в своей личной свободе.

В качестве его будущей резиденции выбран остров Святой Елены; климат острова здоровый, а его местоположение позволит обращаться с генералом с большими привилегиями, чем это было бы возможно где-либо ещё, принимая во внимание обязательные меры предосторожности, которые будут приняты для обеспечения его личной безопасности.

Генералу Буонапарте разрешается выбрать среди людей, которые сопровождали его в Англию, — за исключением генералов Савари и Лаллемана, — трёх офицеров, которым вместе с его врачом и двенадцатью слугами будет разрешено последовать за ним на остров Святой Елены, но которым никогда не будет разрешено покинуть остров без разрешения британского правительства.

Контр-адмиралу сэру Джорджу Кокберну, назначенному главнокомандующим военно-морскими силами на Мысе Доброй Надежды³, поручено доставить генерала Буонапарте и его свиту на остров Святой Елены. Сэр Джордж Кокберн получит подробные инструкции относительно выполнения этой обязанности.

Сэр Джордж Кокберн, возможно, будет готов к отплытию через несколько дней, поэтому желательно, чтобы генерал Буонапарте незамедлительно выбрал лиц сопровождения».

Хотя мы ожидали, что нас отправят на остров Святой Елены, но официальное объявление об этом произвело на нас необычайно сильное удручающее впечатление: оно повергло всех нас в состояние оцепенения. Однако император, как обычно, вышел на палубу, сохраняя полное хладнокровие, и, как и раньше, спокойно наблюдал за толпами людей, стремившихся увидеть его.

31 июля 1815 года

Наше положение теперь стало действительно ужасным. Наши страдания не поддаются никакому описанию: нам предстоит расстаться с нашей европейской жизнью, нашей страной, семьями и друзьями, так же как и с нашими радостями и привычками. Действительно, нас не вынуждают следовать за императором, но наш выбор — это выбор мучеников: или отречение от веры, или смерть. Добавилось ещё одно обстоятельство, которое сильно увеличило наши страдания, — оно связано с решением об исключении из списка

сопровождавших императора лиц генералов Савари и Лаллемана, для которых это решение поистине ужасно; впереди они не видят ничего, кроме плахи. Они убеждены, что кабинет министров Англии, не делая никакого различия между политическими актами революции и преступлениями, совершёнными во времена политического спокойствия, выдаст их прежним врагам, чтобы принести в жертву. Это было бы таким насилием над любым законом, таким позором для самой Англии, что можно даже поддаться искушению заставить её испытать этот позор; но говорить подобным образом — удел тех, кто включён в список лиц, подлежащих изгнанию. Во всяком случае, мы все желаем одного — быть среди тех, кого император выберет в качестве своих попутчиков в ссылку, и опасались того, что окажемся исключёнными из числа лиц, отобранных императором.

1 августа 1815 года

Мы продолжаем пребывать в том же самом состоянии. Я получил письмо из Лондона, в котором меня горячо убеждают, что я буду чрезвычайно неправ — более того, совершу преступление, — если последую за императором. То лицо, которое написало мне подобное письмо, также обратилось с письменной просьбой к капитану Мэтленду, умоляя его отговорить меня от принятия подобного решения. Но я оборвал капитана Мэтленда на полуслове, заметив, что в моём возрасте люди обычно действуют по зрелом размышлении.

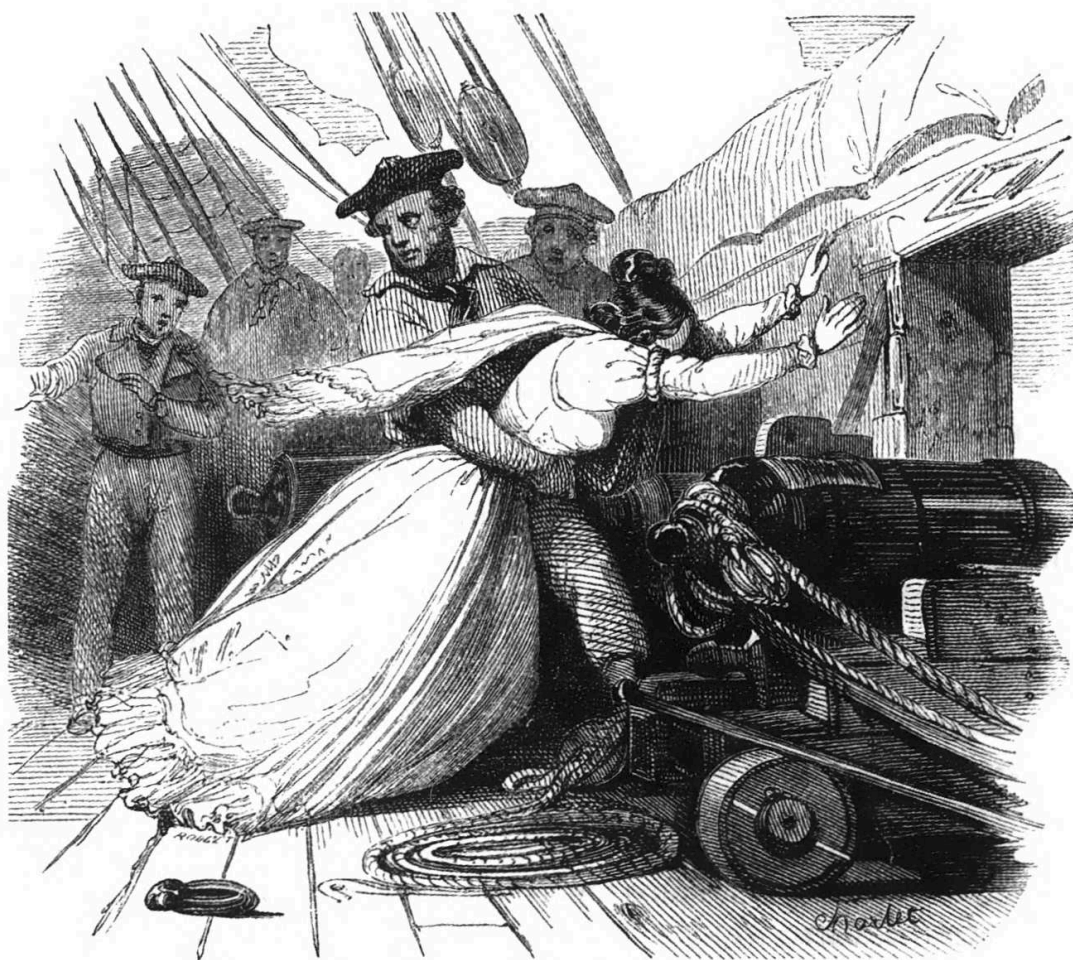
Каждый день я читаю императору газеты. То ли под влиянием чувства благородства, то ли в результате того, что в Англии начались расхождения во мнениях, но среди множества газет нашлись две, защищавшие наше дело с большой горячностью, в какой-то мере компенсируя ту огромную ложь и непристойную брань, которыми были наполнены другие. Мы возлагаем наши надежды на то, что ненависть, инспирированная врагом, уступит место искреннему интересу к нам, который должен быть естественно вызван нашими величественными поступками, и что Англия изобилует благородными сердцами и возвышенными умами, которые несомненно станут нашими ревностными защитниками.

Количество лодок около нашего корабля возрастает ежедневно. Наполеон продолжает появляться на палубе в свой обычный час, и прибывающие на лодках люди оказывают ему всё более лестный приём. Члены свиты императора сопровождают его в зависимости от звания и занимаемого положения; он по-прежнему относится к большинству из нас так, словно мы находимся в Тюильри, только гофмаршал и герцог Ровиго видятся с ним постоянно. Некоторые члены свиты подходят к императору и разговаривают с ним не чаще,

чем если бы мы были в Париже. Меня вызывают к нему в течение дня всякий раз, когда возникает необходимость переводить письма и газеты.

Император приобрёл привычку посылать за мной к восьми часам вечера, чтобы немного побеседовать. Сегодня вечером во время нашей беседы, после того как мы затронули ряд других проблем, император спросил меня, буду ли я сопровождать его на остров Святой Елены. Я ответил с предельной искренностью, соответствовавшей моим истинным чувствам, что когда я покидал Париж, то потерял интерес к любой возможности, которую бы мне сулило будущее, и что поэтому на острове Святой Елены нет ничего такого, что могло бы воспрепятствовать моей поездке туда.

В то время, пока мы были заняты этой беседой, госпожа Бертран без приглашения буквально ворвалась в каюту императора, даже не дав возможности его слуге объявить о её визите, и в безумном состоянии стала умолять императора не отправляться на остров Святой Елены и не брать с собой её мужа. Но, столкнувшись с холодным приёмом императора, увидев удивлённое выражение его лица

БОНАПАРТ НА АРКОЛЬСКОМ МОСТУ

и услышав его спокойный ответ, она так же стремительно выбежала из каюты, как и вбежала в неё. Император, по-прежнему не скрывавший своего удивления, повернулся ко мне и спросил: «Вы можете понять всё это? Она что, сошла с ума?» Минутами позже мы услышали пронзительные крики, и все, кто только мог, побежали к корме корабля. Желая узнать, что случилось, и выяснить причину возникшего шума и всеобщей суматохи, я обнаружил, что госпожа Бертран, покинув каюту императора, пыталась выброситься в море, но с большим трудом удалось воспрепятствовать ей в этом. Хотя бы по этой сцене можно легко судить о наших чувствах и о нашем настроении!

Замечательные высказывания императора

2 — 3 августа 1815 года

Утром герцог Ровиго сообщил мне, что я обязательно отправлюсь на остров Святой Елены: накануне, во время его беседы с императором, Его Величество сказал герцогу, что, если его будут сопровождать только два офицера, то я всё равно буду одним из них, так как он считает, что я мог бы принести ему утешение. Я весьма обязан доброте и искренности герцога за чувство удовлетворённости, охватившее меня, когда он сообщил мне об этом лестном подтверждении согласия императора. Император накануне не вымолвил ни слова, когда я ответил на его вопрос; подобная реакция на ответы на его вопросы свойственна ему, в чём я потом имел возможность часто убеждаться.

Я не особенно близко знаком с кем-либо из тех лиц, которые сопровождают императора, за исключением генерала и госпожи Бертран, уделивших мне большое внимание во время моей миссии в Иллирию, где генерал Бертран был генерал-губернатором. До настоящего времени мне никогда не приходилось разговаривать с герцогом Ровиго, поскольку определённая предубеждённость вынуждала меня держаться от него на расстоянии; однако, когда сомнения в отношении моей персоны были полностью рассеяны, нам изредка приходилось обмениваться несколькими словами. Савари искренне предан императору; я знаю, что он обладает добрым сердцем, искренностью и прямоот характера — качества, которые позволяют быть восприимчивым к настоящей дружбе, — поэтому мы стали, я осмелюсь сказать, очень близкими друзьями.

Я вновь был вызван к императору, который, упомянув различные проблемы, заговорил об острове Святой Елены. Он спросил

меня, что из себя представляет это место, можно ли вообще существовать там? И затем он продолжал задавать мне аналогичные вопросы, касавшиеся этого острова. «Но, — заявил он, — в конце концов, разве это так уж определённо, что я отправлюсь туда? Разве человек зависит от других, когда желает, чтобы его зависимость прекратилась?»

Мы продолжали прохаживаться по каюте то в одном, то в другом направлении; сохраняя внешнее спокойствие, с несколько отсутствующим взглядом, император, тем не менее, казался слегка взволнованным.

«Мой друг, — продолжал он, — иногда мне приходит мысль покинуть вас, и это не так уж трудно: для этого необходимо только эмоционально настроиться, и я вскоре освобожусь от бремени жизни. Всё будет кончено, и вы все сможете спокойно воссоединиться со своими семьями. Для меня это будет тем более лёгким делом, что мои душевные принципы не станут препятствием для этого: я один из тех, кто полагает, что ужасы другого мира придуманы только для того, чтобы стать противовесом тех соблазнов, которые предлагают нам здесь. Бог в своей беспредельной доброте не мог допустить существования такого противоречия, особенно в случае поступка подобного рода; и, в конце концов, что это такое, как не желание вернуться к нему немного раньше?»

Я горячо возражал против подобной точки зрения. Поэты и философы оценили бы это зрелище — видеть, как люди борются с судьбой. Неудачам и постоянству свойственна собственная слава. Такая благородная и великая личность, какой является император, не может опускаться до уровня вульгарного разума; он, который правил нами с беспримерной славой, который вызывал восхищение и оказывал влияние на судьбу всего мира, не может завершить свою жизнь так же, как безрассудный картёжник или разочаровавшийся любовник. Что же тогда станет со всеми теми, кто боготворил его и возлагал на него все свои надежды? Оставит ли он в таком случае поле деятельности своим врагам? Неуёмное стремление последних довести его до самоубийства, несомненно, заставит его устоять; кто может раскрыть секреты времени или взять на себя смелость утверждать, что именно готовит для нас будущее? Чего только не может произойти после простой смены кабинета министров, после смерти принца-регента или его доверенного лица?

«Некоторые из этих доводов достаточно весомы, — согласился император. — Но чем мы можем заняться в этом пустынном месте?» — «Сир, — ответил я, — мы будем жить нашим прошлым: в нём есть достаточно такого, чтобы радовать нас. Разве мы не наслаждаемся

жизнью Цезаря и жизнью Александра Македонского? Мы же будем обладать гораздо бóльшим, а вы заново поразмышляете о своей жизни». — «Пусть будет так! — согласился Наполеон. — Мы будем писать мемуары. Да, мы должны заниматься делом, ибо работа является косою Времени. В конце концов, человек должен выполнить своё предназначение, — это моя главная догма*; пусть же и моё предназначение будет выполнено». С этой минуты его лицо приняло выражение заметной успокоенности и даже некоторого оживления, и он перешёл к обсуждению вопросов, совершенно не имевших отношения к нашей нынешней ситуации.

Отъезд из Плимута

4 августа 1815 года

Ночью был получен приказ о том, что мы ранним утром отправимся в плавание. Мы отплыли от берега, и это обстоятельство нас очень удивило. Благодаря газетам, официальным сообщениям и частным беседам мы знали, что нам предстоит переезд на остров Святой Елены на борту корабля «Нортумберленд». Мы знали, что этот корабль по-прежнему снаряжается в плавание в Портсмуте или Чатеме, поэтому мы могли бы рассчитывать на задержку ещё дней на восемь или десять. «Беллерофон» был слишком устаревшим для такого продолжительного плавания, к тому же он не был в достаточной мере обеспечен провизией, более того, направление ветра не способствовало плаванию, поэтому, когда мы увидели, что наш «Беллерофон» плывёт вверх по Ла-Маншу, мысли о неопределённости нашего

* Привожу документ, который описанная выше беседа Наполеона делает ещё более ценным. Это приказ Первого консула его гвардии с осуждением самоубийства.

«Приказ от 22-го флореаля, год X

Гренадёр Гобэн из-за любви совершил самоубийство; во всех других отношениях он был отличным солдатом. Это второй подобный случай, произошедший в корпусе в течение последнего месяца.

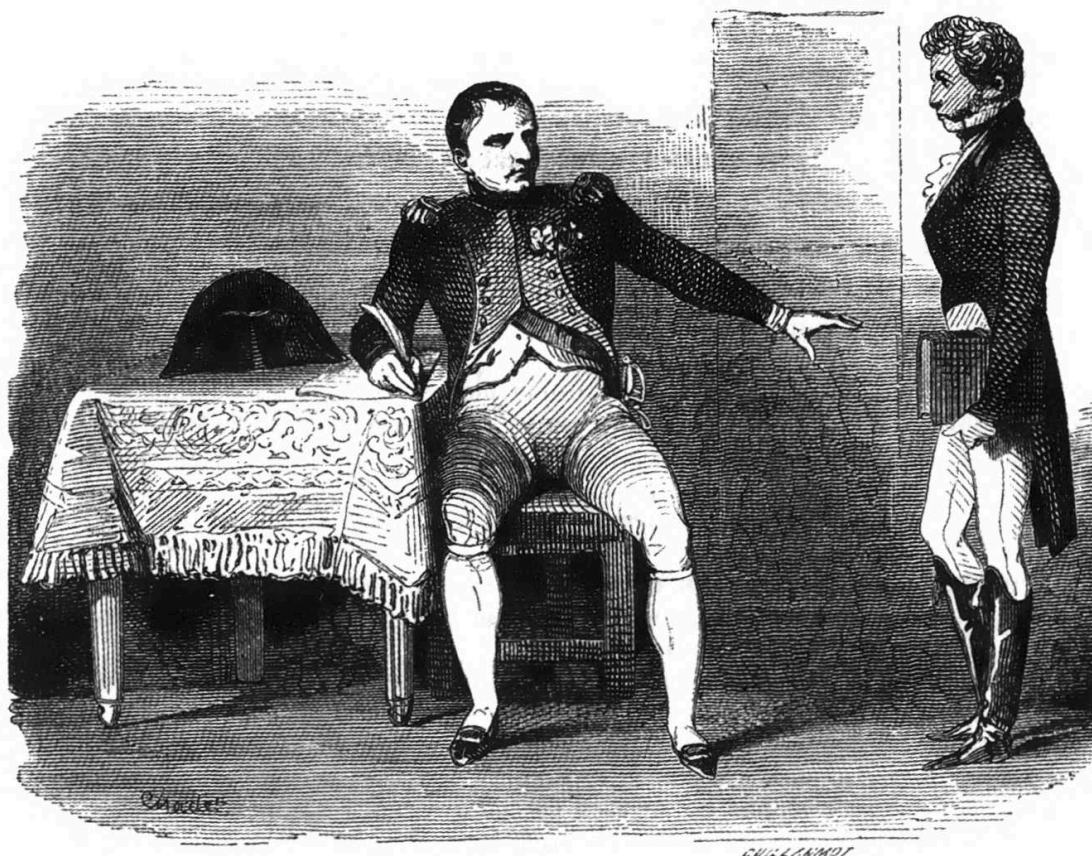
Первый консул даёт указание внести в книгу приказов и распоряжений гвардии следующее:

1. Солдату следует знать, как преодолевать муки и тоску страстей; в умении неизменно выдерживать душевные страдания столько же настоящей храбрости, сколько и в умении твёрдо оставаться на защите своей батареи.

2. Поддаваться тоске без сопротивления или убить себя, чтобы избежать душевных мук, — подобно бегству с поля битвы накануне достижения победы».

положения возобновились с новой силой. Но каковы бы они ни были, всё же любое изменение нашей ситуации воспринималось с радостью по сравнению с мыслью о том, что нам предстоит отправиться на остров Святой Елены.

Тем не менее, как нам представлялось, в такой решающий для нашей судьбы момент император был обязан продемонстрировать формальное сопротивление тому насилию, которому мы подвергались; что же касалось самого Наполеона, то он не придавал большого значения подобной демонстрации и не собирался затруднять себя думами об этом вопросе. Однако, говорили мы, наш официальный протест английским властям станет оружием в руках наших друзей, оставит повод, чтобы они помнили о нас, и послужит основой для защиты нас со стороны общественности. Поэтому я решился зачитать документ, который подготовил, Его Величеству. Судя по всему, он остался доволен общим содержанием и мыслями, изложенными в документе: зачеркнув несколько фраз и подкорректировав другие, он подписал документ и дал указание отправить его лорду Кейту. Ниже приводится точная копия этого документа.

Протест

«Настоящим я со всей серьёзностью протестую перед Небесами и человечеством против насилия, применённого в отношении меня, и против нарушения моих самых священных прав — того, что лишает меня свободы и допускает насилие в отношении моей личности. Я по своей воле вступил на борт “Беллерофона”, и я не пленник, я — гость в Англии. Я прибыл сюда сам, после разъяснений капитана, получившего указания правительства принять меня и переправить в Англию вместе с моей свитой, если на это будет моё желание. Я честно явился сюда, чтобы отдать себя под защиту английских законов. Как только я вступил на борт “Беллерофона”, я оказался среди британского народа. Если правительство Англии, давая указание капитану “Беллерофона” принять меня и мою свиту, хотело заманить меня в ловушку, устроить мне засаду, то оно потеряло свою честь и запятнало свой флаг.

Если подобный замысел осуществится, то в дальнейшем для англичан будут напрасными их лояльность, их законы и их свобода. Доверие к Англии будет утеряно вместе с гостеприимством “Беллерофона”.

Я взываю к истории: она расскажет о том, как враг, воевавший в течение двадцати лет против британского народа, пришёл к нему по своей воле, подвергаясь ударам судьбы, чтобы найти приют под защитой его законов. Какое большее доказательство своего уважения и доверия к британскому народу он мог бы представить? И как же Англия ответила на это проявление величия души? Она сделала вид, что в приветствии протягивает ему руку, и, когда он чистосердечно отдался ей по собственной воле, она безжалостно убила его!

Наполеон

*В море, на борту “Беллерофона”,
пятница, 4 августа 1815 года».*

Герцог Ровиго сообщил мне, что император просил разрешения направить меня к принцу-регенту в Лондон, но в этой просьбе было отказано.

Море было бурным, и ветер дул с неистовой силой. Большинство из нас страдало от морской болезни. Но нет предела торжеству усиленной умственной работы над физической немощью! Вероятно, это был единственный случай в моей жизни, когда мне не мешала подобная погода. Покидая Плимутский фиорд, наш корабль взял

курс на восток навстречу ветру, но вскоре, после крутого бейдевинда, он стал лавировать, поворачивая на другой галс то вперёд, то назад. Мы никак не могли понять причину этого нового источника мучений.

5 августа 1815 года

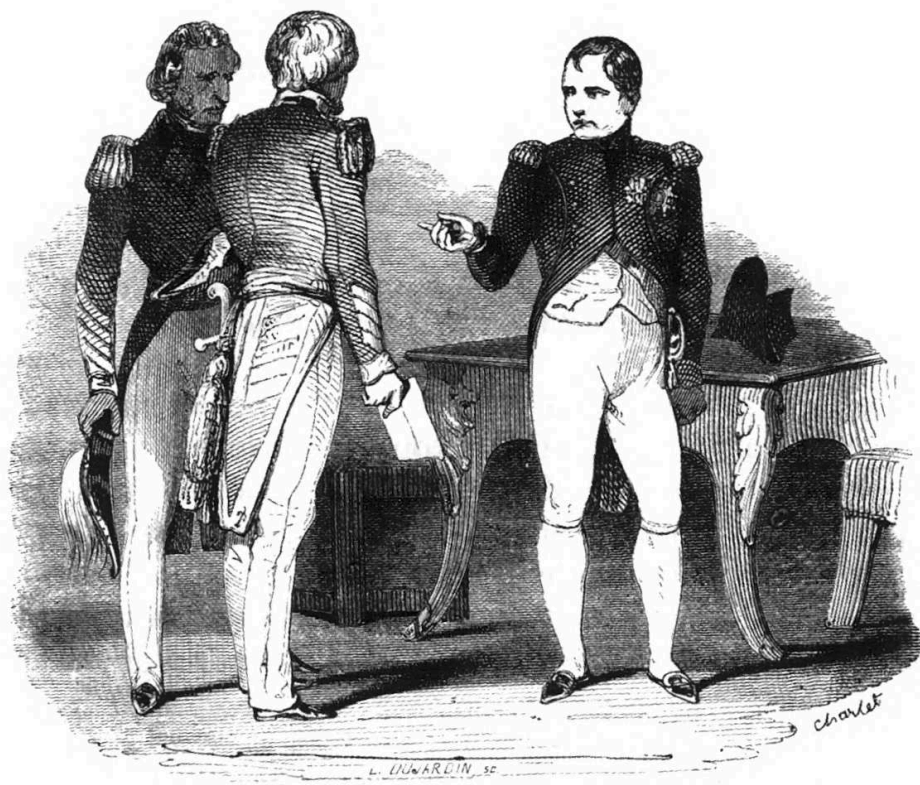
Весь день прошёл в условиях такой же ужасной погоды, которая была и вчера. Когда вечером я беседовал с императором, то он представил два доказательства своего доверия ко мне, но в настоящее время я не могу предать их огласке, описав оба эти доказательства в моём дневнике*.

Стоянка на якоре у Старт-Пойнта — Лица, которым разрешено сопровождать императора

6 августа 1815 года

Примерно в полдень мы бросили якорь у Старт-Пойнта, где не было никакого пристанища или укрытия, хотя почти рядом находился Торбей с удобной якорной стоянкой; это обстоятельство вызвало у нас большое удивление. Однако мы слышали, что были даны указания нашему кораблю встретить «Нортумберленд», от капитана которого требовали, чтобы он как можно скорее покинул Портсмут. В соответствии с упомянутым требованием этот корабль вскоре появился в Старт-Пойнте с двумя фрегатами, заполненными войсками, которые должны были составить гарнизон острова Святой Елены. Эти три корабля бросили якорь рядом с нами. По-прежнему

* Однако одно из этих доказательств я сейчас могу раскрыть. В то время, когда мы с императором прогуливались в обычный час по кормовому балкону корабля, он вынул из-под жилета, продолжая говорить на совершенно постороннюю тему, какой-то пояс, который передал мне, сказав: «Храните это для меня». Не прерывая его, я спрятал этот пояс под свой жилет. Вскоре после этого император сообщил мне, что в поясе зашито бриллиантовое ожерелье стоимостью в двести тысяч франков, которое королева Гортензия заставила его взять у неё, когда он покидал Мальмезон. После нашего прибытия на остров Святой Елены я часто заводил разговор о возвращении ожерелья, но император никогда не отвечал на мои вопросы по этому поводу. Когда я осмелился вновь упомянуть об этом ожерелье уже во время пребывания в Лонгвуде, Наполеон сухо спросил: «Оно беспокоит вас?» — «Нет, сир», — ответил я. «Тогда храните его», — заявил Наполеон. Из-за того, что я носил этот пояс в течение продолжительного времени, ожерелье словно стало частью меня, и я так редко вспоминал о нём, что только через несколько дней после того, как меня буквально силой вырвали из Лонгвуда, мысль о нём вновь возникла в моей голове; тогда от сознания, что я лишаю императора такого материального средства, я весь содрогнулся. Ибо как теперь я смогу вернуть ему это ожерелье? Я был подвергнут самому строгому тюремному заключению,

принимались все меры предосторожности, чтобы помешать приближению к нашему кораблю посторонних лодок.

Адмиралы Кейт и Кокберн вступили на борт «Беллерофона»; флаг последнего развевался на «Нортумберленде». Они провели совещание с императором, которому вручили выдержку из инструкций относительно нашей транспортировки на остров Святой Елены и условий пребывания на этом острове. В этих инструкциях указывалось, что все наши вещи подлежат досмотру с целью конфискации

окружён тюремщиками и часовыми, поэтому любая связь с внешним миром была неосуществима. Я безуспешно пытался придумать хоть какой-нибудь план; время летело быстро, до отъезда оставалось всего лишь несколько дней, и ничто не могло быть более мучительным, чем мысль о том, что я так и покину остров, не сумев вернуть императору ожерелье. Оказавшись в этом затруднительном положении, я решил пойти на самый отчаянный риск. Англичанин, с которым я прежде часто разговаривал, посетил мою тюрьму, получив какое-то задание; и прямо на глазах губернатора и одного из его самых доверенных агентов, которого он взял с собой, я отважился обратиться к моему знакомому англичанину.

«Я считаю вас принципиальным человеком, — сказал я ему, — и собираюсь подвергнуть вас испытанию, хотя для вас в нём нет ничего опасного и оно не задевает вашу честь. Просто необходимо вернуть Наполеону дорогую ему вещь. Если вы согласитесь исполнить поручение, то мой сын вложит эту вещь в ваш карман».

Англичанин ответил тем, что замедлил свой шаг; мой сын, которому я всё объяснил, последовал за ним, и ожерелье перешло во владение этого человека почти на виду у всех. Перед тем, как покинуть остров, я испытал невыразимое удовлетворение, узнав, что ожерелье попало в руки императора. Как приятно сердцу эти воспоминания и проявление такого свойства характера у человека, принадлежавшего к стану врага, да ещё при таких обстоятельствах!

денег и бриллиантов, принадлежавших императору; мы также узнали, что одновременно у нас отберут личное оружие и после этого нас переведут на борт «Нортумберленда».

Это были следующие документы:

*Приказ лорда Кейта капитану Мэтленду,
командиру корабля «Беллерофон»*

«Всё оружие любого вида должно быть отобрано у французов всех рангов, находящихся на борту корабля, которым вы командуете. Всё это оружие должно быть тщательно собрано и упаковано и находиться под вашим присмотром до тех пор, пока французы, которым принадлежит это оружие, остаются на борту “Беллерофона”. Затем оно должно находиться под присмотром капитана того корабля, на который могут быть переведены вышеупомянутые лица».

*Инструкции кабинета министров
адмиралу Кокберну*

«Когда генерала Буонапарте будут переправлять с “Беллерофона” на борт “Нортумберленда”, это будет удобный момент для того, чтобы адмирал Кокберн провёл обыск всех вещей, находящихся у генерала. Адмиралу следует разрешить генералу взять с собой на борт “Нортумберленда” домашние вещи, вина и пищевые продукты. В число домашних вещей включается серебряная посуда, при условии, что она будет в количестве, позволяющем рассматривать её как предназначенную скорее для личного пользования, а не как собственность, конвертируемую в наличные деньги. Он должен сдать свои деньги, бриллианты и все свои ценные бумаги, независимо от их назначения. Адмиралу следует объяснить генералу, что британское правительство не намерено конфисковывать его собственность, но лишь принимает на себя управление ею, с тем чтобы воспрепятствовать ему использовать её в качестве средства для побега.

Обыск должен быть проведён в присутствии лица, названного генералом Буонапарте. Должна быть составлена опись вещей, подписанная этим лицом, а также контр-адмиралом или любым другим лицом, которого мы назначим, чтобы оказать помощь в составлении этой описи. Для удовлетворения нужд генерала будут использоваться, в зависимости от сумм, капиталовложения и денежные средства; их расходование будет в основном осуществляться им

самим. По этому вопросу он, время от времени, будет сообщать свои пожелания сначала адмиралу, а потом губернатору, когда тот прибудет на остров Святой Елены; и, если не появятся основания для отказа в удовлетворении этих пожеланий, адмирал и губернатор дадут необходимые указания и оплатят расходы генерала Буонапарте чеками, полученными от казначейства Его Королевского Величества. В случае смерти право распоряжения имуществом генерала Буонапарте будет определено его завещанием, и он может быть уверен в том, что его воля будет строго выполняться. Так как может случиться, что часть его собственности перейдёт в собственность его свиты, то и к ней будут применяться те же правила.

Адмирал не должен брать на борт корабля, направляющегося на остров Святой Елены, ни одного человека из свиты генерала без согласия на то этого человека, и только после объяснений ему, что он должен будет подчиняться любым правилам и решениям, необходимым для обеспечения безопасности генерала. Генерала следует информировать о том, что если он попытается сбежать, то подвергнет себя риску быть заключённым в тюрьму, равно как и тот из его свиты, о котором станет известно, что он пытался содействовать побегу генерала.

Все письма, которые будут адресоваться генералу, а также членам его свиты, сначала будут направляться адмиралу или губернатору, которые прочитают их перед тем, как отдать адресату; это же правило распространяется и на письма, написанные генералом и членами его свиты.

Генерал должен знать, что губернатор и адмирал получили ясное указание переадресовывать правительству Его Величества любую просьбу или жалобу, которую они сочтут приемлемой, — ничто в этом случае не станет препятствием для подобного обращения генерала; но лист бумаги, на котором будут изложены эти просьбы и жалобы, должен быть помещён в незапечатанный конверт, — с тем чтобы можно было добавить замечания адмирала и губернатора, которые те сочтут необходимыми».

Трудно понять всю глубину и характер наших чувств в этот решающий момент, когда насилие, жестокость и несправедливость обрушились на наши головы.

Вынужденный сократить численность своей свиты до трёх человек, император выбрал гофмаршала Бертрана, господина де Монтлона и меня. Гурго, пришедший в отчаяние от мысли, что его оставляют, вступил в переговоры по этому вопросу и добился своего. Так как инструкции кабинета министров Англии позволяли Наполеону

взять с собой трёх офицеров, то было решено, что я буду рассматриваться исключительно как гражданское лицо, и с помощью подобного толкования инструкций я был включён в состав свиты Наполеона её четвёртым членом.

Разговор с лордом Кейтом — Досмотр вещей императора — Наполеон покидает «Беллерофон» — Разъединение — Отплытие на остров Святой Елены

7 августа 1815 года

Император адресовал лорду Кейту новый протест по поводу жестокости, проявленной в отношении него, поскольку его собирались насильно переправлять с корабля «Беллерофон». Я направился с этим документом на борт корабля «Тоннан». Адмирал Кейт, прекрасно выглядевший пожилой человек, обладавший весьма изысканными манерами, принял меня очень любезно, но тщательно уклонялся от обсуждения самого содержания протеста, заявив, что даст ответ в письменном виде.

Это не остановило меня. Я рассказал о состоянии здоровья Наполеона, заявив, что он очень плохо себя чувствует, что его ноги сильно опухли, и я обратил внимание его светлости на то, что было бы очень желательно не отправлять его с корабля «Беллерофон» так внезапно. Адмирал ответил мне, что я сам был моряком и поэтому должен видеть, что условия нынешней стоянки «Беллерофона» на якоре небезопасны, что, конечно, соответствовало истине.

Я объяснил адмиралу, что император с антипатией относится к предполагаемой процедуре досмотра его личных вещей, когда они будут бросаться как попало; я заверил его, что Наполеон скорее предпочтёт, чтобы его вещи просто выбросили в море. Адмирал ответил, что, поскольку это был совершенно ясный приказ, он должен подчиниться ему. Наконец я поинтересовался: действительно ли возможно, что люди, назначенные провести досмотр вещей, посмеют зайти так далеко, что станут отбирать у императора его шпагу? Адмирал ответил, что приказ об отборе оружия будет соблюдаться, но что Наполеон станет единственным, кого освободят от этой процедуры, в то время как все лица, сопровождающие его, будут разоружены. Я заявил, что меня уже разоружили: перед тем, как я покидал «Беллерофон», у меня отобрали шпагу. Сидевший около нас и записывавший нашу беседу секретарь адмирала на

английском языке обратил внимание лорда Кейта на то, что в приказе ясно указано, что и сам Наполеон должен быть разоружён; в связи с таким замечанием собственного секретаря адмирал сухим тоном ответил ему, тоже на английском языке (который я понимал): «Занимайтесь своими делами, сударь, а наши дела оставьте нам».

Желая продолжить разговор, я заявил адмиралу, что был участником переговоров с английской стороной и поэтому мне пришлось остро прочувствовать весь процесс этих переговоров, и в связи с этим я имею особое право на то, чтобы меня выслушали. Лорд Кейт слушал меня, всем своим видом выражая явное нетерпение; мы уже встали с кресел, и его частые кивки в мой адрес совершенно явно свидетельствовали о том, что для меня уже давно настало время удалиться. Я сообщил адмиралу, что капитан Мэтленд, сказав нам, что ему поручено привезти нас в Англию, всем своим поведением не вызвал у нас подозрений, что нас будут рассматривать как военнопленных, что он не смог бы отрицать, что мы взошли на борт его корабля по своей воле, доверившись английскому правительству, и что письмо императора принцу Уэльскому, с содержанием которого я заранее ознакомил капитана, никаких замечаний у него не вызвало. После моей речи дурное настроение и даже гнев адмирала дали о себе знать, и он резким тоном ответил мне, что если всё так и было, то капитан Мэтленд, должно быть, — дурак, так как в данных ему инструкциях ничего подобного не содержалось, в чём он абсолютно уверен, поскольку именно от него исходили эти инструкции. «Разрешите мне заметить, в защиту капитана Мэтленда, — возразил я, — что ваша светлость допускает определённую долю грубости, ответственность за которую полностью лежит на вас, ибо не только капитан Мэтленд, но и адмирал Хотэм и другие ваши офицеры, которых мы видели в то время, вели себя по отношению к нам точно так же, как и капитан Мэтленд; было бы их поведение иным, если бы полученные ими инструкции были совершенно ясными?» Сказав это, я освободил адмирала от своего присутствия; он не сделал попытки продолжить разговор на эту тему, которая, вероятно, оказалась для совести его светлости несколько тягостной.

Адмирал Кокберн, которому помогал чиновник таможенного управления, осмотрел личные вещи императора; они конфисковали четыре тысячи наполеондоров и оставили тысячу пятьсот наполеондоров для оплаты работы слуг, — все эти деньги и составляли богатство императора. В проведении этой операции адмиралу с чиновником помогал, или, скорее, мешал, Маршан, камердинер

Его Величества. Вся эта процедура чрезвычайно унижала достоинство адмирала, что было явным; хотя нас просили присутствовать при этом, никто из нас не захотел быть свидетелем этой процедуры, которую мы с самого начала посчитали подлой и оскорбительной.

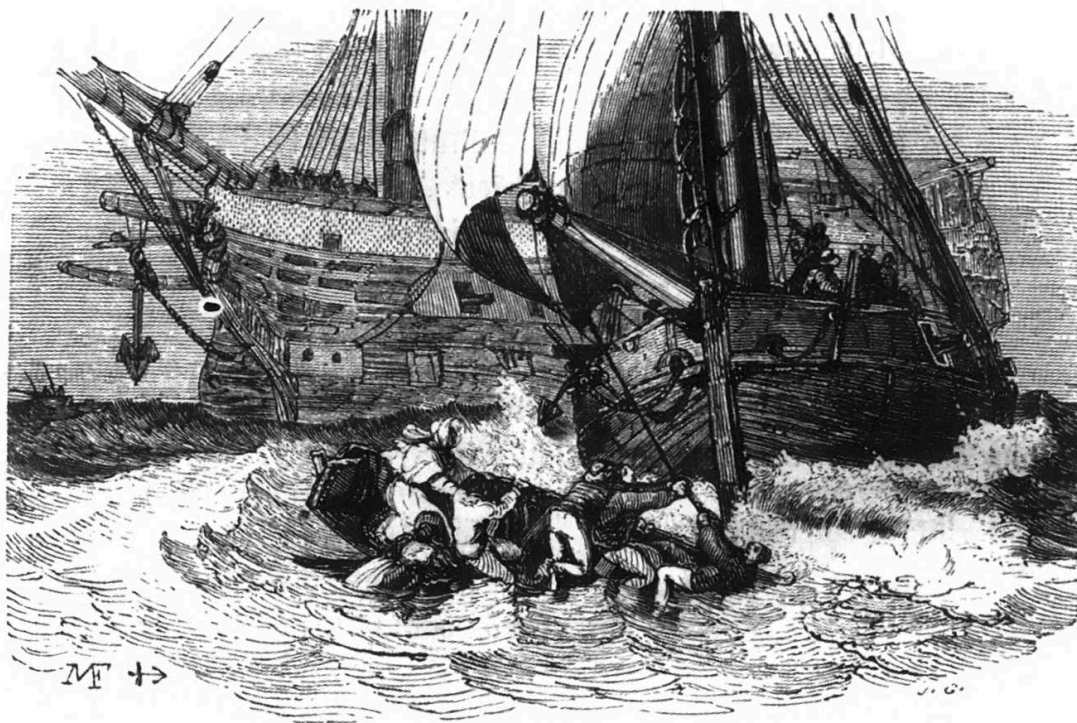
Тем временем настал момент расставания с «Беллерофоном». Гофмаршал Бертран на некоторое время закрылся с императором в каюте последнего. В течение всего этого времени мы оставались в приёмном помещении каюты; когда двери каюты распахнулись, герцог Ровиго, весь в слезах, бросился к ногам Наполеона и стал целовать его руки. Император, по-прежнему сохраняя спокойствие и собранность, обнял герцога и продолжал свой путь к наружному трапу, благосклонно приветствуя тех, кто оказался в этот момент на юте. Люди из окружения императора, которых мы оставляли, пребывали в состоянии глубоких душевных страданий; я не удержался и сказал лорду Кейту, стоявшему рядом со мной в эту минуту: «Вы видите сами, милорд, что единственные, кто заливаются слезами, так это те, которым предстоит остаться здесь».

Мы прибыли на борт «Нортумберленда» примерно в час тридцать дня. Император оставался на палубе, охотно вступая в беседу с теми англичанами, которые подходили к нему.

Я использовал этот момент свободного времени для того, чтобы написать последнее прощальное письмо жене и друзьям; я и в самом деле чувствовал себя нездоровым и очень уставшим.

Когда пришло время сниматься с якоря, посыльное судно, сновавшее вокруг нашего корабля, чтобы не подпускать к нему зрителей, находившихся в лодках, столкнулось с переполненной людьми лодкой, слишком близко подплывшей к кораблю. Казалось, что сам рок доставил этих людей в лодке издалека, чтобы они стали жертвами несчастного случая, — как я узнал, среди погибших были

две женщины. Вот при таких обстоятельствах мы наконец отплыли от берега Англии в направлении острова Святой Елены — через тринадцать дней после нашего прибытия в Плимут и через сорок дней после того, как покинули Париж.

Те лица из окружения Наполеона, которых ему не позволили взять с собой, были последними, кто покинул корабль, испытывая смешанные чувства: сожаление и горечь от перенесённых невзгод. Их уход стал вторым гнетущим зрелищем, не менее взволновавшим нас, чем первое. Император удалился в предоставленную ему каюту около семи часов вечера.

Английский кабинет министров с жаром осудил то уважение, которое оказывалось императору на борту «Беллерофона», и, соответственно, дал новые указания; так вот, совершенно иной стиль поведения по отношению к императору и другая манера обращения к нему были предписаны для команды «Нортумберленда». Казалось, что члены команды с трудом подавляют в себе оскорбительный интерес к императору в его присутствии; в обращении к нему они строго придерживались только одного звания, а именно — звания *генерала*, и относились к нему, соответственно, как к генералу. Это было искусной выдумкой, счастливой концепцией, порождённой дипломатией английских министров; и именно это звание они посчитали уместным пожаловать тому, кого они признавали в качестве Первого консула, кого так часто величали главой французского

правительства, к кому в Париже они обращались как к императору, когда лорд Лодердейл вёл с ним переговоры и даже подписывал в Шатильоне статьи договора. В результате, в минуту горячности, император, ссылаясь на введённое английским правительством правило, как-то заметил: «Они могут называть меня, как им заблагорассудится, но они не могут помешать мне быть *самим собой*».

Это столь же странно, как и нелепо — видеть, что кабинет министров Англии придаёт такое значение факту присвоения звания генерала тому, кто правил большей частью Европы и возвёл на престол семь или восемь королей, из которых несколько всё ещё сохраняют этот титул.

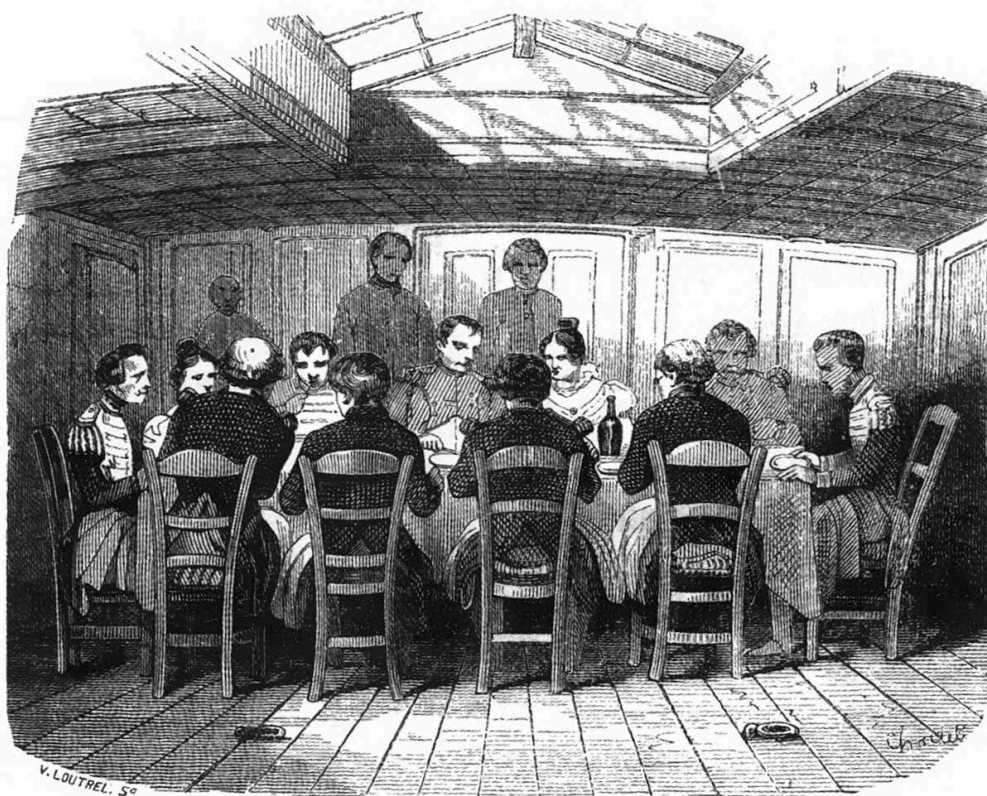
Описание каюты императора на борту «Нортумберленда»

8 — 9 августа 1815 года

Корабль находился в состоянии крайнего беспорядка, и казалось, что он чрезмерно обременён людьми и загромождён запасами провизии и багажом: мы отправились в плавание так поспешно, что едва ли хотя бы одна вещь находилась на своём месте; таким образом, вся команда корабля была занята восстановлением порядка и подготовкой к длительному плаванию.

Следующие подробности дают представление о той части корабля, которую занимали император и его свита. Пространство позади бизань-мачты было занято двумя общими и двумя личными каютами; первая каюта, предназначенная для столовой, была шириной в три метра. Она протянулась поперёк корабля и в каждом конце освещалась бортовыми иллюминаторами, а сверху — световым люком. Оставшееся пространство позади бизань-мачты было отведено для офицерской кают-компания, площадь которой была уменьшена за счёт двух симметричных кают справа и слева. Каждая из этих кают имела выходы в столовую и в гостиную. Император занимал каюту слева, в которой была установлена его походная кровать; каюта справа была выделена адмиралу. Ещё прежде было категорически предписано, что офицерская кают-компания не будет предоставлена императору, — до каких же нелепых размеров дошли страхи и озабоченность кабинета министров Англии!

Форма обеденного стола напоминала форму стола военной клуб-столовой. Император сидел за столом спиной к офицерской кают-компания и лицом в сторону головной части корабля; слева от него сидела госпожа Бертран, а справа — адмирал. Справа от адмирала

сидела госпожа де Монтолон; эти персоны занимали одну сторону стола. В конце стола, рядом с госпожой де Монтолон, сидел капитан Росс, который командовал кораблём; напротив него, на противоположном конце стола, — господин де Монтолон, рядом с ним — госпожа Бертран, и далее — секретарь адмирала. На противоположной от императора стороне стола сидели, начиная с капитана Росса, гофмаршал Бертран, генерал, командующий 53-м пехотным полком, потом я и, наконец, барон Гурго.

Каждый день адмирал приглашал на обед одного или двух офицеров, которые размещались за столом среди нас. Я обычно сидел почти напротив императора. Недавно сформированный военный оркестр 53-го пехотного полка во время обеда натужно наигрывал свой будущий репертуар, что было испытанием для наших ушей. Наш обед состоял из двух блюд, но провизии на корабле не хватало; помимо всего прочего, наши вкусы очень отличались от вкусов наших хозяев. Но верно и то, что они старались изо всех сил.

Меня разместили вместе с моим сыном на стороне правого борта корабля, вровень с грот-мачтой, в маленькой каюте, огороженной брезентом, в котором была пушка. Наш корабль плыл с трудом и продвинулся вперёд лишь настолько, насколько ветер позволил ему выбраться из Па-де-Кале, после чего он встал на якорь у побережья Англии, поддерживая контакт с ближайшими портами, чтобы

обеспечить себя дополнительными запасами провизии на рейс и пополнить другие припасы. Большое количество всего, включая продовольствие, нам доставили из Плимута. Из этого порта, а также из Фалмута, к нам присоединились несколько других кораблей.

**Земля скрывается из поля нашего зрения —
Размышления — Аргументация против решения
английского кабинета министров**

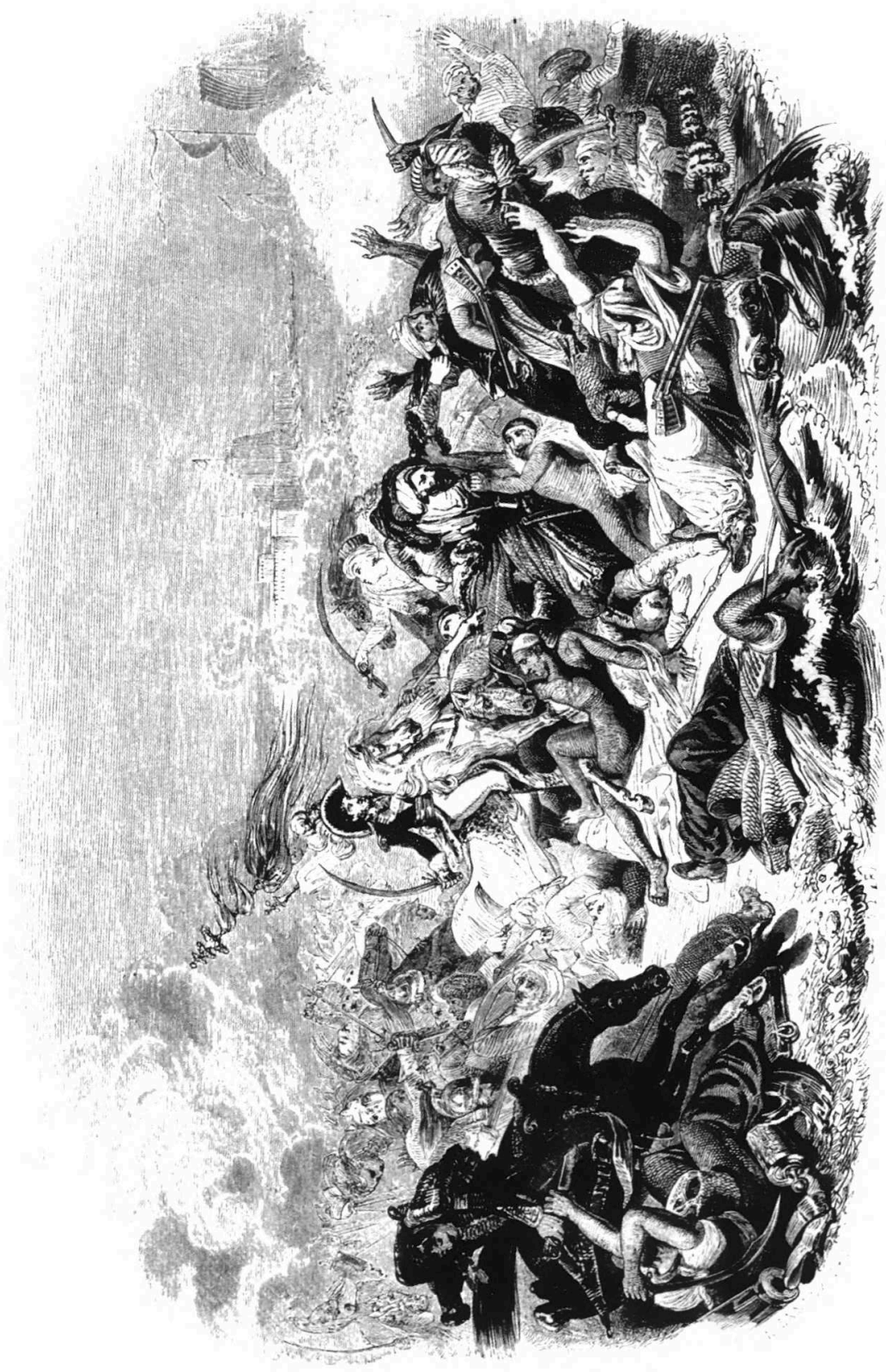
10 августа 1815 года

Сегодня земля скрылась из поля нашего зрения. Мы теперь отправились в мрачный неизвестный путь, на который нас обрекла судьба. Возобновились мои страдания; дорогие мне связи, которые я оборвал, опять стали терзать моё сердце.

Тем временем наш корабль продолжает двигаться вперёд в соответствии с заданным курсом, и вскоре мы должны оказаться за пределами Европы. Таким образом, менее чем через шесть недель после того, как император отрёкся от своего трона и отдался в руки англичан, они теперь спешат доставить его на бесплодную скалу в самой середине огромного океана! Это, конечно, не совсем обычный пример превратностей судьбы и не простое испытание твёрдости характера. Тем не менее, будут ли грядущие поколения в состоянии дать более глубокую оценку этим знаменательным событиям, по сравнению с той, что даём мы сегодня?! Им придётся выносить своё решение, когда прошлое предстанет перед ними в условиях ясного горизонта, в то время как мы сейчас окутаны плотными облаками.

Едва Наполеон успел отречься от престола, как те, кто стал свидетелем последовавших затем несчастий нации, поспешили расценить его жертву как большую ошибку. Когда они узнали о том, что он стал пленником в Плимуте, то подвергли порицанию его великодушные; не было ни одного события, не исключая личных страданий императора в связи с тем, что его ссылают на остров Святой Елены, которое бы они не сделали объектом осуждения. Но такова склонность вульгарного мышления: судить лишь то, что видится в данный момент! Однако нужно оценивать принятое решение, принимая во внимание не только те бедствия, которые неизбежно сопутствуют ему, но также и те, которые повлечёт за собой принятие прямо противоположных решений.

Отрёкшись от престола, Наполеон сплотил всех друзей Франции вокруг одной проблемы — а именно, проблемы сохранения безопасности страны! Он покинул Францию, требуя от всех держав лишь

Д-р Ласамб и С-н

БИТВА ПРИ АБУКИРЕ

соблюдения священных прав национальной независимости; он лишил союзников любого повода для того, чтобы опустошить и расчленить нашу территорию; он полностью отверг всякие личные амбиции; он завершил свою карьеру в качестве мученика дела, героем которого он был. Если не были использованы все те преимущества, которые могли быть получены благодаря его гению и талантам теперь как простого гражданина страны, то в этом виноваты слабость и предательство временного правительства, сменившего его. Когда он прибыл в Рошфор и командир фрегатов отказался поднять паруса, то должен ли он был отказаться от результатов своего отречения? Должен ли он был вернуться в страну и встать во главе отрядов, когда он отрёкся от армий? Следовало ли ему безрассудно поощрять гражданскую войну, которая бы не привела ни к какому положительному результату, но лишь способствовала бы разрушению оставшихся опор, надежд на будущее страны? В подобной ситуации Наполеон принял наиболее великодушное решение, достойное его жизни, опровергнувшее всю ту клевету, которая в течение двадцати лет столь нелепо обрушивалась на его голову. Но что скажет история о тех министрах либеральной страны, стражах и хранителях народных прав, всегда страстно поощряющих Кориолана и имеющих только цепи для Камиллуса⁴?

Что же касается осуждения смирения императора в связи с его перемещением на остров Святой Елены, то было бы позором отвечать на подобное обвинение. Сражаться с противником в каюте корабля, — убить кого-нибудь собственной рукой или пытаться поджечь пороховой погреб, — всё это было бы, по меньшей мере, поступком пирата. Сохранение достоинства в условиях бедствия, подчинение необходимости — в этом тоже есть своя слава; именно так люди — жертвы превратностей судьбы — становятся великими.

Когда английские министры поняли, что Наполеон находится в их власти, они оказались в гораздо большей степени под влиянием вспышки эмоций, чем чувства справедливости и разумной политики. Они нарушили свои законы, отвергли права гостеприимства, отреклись от собственной чести и скомпрометировали честь своей страны. Они приняли решение выслать своего гостя на остров посреди океана, содержать его там на скале в качестве пленника в двух тысячах лье от Европы и тем самым прекратить его общение с человечеством. Мучения ссылки, утомительно долгое морское плавание, лишения всякого рода и губительное влияние ужасного климата сделают то, что они сами боялись осуществить, — похоже, таким был их расчёт. Однако, чтобы заручиться поддержкой народа, они спровоцировали газеты на проведение кампании разжигания

страстей среди населения своей страны, повторяя прошлые клеветнические утверждения и лживые заявления; причём английские министры представили собственное решение как обязательство, принятое совместно с их союзниками.

Мы появились в Англии в момент всенародного возбуждения, когда всё, что могло представить нас в неприглядном свете, немедленно выставлялось напоказ. Страницы газет и журналов были заполнены самым злобным разглагольствованием; они выискивали любой поступок и каждое высказывание времён предыдущей двадцатилетней войны, которые могли бы задеть национальную гордость или разжечь ненависть к нам со стороны английского населения. Тем не менее, когда вся Англия поспешила к юту, чтобы увидеть нас во время нашей стоянки в Плимуте, поведение и чувства большинства людей, которые прибыли в Плимут, убеждали нас в том, что искусственно созданная неприязнь исчезнет сама собой. Исходя из этого, мы прониклись надеждой, что после нашего отъезда британский народ с каждым днём станет всё более беспристрастным в оценке дела, к которому он больше не имеет никакого отношения, что общественное мнение в конце концов обернётся против английских министров и что этих министров в будущем наверняка ждёт нелицеприятная критика. Они будут нести ответственность за всё содеянное.

Образ жизни императора на борту «Нортумберленда»

11 — 14 августа 1815 года

Наш корабль плыл через Бискайский залив, чтобы обогнуть мыс Финистерре. Ветер был попутным, хотя и слабым, погода — очень жаркой; ничто не могло быть более монотонным, чем течение проводимого нами времени. Император завтракал в своей каюте в разное время: следуя французским привычкам, мы завтракали в десять часов утра, в то время как англичане обычно завтракали в восемь.

Каждое утро император вызывал кого-нибудь из нас, чтобы узнать, что происходит на корабле, какое расстояние мы прошли, направление ветра и другие подробности, связанные с движением корабля. Император много читал, к четырём часам дня одевался и затем выходил в офицерскую кают-компанию; там он играл партию в шахматы с одним из членов свиты. За несколько минут до пяти часов из своей каюты выходил адмирал с объявлением о том, что обед уже на столе.

Хорошо известно, что Наполеон редко когда отводил обеду более пятнадцати минут; здесь же, на корабле, подача двух блюд занимала от часа до полутора часов. Наполеона это очень раздражало, хотя он никогда не делал замечаний по этому поводу и выражение его лица, жесты и манеры всегда свидетельствовали о его полном безразличии к подобному порядку за обеденным столом. Новая для него английская кухня, необычная для нас по количеству и качеству приготовляемых блюд, никогда не встречала с его стороны ни осуждения, ни одобрения; он никогда не выражал ни пожеланий, ни возражений по поводу еды. Наполеона обслуживали двое слуг, стоявших за его креслом. Поначалу адмирал имел привычку предлагать свою помощь императору во время обеда, но свою благодарность Наполеон выражал настолько холодным тоном, что адмирал эту практику прекратил. Он продолжал играть роль гостеприимного хозяина, но вскоре стал лишь указывать слугам, какое блюдо более предпочтительно, и они подавали императору выбранное адмиралом блюдо, к чему император оставался полностью безразличным, ничего не видя, ничего не замечая, ни на что не обращая внимания. Он обычно молчал, сохраняя отсутствующий вид, словно совершенно не понимал языка, хотя беседа шла на французском. Если же Наполеон говорил, то только для того, чтобы задать какой-нибудь технический или научный вопрос, или чтобы обратиться с несколькими словами к тем лицам, которых адмирал временами приглашал на обед. Обычно я был тем человеком, кому император адресовал свои вопросы, для того чтобы я переводил их.

Я не сразу заметил, что англичане имеют привычку оставаться после обеда за столом, чтобы выпить и поговорить; император, уже уставший после утомительного обеда, никогда не соблюдал этот обычай и поэтому с первого же дня, сразу после того, как обедавших обносили подносом с чашками кофе, вставал из-за стола и выходил на палубу, сопровождаемый гофмаршалом и мною. Вначале это привело в замешательство адмирала, который выразил удивление своим офицерам; но госпожа Бертран, у которой с материнской стороны родным языком был английский, горячо возразила ему, заявляя: «Не забывайте, адмирал, что ваш гость является человеком, который правил большей частью мира, и что короли, бывало, оспаривали право быть приглашёнными к его столу». — «Совершенно верно», — ответил адмирал. И этот офицер, обладавший здравым смыслом, сговорчивым характером и немалым тактом, с этой минуты делал всё, что было в его силах, чтобы приспособиться к привычкам императора. Он сократил время обеда и заказывал кофе для Наполеона

и сопровождавших его лиц ещё до того, как все остальные за столом заканчивали свой обед. Как только Наполеон выпивал кофе, он покидал столовую; при этом все остальные вставали со своих кресел и продолжали стоять до тех пор, пока Наполеон не выходил из столовой, а затем оставались за столом со своим вином ещё час.

Император прогуливался по палубе до наступления темноты, сопровождаемый гофмаршалом и мною. Такой порядок дня императора оставался неизменным и редко нарушался. Возвратившись в офицерскую кают-компанию, он садился за карты сыграть в «двадцать одно» и обычно через полчаса удалялся в свою каюту.

Один счастливый день императора

15 августа 1815 года

Этим утром мы попросили разрешения быть принятыми императором и все одновременно вошли в его каюту. Он не понимал вначале причины этого визита: это был день его рождения, о котором, судя по всему, он совершенно забыл. Мы обычно наносили ему визиты в этот день — и в гораздо более торжественной обстановке, когда он находился на вершине власти, — но никогда наши пожелания не были столь искренними и никогда наши сердца не были столь преданными ему, как в тот день.

Теперь дни проходили однообразно, ничем не отличаясь друг от друга: вечерами мы постоянно играли в «двадцать одно»; иногда к нам присоединялись адмирал и некоторые из его офицеров. Император обычно удалялся к себе, оставляя на карточном столе, в соответствии со своей привычкой, проигранные десять или двенадцать наполеондоров; это случалось с ним ежедневно, поскольку он настаивал на том, чтобы оставлять на столе свою ставку до тех пор, пока она не составит значительную сумму. В тот день он выиграл от восьмидесяти до ста наполеондоров. Адмирал сдавал карты; император по-прежнему хотел оставить на столе свой выигрыш, но подумал, что адмиралу будет неприятно, если он покинет игру в такой момент. Тогда император решил продолжать игру и выиграл шестнадцать сдач адмирала подряд, и его выигрыш мог составить сумму в шестьдесят тысяч наполеондоров. В то время, когда все присутствовавшие при игре говорили о том, что сегодня фортуна столь милостива только к одному человеку, один английский офицер заметил, что сегодня празднуется годовщина дня рождения императора.

Продолжение плавания — Занятия императора — Происхождение императора и его семьи — Различные истории

16 — 21 августа 1815 года

Шестнадцатого августа мы обогнули мыс Финистерре, 18 августа прошли мыс Сент-Винсент и на следующий день были вблизи Гибралтарского пролива. Во время следования по заданному курсу вдоль берега Африки по направлению к Мадейре ничего значительного не произошло. Нашим привычкам и способам проведения времени было свойственно полнейшее единообразие; менялись лишь темы наших бесед.

Император обычно в течение всего утра оставался в своей каюте: жара была настолько чрезмерной, что он носил лишь очень лёгкую одежду. Он не мог спать и часто ночью вставал с постели. Главным его занятием было чтение. Почти каждое утро император вызывал меня, и я переводил ему статьи из «Британской энциклопедии», а также из других книг, имевшихся на борту корабля, которые содержали данные об острове Святой Елены и о странах, мимо которых мы проплывали. Это привело к тому, что он начал просматривать мой «Исторический Атлас». На борту «Беллерофона» Наполеон только мельком взглянул на него и до этого времени имел смутное представление о моей работе. Теперь же я с удовлетворением видел, как в течение нескольких дней эта книга находилась в руках императора, который дал самую лестную оценку моему труду. Ему, судя по всему, особенно понравилось обилие материала и его расположение в книге. Когда император просматривал «Атлас», то его внимание главным образом привлекли географические карты, особенно карта мира, получившая его наибольшее одобрение. Я не пытался убедить его в том, что самой слабой частью книги была именно география, которой я уделил гораздо меньше внимания, чем другим частям; общие таблицы по методике, симметрии и удобству использования превзойти было трудно, а генеалогические таблицы представляли собой миниатюрную историю описываемой страны, в них приводился подробный анализ разных материалов.

Император спросил меня, использовалась ли эта работа в нашей системе образования, добавив, что если бы эта книга была ему лучше известна, то все школы и лицеи были бы ею обеспечены. Далее он спросил: почему я опубликовал её под вымышленным именем Ле Саж? Я ответил, что в Англии после моей эмиграции был опубликован очень несовершенный вариант книги, причём в то время,

когда мы не могли предавать гласности наши имена из опасения нанести вред родственникам во Франции. «И, — добавил я, рассмеявшись, — возможно, я тогда ещё не избавился от предрассудков юности; я поступил подобно аристократам Бретани, которые, начав заниматься торговлей, оставляли свои шпаги на хранение в регистрационном бюро гражданского суда, чтобы не унижить достоинство своей семьи».

Как я уже ранее писал, император всегда вставал из-за обеденного стола намного раньше всех остальных. Гофмаршал и я следовали за ним на палубу, где я часто оставался с императором наедине, поскольку генерал Бертран обычно вынужден был отправляться в свою каюту, чтобы ухаживать за женой, очень страдавшей от морской болезни.

После предварительных замечаний по поводу погоды, движения корабля и силы ветра Наполеон принимался беседовать на определённую тему или возвращался к обсуждению проблемы, затронутой накануне; и когда он проделывал восемь или девять поворотов, пройдя всю длину палубы, то обычно присаживался на вторую пушку от трапа левого борта корабля. Корабельные гардемарины вскоре обратили внимание на пристрастие Наполеона к этому месту, и с тех пор эту пушку стали называть *пушкой императора*.

Именно там Наполеон часто беседовал со мной целыми часами, и именно там я впервые узнал часть того, о чём собираюсь рассказать; делая это, я хотел бы обратить внимание, что одновременно буду добавлять и всё то, что слышал в последующих беседах; таким образом, совокупное изложение всего, что я слышал о той или иной проблеме, делает её более достойной внимания.

Фамилия Бонапарте может писаться как *Бонапарте* или как *Буонапарте*, — об этом знают все итальянцы. Отец Наполеона всегда писал свою фамилию с “у”, а дядя Наполеона, архидиакон Люсьен (который пережил отца Наполеона, став практически отцом для Наполеона и его братьев), в то же самое время и под той же крышей писал *Бонапарте*. Во время своей юности Наполеон следовал примеру отца. Приняв командование армией Италии, он предусмотрительно позаботился о том, чтобы не менять орфографию своей фамилии, которая отвечала индивидуальности итальянского языка; но в более поздний период, когда Наполеон стал жить среди французов, он захотел принять их орфографию и с тех пор уже писал свою фамилию — *Бонапарт*.

Семья в течение многих лет пользовалась широкой известностью на территории Болоньи и в её окрестностях, она обладала значительным

влиянием в Тревизо; эту фамилию можно найти вписанной в «Золотую книгу» Болоньи и в список патрициев Флоренции. Когда Наполеон, будучи генералом и командующим армией Италии, вступал в Тревизо во главе своей победоносной армии, самые уважаемые жители города вышли встретить его с официальными документами и архивными записями, подтверждавшими, что его семья была одной из самых знаменитых в их городе.

Во время встречи в Дрездене, перед началом русской кампании, император Франц сообщил Наполеону, который тогда был его зятем, что семья Буонапарте правила в Тревизо в качестве монархов. Этот факт не подлежал сомнению, так как император Франц дал указание, чтобы документы, доказывающие это, были найдены и доставлены ему. Наполеон ответил императору Францу, улыбаясь, что не желает знать об этом, так как предпочитает стать основателем своей собственной династии, как это сделал в своё время Рудольф Габсбургский, основатель династии Габсбургов. Но император Франц придавал этому вопросу гораздо большее значение. Он заявил, что если богатый человек становится бедняком, то этот факт не влечёт за собой каких-то особых последствий, но что дороже всего принадлежность к клану монархов, и факт о принадлежности Наполеона к семье монархов Тревизо должен быть сообщён Марии Луизе, которой это обстоятельство доставит безграничное удовольствие.

Когда, во время итальянской кампании, Наполеон вошёл в Болонью, то Марескальки, Капра и Альдини, хорошо известные во Франции — а в то время они были сенаторами в своём родном городе, — по своей воле представили Наполеону «Золотую книгу» Болоньи, в которой были начертаны имя и герб его предков.

Во Флоренции есть несколько домов, подтверждающих факт проживания в них семьи Буонапарте; на многих домах даже сейчас можно увидеть герб семьи.

Чезаре, корсиканец или болоньезец, проживавший в Лондоне и возмущённый той пренебрежительной манерой, с которой британское правительство отнеслось к письму Наполеона, где он сообщал, что принимает на себя ведение дел Консулата, опубликовал генеалогическую таблицу, в которой установил родословную связь императора с древними династиями домов Эсте и Вельфов, предположительно ставшими родоначальниками нынешней королевской семьи Англии*.

Герцог де Фельтр, французский посол в Тоскане, привёз в Париж из Галереи де Медичи портрет Буонапарте, который был женат на принцессе из семьи великого герцога. Мать папы римского Николая V, родом из Сарцаны, также была Буонапарте.

Был один Буонапарте, который заключил договор об обмене Ливорно на Сарцану. Ещё одному Буонапарте мы обязаны старейшей комедией, написанной в эпоху Возрождения, под названием «Вдова». Это произведение всё ещё можно увидеть в Королевской библиотеке в Париже**.

Когда Наполеон выступил в поход против Рима во главе французской армии и получил предложение от папы римского провести мирные переговоры в Толентино, один из участников переговоров с римской стороны обратил внимание на то, что Наполеон был единственным французом, выступавшим в военный поход против Рима со времени коннетабля Бурбона; но что делает данное обстоятельство ещё более необычным, так это то, что история первого похода французской армии на Рим была написана предком того,

* Этот параграф невольно вызывает сомнение, и я собирался вычеркнуть его из дневника; поэтому я должен объяснить причину, в силу которой я всё же его оставил. Какую цель я тем самым преследую? В основном ту, чтобы оставить после себя исследованные мною материалы. Когда я указываю, каким образом я получил эти данные, и говорю, что получил их во время простого разговора и мог исказить их содержание, с ходу ухватив всего лишь их смысл, когда я признаю их вероятную неточность и предоставляю читателю возможность исправления моих ошибок, разве тогда я в достаточной мере не выполняю свой долг в достижении поставленной цели?

** Проверено в Королевской библиотеке: рукопись действительно там находится, и сама пьеса отпечатана.

кто осуществил второй поход, а именно — синьором Никколо Буонапарте, который действительно оставил нам свою работу под названием «Разграбление Рима коннетаблем Бурбоном»*.

Вероятно, благодаря этому синьору Никколо Буонапарте или вышеупомянутому папе римскому авторы некоторых брошюр используют в качестве предлога присвоение императору имени Никколо вместо имени Наполеон. Эту работу можно обнаружить во многих библиотеках; ей предшествует книга об истории семьи Буонапарте, напечатанная сорок или пятьдесят лет назад, — её издал доктор Вакк, профессор университета Пизы.

Господин де Сетто, посол Баварии, часто говорил мне, что архивы Мюнхена хранили большое количество документов, подтверждавших древность рода Буонапарте и большое влияние, которым эта семья обладала.

В течение всего времени, что Наполеон был у власти, он отказывался предпринимать что-либо для выяснения своих родословных корней и не хотел даже говорить на эту тему. Первая попытка обратить его внимание на данную проблему была сделана во времена Консулата, но он столь резко воспрепятствовал этому, что больше никто не отважился вновь заговорить про его родословную. Некое лицо опубликовало генеалогию Наполеона, в которой ухитрилось связать воедино родственные корни семьи Наполеона и некоторых северных королей. Наполеон приказал осмеять этот образец лести в газетах, и авторы статей, посвящённых опубликованной генеалогии, заканчивали их тем, что утверждали: аристократизм Первого консула ведёт свой отсчёт только с 18-го брюмера.

Семья Буонапарте, как и многие другие семьи, была жертвой многочисленных революций, разорвавших города Италии. Беспорядки во Флоренции вынудили Буонапарте эмигрировать. Один из членов семьи сначала отправился в Сарцану, а оттуда поехал на Корсику.

* Также проверено в Королевской библиотеке Парижа, где хранится доклад о разграблении Рима, но автором работы является не *Никколо*, а *Джакопо Буонапарте*. Джакопо был современником и непосредственным свидетелем описываемого события, его рукопись была впервые напечатана в Кёльне в 1756 году; и в этой работе фактически содержится генеалогия семьи Буонапарте, начиная с очень давних времён, и даётся описание этой семьи как одной из самых знаменитых семей Тосканы.

Вышеупомянутая генеалогия приводит факт, который, несомненно, представляет своеобразный интерес: дело в том, что один из первых Буонапарте был изгнан из своей страны как *гибеллин*. Не было ли тогда роком этой семьи во все времена и в каждой эпохе, что она должна была уступать влиянию *гвельфов*!

Кёльнский издатель иногда пишет *Буонапарте*, а в других случаях *Бонапарт*. Никколо Буонапарте, упомянутый в тексте как историк, был дядей Джакопо; он упомянут в генеалогии как весьма известный писатель и основатель курса юриспруденции в университете Пизы.

С этого острова его потомки всегда продолжали посылать своих детей в Тоскану, где они получали образование под надзором ветви семьи, оставшейся в Сан-Миниато. Каждый второй сын этой ветви в течение нескольких поколений носил имя Наполеон — в честь предка, прославленного в исторической хронике Италии.

На пути во Флоренцию после военного похода в Ливорно Наполеон провёл ночь в доме старого аббата Буонапарте в Сан-Миниато, который принял у себя весь штаб Наполеона с большой пышностью. Исчерпав тему семейных воспоминаний, аббат сообщил молодому генералу, что намерен показать ему бесценный документ. Наполеон думал, что ему покажут замечательное генеалогическое древо, прекрасно составленное, чтобы удовлетворить его тщеславие (сказал Наполеон, смеясь), но это была памятная записка о Буонавентуре Буонапарте, монахе ордена капуцинов, уже давно причисленном к лику блаженных, но не канонизированном из-за непомерных расходов, требующихся для проведения этой процедуры. «Папа римский не откажет тебе, — сказал добрый аббат, — если ты попросишь его об этом, а если необходимо будет заплатить, то для тебя это сущий пустяк». Наполеон от всего сердца расхохотался, услышав от старого аббата это наивное суждение, столь не соответствующее реалиям времени: старику не приходило в голову, что святые более не в моде.

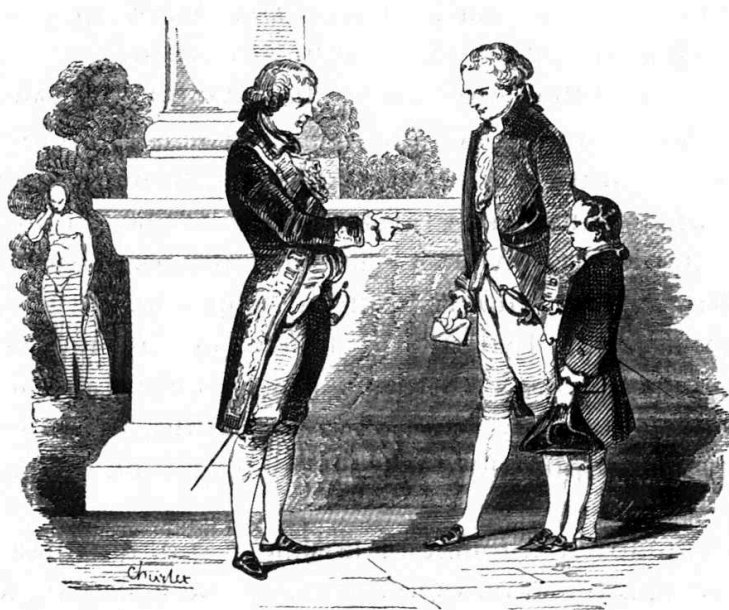
Прибыв во Флоренцию, Наполеон подумал, что его однофамильцу было бы очень приятно, если бы ему прислали ленту ордена Святого Стефана, ревностным поклонником которого он был; но благочестивый аббат гораздо меньше стремился к обладанию благами этого мира, чем к религиозной справедливости. Именно этого он так настойчиво добивался, и, как выяснилось позднее, не без причины. Папа римский, когда прибыл в Париж, чтобы возложить императорскую корону на голову Наполеона, помнил об отце Буонавентуре. «Несомненно, — заявил папа римский, — что он, занимая своё место среди блаженных, вёл за руку своего родственника по пути славной земной карьеры, и именно он хранил Наполеона в самой пучине столь многих опасностей и сражений». Наполеон, однако, пропустил мимо ушей эти замечания папы римского, оставив на усмотрение святого отца вопрос о прославлении Буонавентуры. Что же касается старого аббата в Сан-Миниато, то он завещал своё состояние Наполеону, который передал его одному из общественных учреждений в Тоскане.

Однако мне трудно излагать какие-либо генеалогические данные о семье императора, основываясь на беседах с Наполеоном: он часто говорил, что никогда не заглядывал ни в одну из пергаментных рукописей, хранящихся в семье. Они всегда оставались в руках его брата Жозефа, которого Наполеон называл «специалистом по генеалогии семьи». И чтобы не забыть, упомяну здесь об имевшем

место факте, когда Наполеон, собираясь вступить на борт корабля, передал брату пакет, содержащий все подлинные письма, адресованные ему монархами Европы. Я часто выражал императору своё сожаление, что он расстался с такими ценными историческими рукописями*.

Карло Буонапарте, отец Наполеона, был очень высокого роста, красавец и хорошо сложен; он получил неплохое образование, поскольку прилежно учился в Риме и в Пизе, где изучал юриспруденцию. О нём говорили, что он обладал незаурядным умом и сильным, энергичным характером. Именно он во время обсуждения в общественной ассамблее Корсики вопроса о её присоединении к Франции выступил с блестящей речью, которая взволновала всю страну, — а ведь в это время ему было не более двадцати лет! «Если бы для того, чтобы стать свободным, — заявил он, — требовалась одна воля, то все страны стали бы свободными; тем не менее, история учит нас, что мало кто добивался благословенной свободы, потому что мало кто обладал для этого необходимой энергией, мужеством и достаточной нравственностью».

Когда остров был покорён Францией, Карло хотел сопровождать Паоли в эмиграцию, но его пожилой дядя, архидиакон Люсьен, родительской власти которого он подчинялся, не разрешил ему покидать Корсику.

* Вернувшись в Европу, я сразу же проявил интерес к бесценным рукописям и поспешил предложить принцу Жозефу, учитывая их важность, сделать копии с них. Каково же было моё горе, когда я узнал, что эти исторические материалы бесследно исчезли, и никто не знает, что произошло с ними! В чьи руки они могли попасть? Пусть же те, к кому они попали, по достоинству оценят их важность и сохранят для истории!

В 1779 году Карло Буонапарте был избран депутатом, чтобы представлять Корсику в Париже, и взял с собой юного Наполеона, которому тогда было десять лет. Проезжая по пути Флоренцию, Карло получил рекомендательное письмо от великого герцога Леопольда к его сестре, королеве Франции. Этим знаком внимания он был обязан своему положению на Корсике и почтению к его имени в Тоскане.

В описываемый период на Корсике проживали два французских генерала, настолько ненавидевших друг друга, что их ссоры привели к созданию двух партий. Один из них был господин де Марбёф, обладавший мягким характером и снискавший этим популярность среди местного населения. Вторым генералом был господин де Нарбонн Пелле, отличавшийся высокомерием и неистовством характера. Последний, из-за своего происхождения и благодаря связям среди высшей знати Франции, должен был быть очень опасен для своего соперника, но, к счастью для господина де Марбёфа, его гораздо больше любили на острове. Когда депутация корсиканцев во главе с Карло Буонапарте прибыла в Версаль, у него спросили его мнение о причине ссоры между двумя французскими генералами. Искренность показаний Карло Буонапарте по этому вопросу способствовала полному триумфу Марбёфа. Архиепископ Лиона, племянник Марбёфа, посчитал своим долгом уделить внимание депутату с Корсики и поблагодарить его за оказанную семье Марбёф услугу. Когда юного Наполеона определили в Бриеннское военное училище, архиепископ дал ему специальное рекомендательное письмо для семьи Бриенн, которая жила там большую часть года, — отсюда проистекает дружеское отношение семей Марбёф и Бриенн к детям семьи Буонапарте. Клеветнические статьи по этому поводу приводят иную причину, но простого изучения дат вполне достаточно для того, чтобы доказать её абсурдность. Старик Марбёф жил тогда в городе Аяччо, где семья Карло Буонапарте занимала одно из главных мест. Госпожа Буонапарте была самой очаровательной и красивой женщиной в городе, поэтому вполне естественно, что генерал часто посещал её дом для приятного времяпровождения, предпочитая его другим местам.

Карло Буонапарте скончался в возрасте тридцати восьми лет от уплотнения лимфатических узлов желудка. Во время одного из своих визитов в Париж он обратился к врачам по поводу своей болезни и в результате почувствовал временное облегчение, но позднее стал жертвой повторного приступа в Монпелье.

Во времена Консулата знатные люди Монпелье, используя посредничество своего земляка Шапталя, министра внутренних дел, обращались с ходатайством к Первому консулу, прося разрешения

возвести памятник в честь его отца. Наполеон поблагодарил за проявленные ими добрые намерения, но отказал в их просьбе. «Давайте не будем нарушать покой умершего, — заявил Наполеон, — пусть его прах остаётся в мире. Я также потерял дедушку и прадедушку, так почему бы не возвести памятники и в их честь? Это может завести нас слишком далеко. Если бы мой отец умер вчера, то было бы вполне уместным и естественным, чтобы моё горе сопровождалось каким-нибудь проявлением вашего уважения к умершему. Но его смерть произошла двадцать лет тому назад; это событие не представляет общественного интереса, и бесполезно возрождать память об этом». В последующий период Луи Бонапарт, без ведома Наполеона, откопал из могилы останки своего отца и перезахоронил их в Сен-Лё, где возвёл памятник в его честь.

Карло Буонапарте придерживался взглядов, прямо противоположных религиозным, он даже написал несколько антирелигиозных поэм. В этом отношении он очень отличался от своего брата, архидиакона Люсьена, набожного и ортодоксального священнослужителя, который намного пережил его и умер в преклонном возрасте. На своём смертном одре он очень обиделся на Феша, который, будучи тогда только священником, прибежал к нему в епитрахили и стихаре, чтобы помочь ему в его последние минуты. Люсьен умолял Феша дать ему возможность умереть спокойно. Последние минуты жизни он провёл в окружении членов своей семьи, давая им философские советы старца, умудрённого опытом жизни, и благословляя их.

Император часто говорил о своём старом дяде, который был для него вторым отцом и который продолжительное время являлся главой их семьи. Он был архидиаконом Аяччо, одним из ведущих сановников острова. Его бережливость и умение вести домашнее хозяйство улучшили состояние дел семьи, которые в немалой степени были приведены в беспорядок расточительностью Карло. Старого дядю Наполеона очень почитали, он пользовался значительным авторитетом в Аяччо и его окрестностях. Крестьяне охотно выносили свои разногласия на его суд, и он щедро давал им советы, благословляя на добрые дела.

Карло Буонапарте женился на мадемуазель Летиции Рамолино, чья мать, после смерти её первого мужа, вышла замуж за капитана Феша, офицера одного из швейцарских полков, которые генуэзцы обычно содержали на острове. Кардинал Феш родился в результате этого второго брака и, соответственно, приходился сводным братом госпоже Летиции Буонапарте и дядей императору.

Госпожа Буонапарте была самой красивой женщиной своего времени на острове и славилась по всей Корсике. Паоли, во времена

своей власти, открыл на Корсике посольства Алжира и Туниса и захотел дать послам варварских стран представление о привлекательности острова. С этой целью он однажды собрал вместе самых красивых женщин Корсики, среди которых первенствовала госпожа Буонапарте. Впоследствии, когда она ездила в Бриенн, чтобы повидаться с сыном, её очарование было отмечено даже в Париже.

Во время войны за корсиканскую независимость госпожа Буонапарте разделяла с мужем, который был сторонником свободы острова, все опасности. В его поездках по острову она сопровождала его верхом на лошади, даже будучи беременной Наполеоном. Это была женщина исключительно решительная, большого чувства гордости и возвышенной души. Она была матерью тринадцати детей и могла бы иметь их ещё больше, но стала вдовой в возрасте тридцати лет. Из этих тринадцати детей выжили только пять мальчиков и три девочки, и все они сыграли значительные роли во время правления Наполеона.

Жозеф, старший ребёнок в семье, первоначально готовился к церковной деятельности, благодаря влиянию на семью со стороны Марбёфа, архиепископа Лиона, который осуществлял покровительство над многими приходами. Жозеф прошёл обычный курс религиозного обучения, но когда пришло время стать духовным лицом, он отказался. Он последовательно был королём Неаполя и Испании.

Луи был королём Голландии, а Жером — королём Вестфалии. Элиза была великой герцогиней Тосканы, Каролина — королевой Неаполя, а Полина — принцессой Боргезе. Люсьен, из-за своего брака и неуправляемого характера потерявший право на корону, хотел загладить свои прошлые ошибки и бросился в объятия императора,

когда тот возвратился с Эльбы и был далёк от того, чтобы с уверенностью смотреть в будущее. Люсьен, говорил Наполеон, рано начал делать карьеру и в юности пережил бурные события: в возрасте пятнадцати лет его привёз во Францию господин Семонвиль, который вскоре сделал его ревностным революционером и страстным завсегдатаем политических клубов. По этому поводу император говорил, что в многочисленных клеветнических памфлетах, опубликованных против него, приводились тексты выступлений и письма, подписанные, среди прочих имён, и именем Брута Буонапарте, которое приписывалось ему, Наполеону; он не станет утверждать, добавлял Наполеон, что эти опубликованные выступления не были написаны кем-то из его семьи, но может заявить, что они не были делом его рук.

Я имел возможность ознакомиться с настроениями принца Люсьена, когда император возвратился с Эльбы, и могу заявить, что любому человеку было бы трудно честно и стойко придерживаться своих политических взглядов и в то же время проявлять такую преданность и доброжелательность по отношению к своему брату.

Мадейра — Сильный шторм — Шахматы

22 — 26 августа 1815 года

Двадцать второго августа в поле нашего зрения оказался остров Мадейра, и уже вечером мы были на рейде порта. Только два корабля нашей эскадры бросили якорь, чтобы взять на борт запасы провизии для всей эскадры. Ветер дул со страшной силой, и море было чрезвычайно бурным. Император чувствовал себя нездоровым, я тоже был болен. Внезапно поднялся шторм; воздух был чрезмерно горячим, и казалось, что он весь насыщен мелкими крупинками песка, — теперь мы подверглись воздействию сильнейших ветров из пустынь Африки. Такая погода продержалась весь следующий день, и наша связь с берегом стала чрезвычайно трудной. Английский консул, прибывший на борт корабля, сообщил нам, что на Мадейре в течение многих лет не было подобного урагана: виноградники полностью уничтожены, все окна в городе разбиты, и на улицах практически невозможно дышать. Всё это время мы продолжали лавировать на рейде перед городом; то же самое мы делали в течение следующей ночи и днём 24 августа, когда взяли на борт партию рогатого скота, а также другую провизию, в том числе не совсем созревшие апельсины, плохие персики и безвкусные груши; однако финики и виноград были отличного качества. Вечером мы покинули Мадейру; ветер по-прежнему был сильным. 25-го и 26-го

мы ненадолго останавливались, чтобы распределить провизию между кораблями, составлявшими эскадру, остальное время мы шли под парусами плавно и быстро.

Во время нашего плавания не происходило ничего такого, что могло бы скрасить однообразие окружающей картины. Каждый день тянулся очень медленно, добавляя к прошлому очередной промежуток времени, лишённый всякого интереса и не отмеченный никакими запоминающимися событиями.

К числу своих развлечений император добавил карточную игру в пикет, в которую он играл примерно в три часа дня. После этого и до обеда он играл несколько партий в шахматы с гофмаршалом, господином де Монтолоном или ещё с кем-нибудь. На борту корабля не было сильных шахматистов. Император не являлся страстным шахматным игроком; у одних своих противников за шахматной доской он выигрывал, другим — проигрывал. Однажды вечером, раздумывая над этим фактом, он высказался следующим образом: «Как это получается, что я часто проигрываю тем, кто не в состоянии ни разу обыграть того, кого я почти всегда обыгрываю? Не кажется ли это противоречащим здравому смыслу? Каким образом можно решить эту проблему?» Сказав это, он подмигнул, давая понять, что хотя он и ведёт себя скромно и вежливо, но на самом деле является лучшим игроком в шахматы.

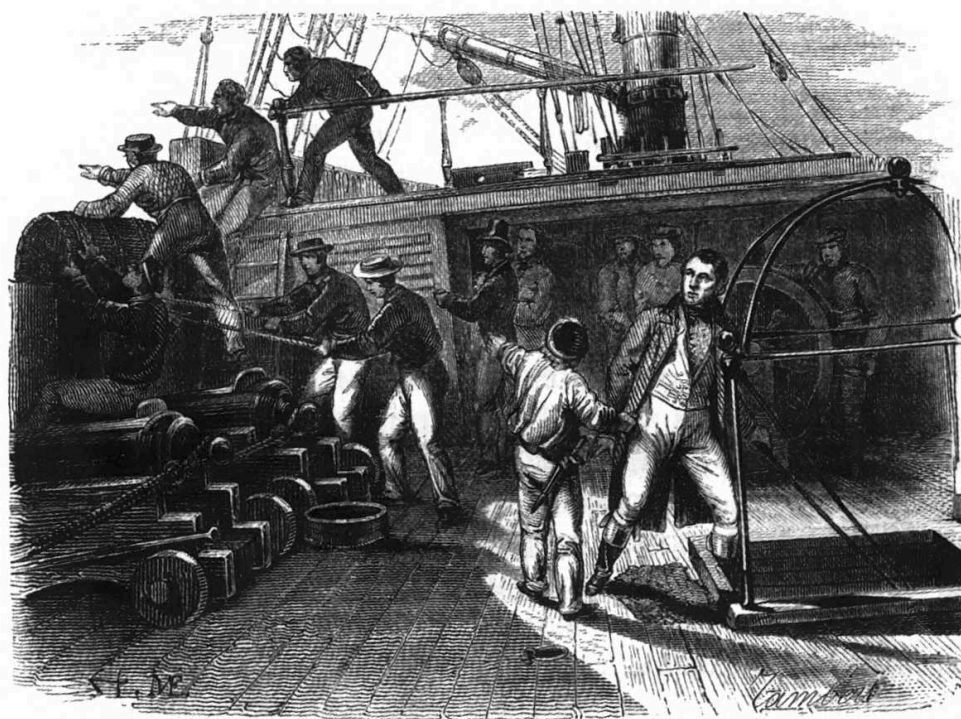
Мы более не играли в «двадцать одно» вечерами: мы отказались от этой игры, поскольку стали делаться слишком высокие ставки, чем император был явно недоволен: он был ярым противником азартных игр. Возвращаясь со своих дневных прогулок по палубе, Наполеон обычно играл две или три партии в шахматы, а затем удалялся в каюту, где рано ложился спать.

**Канарские острова — Прохождение через тропики —
Подробности детства императора — Наполеон
в Бриенне — Пишегрю — Наполеон в Парижской военной
школе — В артиллерии — Его товарищи —
Наполеон в начале революции**

27 — 31 августа 1815 года

На рассвете 27 августа, в воскресенье, мы оказались вблизи Канарских островов, которые прошли в течение одного дня, продвигаясь со скоростью десять-двенадцать узлов в час и даже не заметив знаменитый пик Тенерифе, — обстоятельство тем более странное, что в ясную погоду пик виден на расстоянии шестидесяти лье.

29 августа мы пересекли тропики и наблюдали за множеством летающих рыб. 31 августа в одиннадцать часов вечера один из матросов выбросился за борт; это был негр, который, напившись в очередной раз, боялся порки плетью, ожидавшей его за пристрастие к выпивке. Он несколько раз в течение вечера пытался прыгнуть за борт, и наконец это ему удалось. Однако он, видимо, вскоре в этом раскаялся, так как в отчаянии начал истошно кричать. Матрос был хорошим пловцом, но, хотя за ним немедленно направили лодку и были приняты все меры, чтобы спасти его, найден он не был. Ночное происшествие в море и крики этого человека взбудоражили всех на борту корабля. Моряки принялись метаться во всех направлениях; шум был страшный, волнение охватило буквально всех.

Когда я спускался с палубы в каюту, один гардемарин, подросток с симпатичным лицом, думая, что я собираюсь сообщить императору о том, что случилось, схватил меня за плащ и голосом, выражавшим нежную озабоченность, воскликнул: «Ах, сэр, не беспокойте его! Скажите ему, что в этом шуме ничего страшного нет; это всего лишь один человек упал за борт». Очаровательная и простодушная юность! Он скорее выразил свои чувства, но не мысли!

Гардемарины, которых на борту корабля было несколько человек, относились к императору с подчёркнутым уважением и вниманием. Каждый вечер повторялась одна и та же сцена, которая вызывала у нас самые доброжелательные чувства к ним. Рано утром матросы

вытаскивали гамаки и складывали их в большие сетки у бортов корабля, и в шесть часов вечера по сигналу свистка они забирали свои гамаки обратно. Тех, кто медлил с выполнением этой обязанности, наказывали. В результате поданного сигнала начиналась невероятная суматоха; и было приятно видеть, как в этот момент всеобщей суеты гардемарины выстраивались в замкнутое кольцо вокруг императора, независимо от того, находился ли он посередине палубы или отдыхал на своей любимой пушке. Гардемарины внимательно следили за движениями императора и знаками или голосом давали знать матросам, чтобы они беготнёй со своими гамаками не беспокоили его. Наполеон часто наблюдал за этими действиями гардемарин, отмечая, что юные сердца всегда склонны к порывам энтузиазма.

Теперь я приступаю к описанию некоторых подробностей ранних лет жизни императора, которые я собирал в различное время.

Император родился примерно в полдень 15 августа (день Успения) в 1769 году. Его мать, обладавшая большой физической силой и незаурядными умственными способностями, храбро переносившая тяготы и опасности войны, будучи беременной, захотела присутствовать на мессе по случаю религиозного праздника; однако ей стало плохо в церкви, и, вернувшись домой, она родила ребёнка, не успев добраться до постели. Только что родившийся ребёнок оказался на полу, покрытом старомодным ковром, по всей длине которого были изображены герои какой-то старинной легенды или, возможно, герои «Илиады». Этим ребёнком был Наполеон.

В годы отрочества Наполеон отличался беспокойным характером, находчивостью, живостью и крайней подвижностью. Он говорил, что сумел добиться первенства над своим старшим братом Жозефом. Наполеон часто поколачивал старшего брата и был рад любой возможности поиздеваться над ним; Жозеф мчался к матери, чтобы пожаловаться, и она принималась бранить Наполеона, ещё когда Жозеф только собирался раскрыть рот.

В возрасте десяти лет Наполеона послали в военное училище в Бриенне на востоке Франции. Его имя, которое на корсиканский манер он произносил *Напойльоне*, стало причиной того, что из-за сходства звуков его юные товарищи прозвали его *la paille au nez* (с соломинкой в носу). В этот период в характере Наполеона произошло большое изменение. Вопреки всем сомнительным историям, содержащим анекдотические случаи из его жизни, он, когда находился в Бриенне, был мягким по характеру юношей, сдержанным, но впечатлительным. Однажды интендант училища, человек грубого нрава, который никогда не обременял себя мыслями о тонкостях физического и нравственного состояния каждого отдельного

воспитанника, заставил Наполеона, в порядке наказания, есть обед, стоя на коленях перед дверью в столовую, — за то, что тот надел китель из саржи. Наполеон, которому были свойственны гордость и самомнение, был настолько унижен этим бесчестьем, что у него началась рвота и затем последовал сильнейший нервный приступ. Директор училища, случайно проходивший мимо, освободил Наполеона от наказания и сделал выговор интенданту за то, что тот не умеет разбираться в людях, а священник Патро, учитель математики, был возмущён до крайности, узнав, что его лучший ученик подвергнут такому унижению*.

Достигнув возраста половой зрелости, Наполеон стал замкнутым и скрытным; его страсть к чтению превзошла все границы: он с жадностью проглатывал любую книгу, которая попадалась ему на глаза. В то время Пишегрю был его надзирателем в училище и его наставником в овладении четырьмя правилами арифметики.

Пишегрю был уроженцем Франш-Конте, где его семья занималась фермерством. Монахи ордена минимов провинции Шампань были назначены надзирать за военным училищем в городе Бриенне. Однако вследствие их бедности желающих вступить в орден было так мало, что их оказалось недостаточно для того, чтобы выполнить возложенную на них задачу; и поэтому они попросили помощи у монахов этого ордена во Франш-Конте, в числе последних был отец Патро. Тётка Пишегрю, монахиня дома призрения, последовала в Бриенн вслед за отцом Патро, чтобы надзирать за лазаретом училища. В Бриенн её сопровождал племянник, который был принят в училище, чтобы получить в нём образование бесплатно. Пишегрю, чрезвычайно умный юноша, достигнув соответствующего возраста, получил должность надзирателя и учителя, находясь в подчинении отца Патро, который обучал его математике. Пишегрю намеревался стать монахом, что было единственной его целью и пожеланием его тётки. Но отец Патро отговорил Пишегрю, убедив в том, что подобная профессия не соответствует его возрасту и ему следует надеяться на что-нибудь лучшее; он уговорил Пишегрю поступить на военную службу в артиллерию, где его застала революция (в звании младшего офицера). Его военная карьера известна: он был завоевателем Голландии. Таким образом, отец Патро имел честь обучать двух величайших генералов современной Франции.

Отец Патро впоследствии выполнял мирские поручения для господина де Бриенна, архиепископа Сена и кардинала де Ломени,

* Приводимые ниже данные (семь абзацев) продиктованы самим Наполеоном; как и когда — об этом будет сказано в дальнейшем.

который сделал его одним из своих главных викариев и поручил управление своими многочисленными приходами.

Во время революции отец Патро, хотя его убеждения были прямо противоположными убеждениям его покровителя, тем не менее приложил все усилия, чтобы спасти его, и с этой целью обратился к Дантону, который был уроженцем той же части Франции, что и кардинал и сам отец Патро. Но всё было тщетно; и, как считают, именно Патро, следуя примеру древних, оказал кардиналу услугу, достав для него яд, чтобы спасти от эшафота.

Госпожа де Ломени, племянница кардинала, — до того, как её лишили жизни по решению революционного трибунала, — поручила отцу Патро заботу о двух её дочерях, которые ещё находились в детском возрасте. Время террора прошло, и тётка этих девочек, госпожа де Бриенн, которая избежала участи стать жертвой революционной бури, обратилась к отцу Патро с просьбой вернуть ей девочек; но он отказался отдать их на том основании, что их мать поручила ему удалить их от соблазнов мира и посвятить крестьянским занятиям. Он задумал план буквального осуществления этих иносказательных поручений, собираясь соединить жизнь двух дочерей госпожи де Ломени с жизнью двух своих племянников. «Я был тогда, — рассказывал Наполеон, — генералом внутренних войск и стал посредником в переговорах о восстановлении прав детей, что оказалось довольно трудным делом. Патро принял все возможные меры, чтобы этому воспрепятствовать. Эти дочери госпожи де Ломени стали теми двумя господами, которых вы знаете под именами госпожи де Лезе-Марнезия и прекрасной госпожи де Канизи, герцогини Виченцской».

Отец Патро, возобновив знакомство со своим бывшим учеником, последовал за ним в Италию и присоединился к его армии, где проявил себя гораздо лучшим счётчиком пролетающих пуль, чем их мишенью. В сражениях при Монтенотте, Миллезимо и Дего он проявил себя как самый отъявленный трус. Во время сражения он не молился, как Моисей, а рыдал, словно дитя. Генерал, главнокомандующий армией, назначил его администратором поместий в Милане, где он сколотил значительное состояние. Когда Наполеон вернулся из Египта, Патро нанёс ему визит; он более не был жалким монахом бедного ордена минимов провинции Шампань, но предстал дородным финансистом, обладателем более чем миллионного состояния. Два года спустя он вновь просил аудиенции у Первого консула в Мальмезоне; теперь он выглядел жалким и подавленным, был в поношенной одежде. «Что случилось?» — поинтересовался Первый консул. «Вы видите перед собой разорившегося человека, — ответил Патро, — человека, оказавшегося в нищенском положении,

жертву жестокого несчастья». Первый консул решил проверить, соответствует ли истине это заявление; он выяснил, что отец Патро занялся ростовщичеством. Великий счётчик потерял своё состояние и стал банкротом, рискованно давая деньги в долг под большие проценты. «Я уже отдал свой долг, — заявил Первый консул, когда к нему вновь явился Патро. — И больше ничего не могу для вас сделать; я не могу делать человека богатым дважды». Первый консул ограничился тем, что назначил Патро пенсию, достаточную для его существования.

Наполеон плохо помнил Пишегрю. В его памяти осталось, что тот был высокого роста, с красноватым цветом лица. Пишегрю, наоборот, удивительно хорошо запомнил юного Наполеона. Когда он присоединился к роялистской партии, его спросили, нельзя ли переманить на сторону этой партии генерала, главнокомандующего армией в Италии. «Пытаться сделать это было бы только потерей времени, — ответил Пишегрю. — Исходя из того, что я знал о нём, когда он был юношей, я уверен, что он и сейчас должен обладать чрезвычайно непреклонным характером: приняв решение, он никогда не меняет его».

Императора часто забавляли анекдотические истории о его юношеских годах, которые публиковались во многих изданиях; точность этих историй он почти никогда не признавал. Однако была одна публикация, которую он считал правдивой. Она касалась истории

с его конфирмацией при поступлении в Парижскую военную школу. Дело было в следующем: архиепископ, совершавший над Наполеоном обряд конфирмации, не скрыл своего удивления, услышав его имя. Он заявил, что не знает святого с именем Наполеон и что такого имени нет в календаре; юноша тут же пояснил, что это ничего не значит, так как существует множество святых, а в году только 365 дней.

Наполеон стал отмечать свои именины только после Конкордата; имя его святого покровителя не значилось во французском календаре, и даже там, где оно упоминалось, дата празднования именин не была определена. Однако папа римский назначил день именин Наполеона на 15 августа. Эта дата была одновременно и днём рождения императора и днём подписания Конкордата*.

В 1783 году Наполеон был одним из тех учеников, которые по результатам конкурса в Бриенне были отобраны для направления в Парижскую военную школу, чтобы там завершить своё военное образование. Отбор учащихся ежегодно проводился инспектором, который с этой целью посещал двенадцать военных училищ. На эту должность был назначен шевалье де Керальо, генерал и автор работы о военной тактике. Керальо был приятным пожилым человеком, имевшим все данные для того, чтобы выполнять обязанности инспектора военных училищ. Он любил юношей, играл вместе с учениками после сдачи экзаменов и разрешал тем, чьим поведением и успеваемостью был особенно доволен, обедать вместе с ним за одним столом. Он был особенно привязан к юному Наполеону, и ему доставляло удовольствие поощрять его усердие в учёбе. Он выбрал Наполеона для направления в Парижскую военную школу, хотя было ясно, что Наполеон в то время ещё не достиг требуемого возраста для поступления в эту школу. Юноша ещё не был достаточно силён во всех предметах учебного курса училища, кроме математики, и монахи предложили, что было бы лучше подождать до следующего года, чтобы иметь время углубить его знания. Но с этим предложением шевалье де Керальо ни в коем случае не согласился. «Я знаю, что делаю, — заявил он, — и если я нарушаю правила, то не потому, что в этом вопросе подвергаюсь давлению со стороны знакомых его семьи; я никого не знаю из числа друзей этого юноши. Я руководствуюсь только своим мнением о его достоинствах. Я ощущаю в нём искру гения, о которой нельзя говорить, что её не следует поощрять слишком рано».

Неожиданно достойный шевалье скончался, не успев реализовать своё решение; но его преемник, господин де Реньо, не имевший,

* Следующий абзац продиктован императором.

возможно, и половины проницательности уважаемого шевалье, тем не менее претворил в жизнь намерение своего предшественника, в результате чего юный Наполеон был послан в Париж.

В этот период у Наполеона стали проявляться качества высшего порядка: решительность характера, глубина мысли и ясное понимание происходящих событий. А ведь ещё с его ранних лет родители все свои надежды связывали именно с ним. Его отец на смертном одре в Монпелье говорил только о Наполеоне, который тогда был в военном училище, хотя рядом с ним находился Жозеф. В бредовом состоянии, в которое Карло Буонапарте впал в последние минуты жизни, он беспрерывно звал Наполеона к себе на помощь. А его дядя Люсьен, находившийся на смертном одре в окружении всех своих родственников, сказал, обращаясь к Жозефу: «Ты — самый старший в семье, но глава семьи — он (указывая на Наполеона). Никогда не теряй его из виду». Вспоминая это указание дяди, император обычно смеялся и говорил: «То было настоящим лишением Жозефа наследства, точное повторение сцены Иакова и Исава».

Поскольку я сам учился в Парижской военной школе, то имел возможность, вернувшись из эмиграции, поговорить об императоре с преподавателями, которые обучали и Наполеона, и меня, но в разное время.

Господин де Легюиль, наш преподаватель истории, хвалился тем, что архивы военной школы содержат доказательства того, что именно

он предсказывал великую карьеру, предназначенную судьбой его ученику, и что он часто в своих учебных заметках превозносил глубину его размышлений и проницательность его суждений. Он рассказал мне, что Первый консул довольно часто приглашал его на завтрак в Мальмезон, с удовольствием беседуя с ним о его прошлых уроках. «На меня произвели большое впечатление, — заявил однажды Первый консул господину де Легюилю, — обстоятельства мятежа коннетабля де Бурбона, хотя вы не представили его нам в истинном свете. Вы объясняли нам этот мятеж таким образом, словно главным преступлением коннетабля было то, что он восстал против своего короля. Он действительно восстал против своего короля, но это, конечно, была не главная его вина в те дни, когда знать и верховная власть не были единым целым, и особенно принимая во внимание ту скандальную несправедливость, жертвой которой он стал. Его главное и его единственное преступление — и на этом вы не останавливали своё внимание в достаточной мере, — заключалось в том, что он объединился с иностранцами, чтобы напасть на собственную страну».

Господин Домерон, наш преподаватель литературы, сообщил мне, что его всегда поражали своеобразие мыслей и широта кругозора Наполеона при обсуждении той или иной темы. Эти мысли, как он сказал, были подобны кускам гранита, вылетающим из действующего вулкана.

Только один преподаватель составил о Наполеоне плохое мнение, — это был господин Бауэр, скучный преподаватель немецкого языка. Юный Наполеон никогда не преуспевал в изучении немецкого языка, что очень раздражало Бауэра, который ставил немецкий язык превыше всех остальных предметов и, соответственно, имел весьма низкое мнение о способностях своего ученика. Однажды, когда Наполеон отсутствовал на его уроке, господин Бауэр поинтересовался, где он находится. Ему сказали, что Наполеон сдаёт экзамен в классе артиллерии. «Что? Разве он что-нибудь в этом понимает?» — презрительно спросил господин Бауэр. «Видите ли, господин Бауэр, он является лучшим математиком в школе», — ответили ему. «А! Я часто слышал об этом и всегда считал, что только дурак будет изучать математику».

«Было бы любопытно узнать, — заявил император, — дожил ли господин Бауэр до того времени, когда я достиг вершины мировой власти, и получил ли он полное удовлетворение от того, что его суждение обо мне подтвердилось».

Наполеону едва исполнилось восемнадцать лет, когда аббат Рейналь, поражённый широтой его знаний, настолько высоко оценил его достоинства, что сделал его одним из украшений своих официальных завтраков, которые он устраивал для представителей научных

кругов. Наконец, знаменитый Паоли, чья личность долгое время вызывала у Наполеона чувство, близкое к благоговению, узнав, что последний возглавляет партию, настроенную против него, тем не менее сказал: «Этот молодой человек воспитан по античному образцу. Он — один из героев Плутарха».

В 1787 году Наполеон, одновременно получивший звание кадета и офицера артиллерии, покинул Парижскую военную школу и получил назначение проходить военную службу в полку Ла Фер в звании подпоручика; затем он был повышен в звании до поручика и направлен в полк, который дислоцировался в Гренобле.

Наполеон, покинув военную школу, отправился в свой полк Ла Фер в город Валанс. Первую зиму он провёл в этом городе. Его товарищами по столу в офицерской столовой были: Ларибуазьер, которого Наполеон во времена Империи назначил генерал-инспектором артиллерии; Сорбье, который сменил Ларибуазьера на этом посту; д'Эдувиль-младший — впоследствии ставший чрезвычайным посланником и полномочным министром во Франкфурте; Малле, чей брат возглавлял мятеж в Париже в 1812 году; Мабийе, которого, после его возвращения из эмиграции, император назначил на одну из должностей в почтовом ведомстве; Ролан де Вилларсо, впоследствии префект Нима; Демаззи-младший, товарищ Наполеона по военной школе и его друг в юношеские годы, который, после отречения Наполеона от престола, стал хранителем императорского гардероба.

В полку служили офицеры, более или менее обеспеченные; Наполеон относился к числу первых. От своей семьи он получал ежегодно 1200 франков, что в те времена было равнозначно сумме полного денежного содержания офицера.

В полку служили два офицера, которые могли позволить себе содержать кабриолет, разновидность кареты, и на них смотрели как на людей самого высшего сорта. Сорбье, сын врача в Мулене, был одним из этих двух офицеров; его товарищи пользовались его кабриолетом, чтобы вместе с ним кататься по городу, расплачиваясь с хозяином экипажа шутками и каламбурами.

Вскоре после прибытия в Валанс Наполеон был представлен госпоже де Коломбье, даме примерно пятидесяти лет, наделённой многими редкими и достойными качествами. Будучи наиболее известной личностью в городе, она прониклась большим уважением к молодому артиллерийскому офицеру, и благодаря знакомству с ней он стал бывать в светских кругах Валанса и его окрестностей. Госпожа де Коломбье представила Наполеона аббату де Сен-Рюф, состоятельному пожилому человеку, которого часто посещали самые известные люди в стране. Наполеон считал себя в неоплатном

долгу перед ним за ту доброжелательность, с которой аббат делился с ним обширной информацией. Госпожа де Коломбье часто предсказывала, что Наполеон станет выдающейся личностью. Кончина этой дамы совпала с началом революции; она проявляла большой интерес к этому событию и незадолго до своей смерти заявила, что если какая-нибудь беда не случится с молодым Наполеоном, то он, безусловно, сыграет выдающуюся роль в истории. Император всегда говорил о госпоже де Коломбье с чувством нежной благодарности и не стеснялся признать, что ценные знакомства и общение с людьми высшего общества, которые он приобрёл благодаря ей, оказали большое влияние на его дальнейшую судьбу.

Развлечения, которым Наполеон предавался в этот период жизни, вызывали сильную зависть со стороны его товарищей, офицеров полка. Им не нравилось, что они нечасто видят его в своём обществе, хотя ничего оскорбительного для них в его поведении не было. К счастью, его начальник, господин д'Уртуби, справедливо оценивал его характер: он относился к Наполеону с большой добротой, давая ему служебные поручения, которые не мешали молодому офицеру получать удовольствие от общения в светских кругах.

Наполеон почувствовал привязанность к мадемуазель де Коломбье, которая, в свою очередь, не осталась равнодушной к его достоинствам. И для него, и для неё это была первая любовь, — и она была такой, какую и следовало ожидать, принимая во внимание их

возраст и их воспитание. «Мы были самыми невинными созданиями, которые только можно вообразить, — бывало, рассказывал император. — Мы вместе придумывали предлоги для наших скоротечных свиданий. Я хорошо помню одно такое свидание в середине лета, утром, когда только начинался рассвет. В это трудно поверить, но всё наше счастье состояло в том, что мы вместе ели вишни».

Утверждалось, что мать мадемуазель де Коломбье хотела довести эту юношескую привязанность до супружеского союза, но её отец воспротивился, считая такой брак губительным для обоих. Впрочем, эта история не соответствует действительности, как и другая история, связанная с супружеством Наполеона и мадемуазель Клари, впоследствии госпожи Бернадотт, ставшей теперь королевой Швеции.

В 1805 году император, направляясь в Италию, где ему предстояло стать королём, проезжал через Лион и вновь встретился там с мадемуазель де Коломбье, носившей теперь имя госпожи де Брессё. Она с большим трудом добилась доступа к нему, поскольку подобные визиты были ограничены придворным императорским этикетом. Наполеон был рад её видеть, но нашёл, что она сильно подурнела. Он сделал для её мужа то, о чём она просила, а её назначил фрейлиной одной из своих сестёр.

Мадемуазель де Лоренсен и мадемуазель Сен-Жермен в то время были признаны первыми красавицами Валанса и в равной степени вызывали всеобщее восхищение. Последняя вышла замуж за господина де Монталиве, которого император знал в то время и впоследствии назначил министром внутренних дел. «Он был честным человеком, — так отзывался о нём Наполеон, — и, я думаю, оставался искренне преданным мне».

В свои восемнадцать — двадцать лет император выделялся обширными знаниями, быстрым умом и огромной силой убеждения. Он без усталости читал, глубоко размышляя над полученным таким образом огромным запасом знаний, немалую часть которого, по его собственному признанию, он с тех пор, вероятно, утратил. Блестящий, острый ум и энергичная речь Наполеона всегда выделяли его, где бы он ни появлялся, и он становился всеобщим любимцем, особенно среди представительниц прекрасного пола, которым импонировали элегантность и новизна его идей, а также смелость его аргументации в спорах. Что же касается мужчин, то они опасались вступать с ним в дискуссии, которые он вёл, опираясь на свою природную уверенность в собственных силах.

Многие люди, которые знали Наполеона в ранний период жизни, предсказывали ему необычайную карьеру, и они наблюдали за последующими событиями без удивления, естественного для других.

В юном возрасте Наполеон получил приз от академии Лиона за трактат без подписи, в котором приводился ответ на следующий вопрос, предложенный Рейналем: *Какие принципы и институты следует рекомендовать, чтобы сделать человечество наиболее счастливым?* Трактат этот привлёк всеобщее внимание в академии; его содержание вполне отвечало идеям времени, и на вопрос: «В чём истинное счастье?» — был ответ: «Оно заключается в абсолютном наслаждении жизнью, при соблюдении того образа действий, который более всего соответствует нашей нравственной и физической организации». После того как Наполеон стал императором, он однажды рассказал об истории с трактатом Талейрану; последний, будучи искусным льстецом, вскоре после этого разговора вручил императору знаменитый трактат, который ему нашли в архивах академии Лиона. Император взял трактат и, прочитав несколько страниц, бросил в огонь камина первое произведение своей юности, заявив при этом: «Нельзя же думать буквально обо всём», — а Талейран не принял мер, чтобы сделать копию трактата.

Однажды принц де Конде посетил артиллерийскую школу в городе Оксон. Кадеты посчитали за честь быть проэкзаменованными этим принцем-воином. Начальник школы, презрев иерархию, распорядился поставить юного Наполеона во главе полигона, отдав предпочтение ему, а не другим офицерам — более высокого звания. Накануне этих экзаменов все пушки полигона были забиты клиньями, но Наполеон был слишком бдителен, чтобы угодить в ловушку, подстроенную его товарищами, и подвести прославленного посетителя.

Обычно считается, что Наполеон в юности был неразговорчивым, угрюмым, замкнутым и мрачным, — совсем наоборот, он был очень жизнерадостным и оживлённым. Казалось, что он никогда не был более счастливым, чем тогда, когда рассказывал нам о различных проделках, которые совершал во время учёбы в артиллерийской школе. Описывая радостные моменты своей ранней юности, он словно забывал обо всех тех горестях, которые ему теперь приходилось терпеть, находясь в неволе.

Школой командовал старик, которому перевалило за восемьдесят лет. Хотя он и пользовался большим уважением у кадетов школы, тем не менее был объектом многочисленных шуток с их стороны. Однажды, когда старый генерал проводил с ними тренировочную стрельбу из пушек и оценивал результаты, то он стал утверждать, что ни одно из ядер не поражает мишень. Он спросил стоявших рядом с ним офицеров, видели ли они, что пушки действительно стреляли ядрами. Никто из офицеров не заметил, что кадеты, заряжая пушки, ядра отбрасывали в сторону. Старому генералу нельзя

было отказать в сообразительности: он догадался сосчитать количество выстрелов и количество ядер у пушек после пяти или шести выстрелов. Трюк кадетов был раскрыт. Генерал счёл эту проделку юношей хитроумной, но, тем не менее, всех её участников отправил под арест на гауптвахту.

Кадеты иногда обижались на своих командиров или принимали решение отомстить другим кадетам, которыми они были по какой-либо причине недовольны. В таких случаях кадеты подвергали последних обструкции, не допуская в своё общество и вынуждая чувствовать себя в некотором роде изгоями. Для осуществления плана мести назначались пять или шесть кадетов. Они начинали методически травить свою жертву и следовали за ней, когда объект их мести подходил к той или иной группе слушателей школы. Стоило их жертве заговорить, как ей тут же начинали возражать, причём самым вежливым тоном.

«В другой раз, — продолжал рассказывать Наполеон, — один из моих товарищей, живший, к несчастью, в комнате, расположенной как раз над моей комнатой, увлёкся идеей научиться играть на трубе и поднял такой страшный шум, что полностью лишил своих товарищей, живших в ближайших комнатах, возможности заниматься чем-либо. Однажды я встретил его на лестнице. “Ты не устал упражняться?” — спросил я его. “Нисколько”, — ответил он. “Но своим шумом ты утомляешь других людей”. — “Могу лишь сожалеть об этом”. — “Лучше бы ты отправился упражняться в другое место”. — “Я — хозяин в своей комнате”. — “Вероятно, тебя следует научить

сомневаться в этом вопросе”. — “Я думаю, что вряд ли найдётся такой смельчак, который попытается научить меня этому”. Вызов был брошен». Но, прежде чем противники встретились, спорный вопрос был представлен на обсуждение совета кадетов, который принял решение, что один будет упражняться в месте, отдалённом от комнат других кадетов, а другой — станет более уживчивым.

Во время кампании 1814 года император вновь встретил игрока на трубе в окрестностях Суассона или Лана: он жил в своём поместье и сообщил важную информацию о позиции врага. Император назначил его своим адъютантом; этим офицером был полковник Бюсси.

Когда Наполеон присоединился к своему артиллерийскому полку, то использовал каждую возможность, чтобы вращаться в обществе, где неизменно производил приятное впечатление. Женщины в то время высоко ценили ум у представителей противоположного пола; это было качество, с помощью которого всегда можно было добиться благосклонности у дамы. В этот период Наполеон совершил, как он выразился, *сентиментальное путешествие* из Валанса в Мон-Сени в Бургундии и был намерен написать отчёт об этом путешествии в стиле одноимённой книги Стерна. Верный Демаззи составлял ему компанию; он постоянно находился рядом, и если его рассказы о личной жизни Наполеона соединить с подробностями его общественной карьеры, то получилась бы идеальная история жизни императора. Тогда можно было бы видеть, что, какой бы необычной ни была его жизнь, учитывая все события, связанные с его личностью, не было ничего проще и естественнее, чем повседневное течение его жизни.

Обстоятельства и размышления, вызванные ими, в значительной степени изменили характер императора. Даже его стиль выражения своих мыслей, ставший теперь таким чётким и лаконичным, в юные годы был излишне многословным и категоричным. Уже ко времени Законодательного собрания Наполеона отличало серьёзное и строгое поведение, он стал менее общительным, чем раньше. Командование Итальянской армией стало новой вехой в развитии его характера. Его бросающаяся в глаза молодость в то время, когда он отправился командовать армией, вызвала необходимость проявления сдержанности и предельной строгости нравственного поведения с его стороны. «Это было совершенно необходимо, — объяснял он, — для того чтобы я имел возможность командовать людьми, бывшими намного старше меня по возрасту. Моё поведение должно было быть безупречным и примерным, — такой линии я придерживался. Я оказался кем-то вроде Катона Старшего. В глазах всех я должен был

производить впечатление именно такого человека. Я был философом и мудрецом». Именно таким он должен был предстать перед всем миром.

Когда вспыхнула революция, Наполеон находился в гарнизоне Валанса. В это время предпринимались целенаправленные попытки склонить артиллерийских офицеров к эмиграции, и мнения самих офицеров по этому вопросу резко разделились. Сознание Наполеона было насыщено идеями, созвучными его времени. Он обладал природным инстинктом к свершению великих деяний и страстно желал приумножения национальной славы. Поэтому было естественным, что он стал сторонником дела революции; и его пример оказался заразительным для большинства однополчан. В то время он был горячим патриотом, и деятельность Законодательного собрания означала для него новый период в становлении его идей и мнений.

21 июня 1792 года Наполеон находился в Париже, где был свидетелем бунта жителей предместий столицы Франции, которые через парк Тюильри силой ворвались во дворец. Их было 6000 человек, их язык и одежда были признаками того, что они — представители самого низшего слоя общества.

Наполеон также был свидетелем событий 10 августа, когда видел примерно такое же количество бунтовщиков, и тоже из числа черни.

В 1793 году Наполеон находился на Корсике, где командовал национальной гвардией. Он стал противником Паоли, когда у него возникли подозрения, что старый поборник независимости, которого он прежде боготворил и был ему предан, вынашивает замысел

отдать Корсику англичанам. Поэтому совершенно не соответствует действительности распространённая версия о том, что Наполеон или кто-то из его семьи одно время специально ездил в Англию с предложением создать корсиканский полк для службы в английской армии.

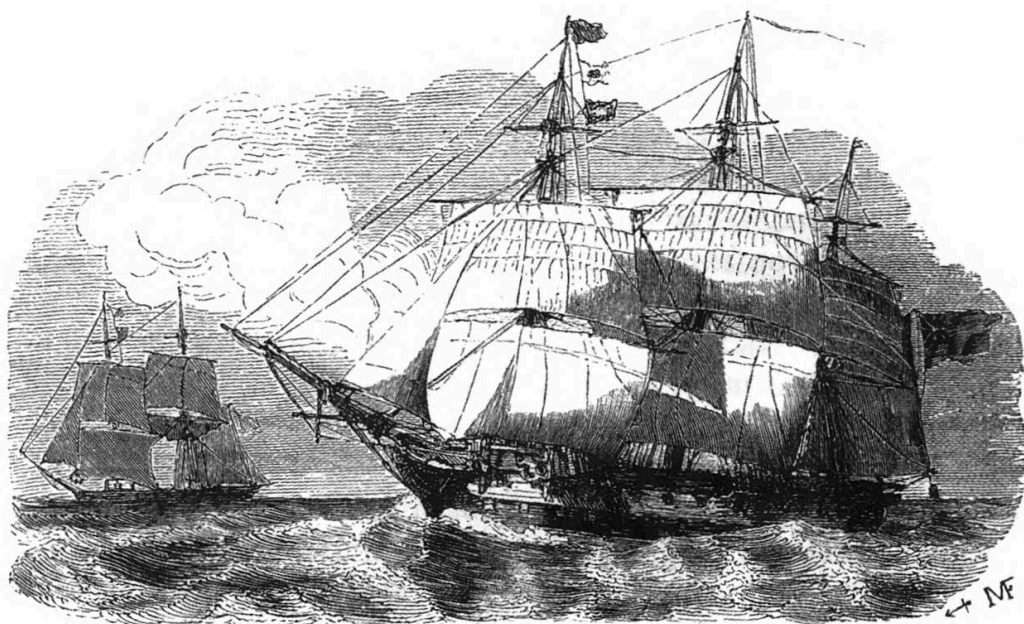
Англичане и Паоли преследовали корсиканских патриотов и предали огню Аяччо. Дом Буонапарте был разрушен во время пожара в Аяччо, и вся семья была вынуждена перебраться на континент. Для своего пристанища семья выбрала Марсель, откуда Наполеон проследовал в Париж. Он приехал в столицу Франции как раз в тот момент, когда федералисты Марселя сдали Тулон англичанам.

**Наполеон во время осады Тулона — Развитие
карьеры Дюрока и Жюно — Наполеон ссорится
с представителями Законодательного собрания —
Ссоры с Обри — Истории, связанные с вандемьером —
Наполеон становится генералом Итальянской армии**

1 — 6 сентября 1815 года

Первого сентября мы, полагаясь на наши данные о широте, на которой находились, решили, что в течение дня увидим острова Зелёного Мыса. Однако всё небо было обложено облаками, и вечером мы ничего не смогли увидеть. Адмирал, уверенный в том, что была совершена ошибка при вычислении широты, готовился дать указание, чтобы корабль взял курс несколько правее, к западу, когда бриг, плывший впереди нас, дал сигнал, что он обнаружил острова слева. Ночью с юго-востока подул сильный ветер, и если

бы ошибочные результаты вычисления широты были приняты за чистую монету и адмирал в самом деле дал бы указание взять курс правее, то вполне вероятно, что мы сбились бы с правильного пути; это было бы доказательством того, что, несмотря на достижения науки, нам свойственно совершать ошибки и шансы сделать их при вождении кораблей очень велики.

Так как по-прежнему дул сильный ветер и море было бурным, то адмирал предпочёл продолжать двигаться по курсу и не делать остановки для пополнения запасов воды, которой, как он считал, у нас достаточно.

Всё обещало нам удачное плавание; мы уже значительно опережали график нашего следования. Все обстоятельства плавания складывались благоприятно, погода была мягкая, и мы могли бы даже считать путешествие приятным, если бы оно было предпринято с целью выполнения наших собственных планов и в соответствии с нашими собственными желаниями; но как мы могли забыть перенесённые невзгоды и закрывать глаза на наше будущее?

Только занятие каким-нибудь делом могло заставить нас стряхнуть с себя апатию и утомительность вялотекущих дней. Я принялся обучать сына английскому языку, и император, которому я сказал о достигнутом нами прогрессе, также выразил желание учить английский язык. Я составил очень простой план его обучения, чтобы не создавать ему лишних хлопот. В течение двух или трёх дней этот план хорошо оправдывал себя, но скука, навеянная занятиями, оказалась сильнее стремления овладеть английским языком, и обучение отложили в сторону. Император иногда укорял меня за то, что

я прекратил давать ему уроки, — я отвечал, что у меня готово лекарство, если у него есть мужество принимать его. Что же касается всего остального, особенно до начала изучения английского языка, то его поведение и привычки оставались неизменными; он никогда не выражал недовольства и никогда ни на что не жаловался, всегда казался всем довольным, спокойным и добродушным.

Адмирал, который довольно жёстко относился к нам в первые дни после того, как мы покинули Англию, постепенно стал всё чаще с нами общаться, и с каждым днём выражал всё больший интерес к своему пленнику. Когда заканчивался обед, он не советовал выходить на палубу для прогулок из-за вечерней сырости; в этом случае император обычно брал его под руку и выводил на палубу для продолжения беседы, которая доставляла адмиралу чрезвычайное удовольствие. Я уверен, что адмирал тщательно брал на заметку каждую подробность, связанную с морским делом, которую он мог услышать из уст императора. Насколько мне помнится, император во время обеда стал высказывать свои замечания, касавшиеся морских дел, — о возможностях морского флота Франции, имевшихся у него на юге страны, о тех, которые он уже создал для французского флота, и о тех, которые предполагал создать, о портах и гаванях Средиземного моря; всё это адмирал слушал с глубоким вниманием, словно боясь прервать речь императора, поскольку всё, о чём говорил Наполеон, могло бы составить целую главу в книге, действительно ценной для моряка.

А сейчас я возвращаюсь к фактам жизни Наполеона, которые я собрал во время наших обычных с ним бесед. Следующие сведения касаются осады Тулона.

В сентябре 1793 года Наполеон Буонапарте, двадцати четырёх лет от роду, был ещё не известен миру, — судьбе было угодно, чтобы его имя прогремело позднее. Он был подполковником, командиром артиллерийского батальона, всего лишь несколько недель находившимся в Париже, поскольку был вынужден покинуть Корсику, где политические события заставили его уступить фракции Паоли. Англичане овладели Тулоном; для руководства операцией по осаде Тулона требовался опытный артиллерийский офицер, и выбор пал на Наполеона. Именно там он оставил первый след в истории и был вознесён для того, чтобы остаться в ней навсегда; именно там началось его бессмертие.

Несомненно, это был грандиозный успех, но чтобы оценить его по достоинству, необходимо сравнить план штурма крепости с отчётом о её сдаче англичанами; первый представляет собой точный прогноз штурма, второй свидетельствует о дословном подтверждении

прогноза. С этого момента молодой артиллерийский офицер приобрёл высочайшую репутацию. Император всегда вспоминал этот период своей жизни с удовольствием и считал его самым счастливым. Взятие Тулона было его первым удачным делом, и оно, естественно, вызывает у Наполеона самые приятные воспоминания.

С самого начала революции во французской армии не было ничего, кроме полнейшего беспорядка в её имуществе и невежества тех, кто в ней служил. И то и другое было следствием спешки и неразберихи, свойственных тому времени, а также сумбура в вопросах назначения на должности и повышения в звании военнослужащих. Следующая история даст представление о состоянии дел в армии и о нравах того времени.

Прибыв в штаб, руководивший осадой Тулона, Наполеон представился генералу Карто, человеку с прекрасной фигурой, с головы до ног обвешанному золотыми галунами. Тот спросил Наполеона с каким заданием он прислан сюда. Молодой офицер скромно вручил генералу письмо, в котором он был рекомендован заместителю генерала, ведавшему артиллерией. «В этом нет никакой необходимости, — заявил блестящий генерал, покручивая усы. — Мы не нуждаемся в помощи, чтобы вновь овладеть Тулоном, тем не менее,

добро пожаловать, вы сможете разделить славу сожжения города завтра, даже не успев испытать усталости». И генерал пригласил Наполеона задержаться, чтобы поужинать вместе с ним.

За столом во время ужина сидело человек тридцать; генерала обслуживали словно принца, в то время как остальные буквально умирали с голоду; это обстоятельство, во времена действовавшего в стране принципа равенства, неприятно шокировало гостя.

На следующее утро, с рассветом, генерал взял Наполеона в кабриолет, чтобы, как он выразился, полюбоваться подготовкой к штурму Тулона. Как только они проехали через вершину горы и перед ними предстал вид местности с дорогами, генерал приказал покинуть кабриолет и войти в виноградники, посаженные вдоль дороги. Затем начальник артиллерии различил вдали несколько орудий и следы каких-то земляных работ, определить цель проведения которых для него оказалось совершенно невозможным. «Дюпа, — спросил с надменным видом генерал, повернувшись к адъютанту, — это наши батареи?» — «Да, генерал». — «И наш артиллерийский парк?» — «Там же, рукой подать». — «А где наши раскалённые ядра?» — «Там, в других домах, всё утро две роты раскаливали их». — «Но каким образом мы сможем перетащить эти раскалённые ядра?» Это соображение, судя по всему, поставило в тупик и генерала, и его адъютанта. И, повернувшись к артиллерийскому офицеру, они обратились к нему с просьбой: не мог бы он им объяснить, опираясь на свои научные познания, как можно решить эту проблему?

Наполеон, которому показалось, что вся эта сцена была попыткой его разыграть, предложил своим собеседникам сначала решить более лёгкую задачу. Поскольку они находились от объекта штурма на расстоянии большем, чем полтора лье, то Наполеон, призвав на помощь свои знания в области законов тяготения, знатоком которых он был, постарался убедить генерала и его адъютанта, что, прежде чем затруднять себя проблемой раскалённых ядер, необходимо попытаться определить радиус действия пушек, стреляющих холодными ядрами. После длительных дебатов по этому вопросу Наполеон наконец убедил их последовать его совету. Но это удалось сделать лишь после того, как он очень удачно использовал в ходе спора технический термин «пробный выстрел», который поразил воображение его собеседников и склонил их к тому, чтобы согласиться с его мнением. После этого они провели предложенный эксперимент, в результате которого выяснилось, что дальность стрельбы пушки не составляет и трети расстояния, на которое необходимо было стрелять. Тогда генерал и Дюпа принялись поносить марсельцев и аристократов, которые, как они заявили, умышленно портили порох.

Тем временем к ним на лошади подъехал депутат Конвента. Это был Гаспарен, здравомыслящий человек, служивший в армии. Наполеон, увидев, как ведётся осада Тулона, разработал смелый план осады крепости и убедил Гаспарена в том, что именно ему, Наполеону, следует поручить руководство осадой. Без колебаний он выставил напоказ беспримерное невежество тех, кто окружал его, и с этого момента взял на себя всё руководство осадой Тулона.

Карто обладал столь ограниченным интеллектом, что никак не мог понять: для взятия Тулона необходимо начать штурм у съезда с дороги. Когда начальник осадной артиллерии показал на карте это место и сказал ему, что здесь-то и находится Тулон, Карто предположил, что тот плохо разбирается в географии, и когда, несмотря на возражения Карто, депутат Конвента всё же решил начать штурм крепости именно с этого отдалённого места, генерал постоянно заявлял, проявляя при этом немалое беспокойство, что Тулон находится совсем в другом месте.

Однажды Карто хотел заставить начальника осадной артиллерии установить батарею непосредственно перед одним домом. Но в этом случае тыльная часть пушек почти упиралась бы в стену дома, и при выстреле не было бы пространства для отката пушки. В другой раз, возвратившись с утреннего парада, Карто вызвал к себе начальника осадной артиллерии, чтобы сообщить ему, что он только что обнаружил позицию, с которой батарея от шести до двенадцати пушек безусловно вынудит Тулон капитулировать через несколько дней: это был небольшой холмик, с которого можно было бы угрожать трём или четырём фортам крепости и нескольким точкам в городе.

Генерал был в ярости, когда начальник осадной артиллерии забраковал его предложение, объяснив, что хотя батарея могла бы угрожать нескольким точкам в городе, но и её можно уничтожить с любой точки в городе, что двенадцати пушкам батареи на этом холмике противостояли бы сто пятьдесят пушек противника и что простой арифметики достаточно, чтобы доказать всю пагубность предложения генерала. Тогда Карто вызвал к себе начальника инженерно-технической службы, чтобы тот высказал свою точку зрения по этому вопросу. Последний без колебаний согласился с мнением начальника осадной артиллерии. Карто заявил, что просто невозможно работать с этими умниками из армейских технических служб, ибо они действуют рука об руку. В итоге, чтобы положить конец вновь и вновь возникающим разногласиям, Гаспарен решил, что Карто должен сообщить начальнику осадной артиллерии свой генеральный план штурма Тулона, а последний должен разработать детали этого плана. Достопамятный план Карто был следующим: «Генерал артиллерии будет громить Тулон артиллерийским

огнём в течение трёх дней, по истечении которых я приступлю к штурму Тулона тремя колоннами и возьму его».

Однако в Париже инженерно-технический комитет Конвента посчитал этот краткий план скорее юмористическим, чем мудрым, и он стал одной из причин, которые привели к отзыву Карто. Правда, в планах штурма Тулона недостатка не было, ибо возвращение Тулона Франции стало предметом борьбы партий, вследствие чего планы направлялись со всех сторон. Наполеон говорил, что во время осады Тулона он получил по меньшей мере шестьсот планов. Наполеон был в неоплатном долгу именно перед Гаспареном за то, что восторжествовал его план (который и привёл к взятию Тулона), вопреки возражениям со стороны комитетов Конвента. Наполеон сохранил самую благодарную память об этом обстоятельстве: именно Гаспарен, часто говорил император, был первым, кто способствовал его блестящей карьере*.

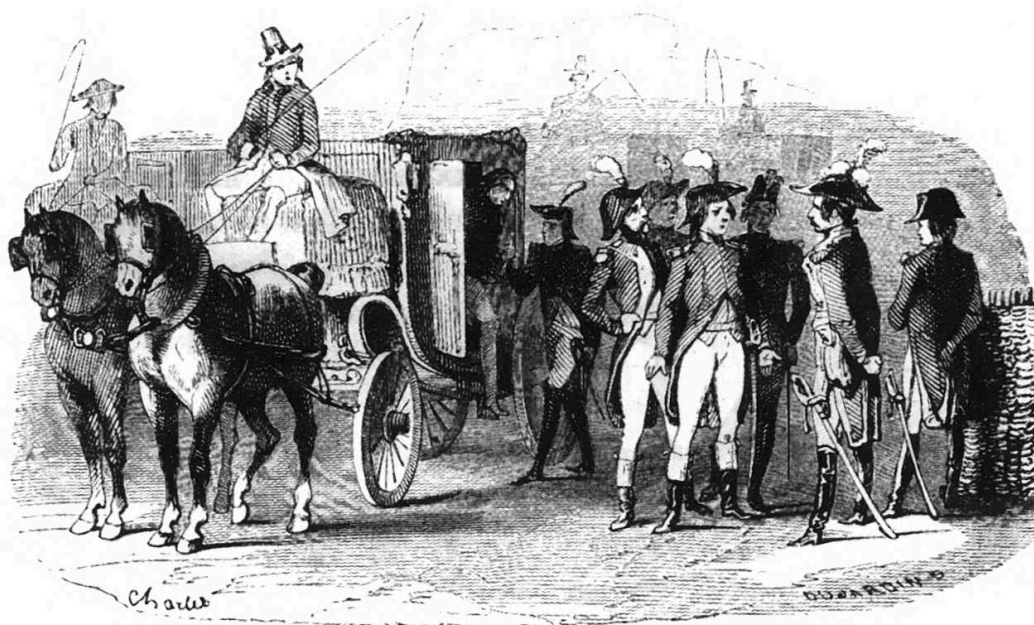
Во всех спорах между Карто и начальником осадной артиллерии, которые обычно проходили в присутствии жены генерала, последняя постоянно вставала на сторону артиллерийского офицера, заявляя с большой долей наивности своему мужу: «Оставь в покое молодого человека, он понимает в этом деле больше, чем ты, поскольку он никогда не просит у тебя совета; помимо всего прочего, именно тебе предстоит отчитываться, — все лавры достанутся тебе».

Этой женщине нельзя было отказать в определённой доле здравого смысла. Когда она возвращалась в Париж, после отзыва её супруга, якобинцы Марсея устроили прекрасное празднество в честь попавшей в немилость семьи. Вечером, во время празднества, разговор зашёл о начальнике осадной артиллерии, которого стали восторженно хвалить. «Не рассчитывайте на него, — заявила супруга Карто, — этот молодой человек слишком умён, чтобы долго оставаться санкюлотом». В ответ на это заявление генерал, её супруг, воскликнул голосом Стентора, громогласного глашатая в «Илиаде»: «Жена Карто, ты что, в таком случае считаешь всех нас дураками?» — «Нет, я не говорю этого, мой дорогой, но... я должна сказать тебе, что он явно не принадлежит к вашему числу».

Однажды по Парижской дороге к зданию штаба подкатила роскошная карета, за ней следом прибыла вторая и затем третья, и, в конце концов, у штаба появилось не менее пятнадцати карет. Можно себе представить, какое изумление и любопытство вызвало

* В своём завещании император отдал дань благодарности Гаспарену за особое покровительство, которое тот ему оказал.

Подобным же образом император почтил генерала Дютейля, начальника Оксонской артиллерийской школы, и генерала Дюгомье за их внимание и доброту.

это обстоятельство в те времена республиканской простоты. Сам великий монарх не мог бы путешествовать с большей помпезностью. Вся кавалькада была обеспечена каретами за счёт реквизиции в столице; несколько карет принадлежали королевскому двору. Из карет вышли около шестидесяти великолепно выглядевших солдат, которые спросили, как им пройти к главному генералу; они промаршировали к Карто с важным видом послов. «Гражданин генерал, — обратился к нему представитель прибывшей компании, — мы приехали из Парижа; патриоты возмущены вашей бездеятельностью и задержкой со взятием Тулона. Землю республики топчут вражеские сапоги; все жители республики охвачены гневом при мысли, что нанесённое им оскорбление до сих пор остаётся безнаказанным. Они спрашивают, почему Тулон всё ещё не освобождён от врага? Почему английский флот до сих пор не уничтожен? Республика, возмущённая всем этим, обратилась с призывом к своим храбрым сынам; мы подчинились её призыву и сгораем от нетерпения оправдать её надежды. Мы — отряд добровольцев-стрелков из Парижа, дайте нам в руки ружья и завтра мы двинемся на врага».

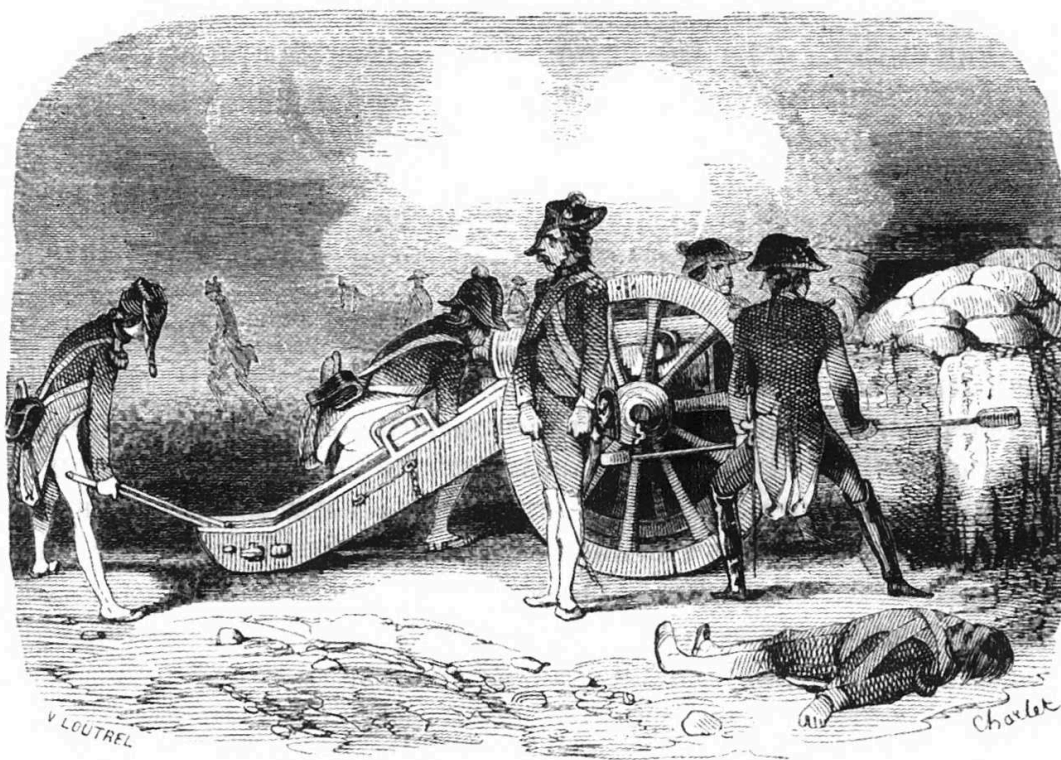
Генерал, смущённый подобным обращением, повернулся к начальнику осадной артиллерии, прося помощи. Тот шёпотом пообещал ему освободить его от этих героев на следующее же утро. Отряд добровольцев из Парижа был хорошо принят, и с рассветом следующего дня начальник осадной артиллерии вывел их на берег моря и вручил им ружья. Удивлённые тем, что они оказались в совершенно открытом месте, они спросили, нет ли здесь какого-нибудь укрытия или окопа. Им объяснили, что подобные вещи вышли из

моды: патриотизм отменил их. Тем временем английский фрегат дал бортовой залп и заставил всех этих хвастунов удариться в бегство. Весь лагерь французских солдат, осаждавших Тулон, был охвачен истощенными воплями добровольцев из Парижа; некоторые из них открыто сбежали из лагеря, а оставшиеся постарались незаметно затеряться в общей массе солдат.

В целом же в рядах французского войска, осаждавшего Тулон, в то время царили беспорядок и анархия. Дюпа, адъютант и доверенный человек генерала Карто, был, подобно своему генералу, лишён каких-либо способностей, без толку вступал во все дела и постоянно мешал артиллеристам в их работе по организации транспорта и установке батарей. Чтобы отделаться от него, был составлен специальный план. Артиллеристы сделали Дюпа предметом своих насмешек, стараясь в этом перещеголять друг друга. Это дошло до такой степени, что их шутки приняли крайне резкий характер. Однажды Дюпа неожиданно появился среди них и с присущей ему самонадеянностью принялся указывать направо и налево, в то же время задавая вопросы обо всём, что попадалось ему на глаза. В результате он нарвался на грубость, раздались резкие высказывания в повышенном тоне. Нелестные выкрики в его адрес были слышны со всех сторон вместе с возгласами *аристократ!* и *бей его!* Дюпа прищепил коня и впоследствии более не досаждал артиллеристам.

Начальника осадной артиллерии можно было видеть повсюду. Его активность и знания способствовали тому, что он стал непревзойдённым авторитетом не только для своих артиллеристов, но и для всей остальной армии, осаждавшей Тулон. Когда бы враг ни пытался совершить вылазку или заставить французских солдат, участников осады, спастись бегством, во всех таких случаях командиры колонн и отдельных воинских частей неизменно восклицали: «Бегите к начальнику осадной артиллерии и спрашивайте у него, что нам следует делать; он знает местные условия и разбирается в сложившейся обстановке лучше, чем кто-либо». Этот совет принимался постоянно и беспрекословно. Наполеон не щадил себя; под ним было убито несколько лошадей. В одной из стычек английский солдат ранил его штыком в левое бедро, и была угроза ампутации ноги.

Находясь однажды в расположении батареи, которая вела перестрелку с англичанами, Наполеон стал свидетелем того, как был убит канонир одной из пушек. Он взял банник из рук убитого и собственноручно десять или двенадцать раз заряжал пушку. Через несколько дней после этого Наполеона поразил сильнейший приступ кожного заболевания. Никто не мог понять, где он заразился этой болезнью, пока Мюиرون, его адъютант, не выяснил, что от

этой болезни страдал убитый канонир. Молодой организм и активное вмешательство сотрудников медицинской службы способствовали тому, что обошлись незначительными лечебными средствами, в результате признаки болезни исчезли; однако яд только глубже проник в организм, долгое время влиял на состояние здоровья Наполеона и чуть не стоил ему жизни. Следствием этой болезни стали худоба, физическая слабость организма и болезненный вид лица, — всё это было свойственно командующему Итальянской армией и армией в Египте.

Лишь гораздо позже, уже в Тюильри, врачу Корвисару удалось, благодаря наложению на грудь множества нарывных пластырей, полностью восстановить здоровье императора, и именно с тех пор у него появилась отличавшая его тучность.

Незадолго до окончания осады Наполеон, занимавший должность начальника осадной артиллерии армии при Тулоне, мог стать генералом, командующим этой армией. В тот самый день, когда был намечен штурм *Малого Гибралтара*, генерал Дюгомье, ранее откладывавший штурм крепости на несколько дней, захотел вновь отложить его на неопределённое время. Около трёх часов дня депутаты Конвента вызвали Наполеона: они были недовольны Дюгомье, особенно в связи с тем, что он всё время откладывал штурм, и они хотели отстранить его от командования армией и назначить на эту должность Наполеона. Однако Наполеон отказался от этого

предложения. Он отправился к генералу, которого уважал и любил, сообщил ему обо всём, что случилось, и уговорил принять решение начать штурм. Около восьми часов вечера, когда закончилась подготовка к штурму и сам штурм вот-вот должен был начаться, депутаты Конвента отменили приказ о его начале. Однако Дюгомье, по-прежнему находившийся под влиянием Наполеона, стоял на своём; если бы он потерпел поражение, то мог лишиться головы. Такими были положение дел и правосудие того времени.

Служебные донесения о деятельности Наполеона, которые представители комитетов Конвента обнаружили в Париже в департаменте артиллерии, впервые обратили их внимание на поведение начальника осадной артиллерии во время осады Тулона; они убедились в том, что, несмотря на молодость и невысокое воинское звание, он, только появившись в армии, осаждавшей Тулон, стал истинным хозяином положения. Это было естественным результатом превосходства знаний, активной деятельности и энергичных усилий над невежеством и неразберихой, сопутствовавшей осаде Тулона. Фактически именно Наполеон был завоевателем Тулона, и тем не менее он почти не упоминался в официальных депешах, направленных в Париж. Он овладел городом ещё до того, как армия стала помышлять об этом. После того как был взят *Малый Гибралтар*, который Наполеон всегда считал ключом к Тулону, он сказал старому и сильно уставшему Дюгомье: «Идите и отдыхайте, мы взяли Тулон, вы можете спать до послезавтра». Когда Дюгомье убедился, что дело действительно закончено, когда он осознал, что молодой начальник осадной артиллерии всегда точно предсказывает то, что произойдёт, он пришёл в состояние восторга и восхищения; он без устали хвалил Наполеона.

Абсолютно верно, как об этом сообщали некоторые газеты того времени, что Дюгомье информировал комитеты Конвента в Париже о том, что с ним находился молодой человек, который заслуживает особого внимания. Дюгомье, бесспорно, был выбран судьбой для того, чтобы склонить чашу весов в пользу Наполеона, — какой бы линии в дальнейшем он ни придерживался. Когда Дюгомье получил назначение в армию Восточных Пиренеев, то хотел взять с собой молодого начальника артиллерии, но это ему не удалось. Он, однако, беспрестанно говорил о нём. После заключения мира с Испанией эта армия была направлена для усиления французской армии в Италии, командующим которой вскоре стал Наполеон; последний, прибыв к месту назначения, обнаружил, что, вследствие всего того, что о нём говорил Дюгомье, офицеры армии, по собственному выражению Наполеона, смотрели на него широко открытыми глазами.

Что касается самого Наполеона, то успех в Тулоне мало его удивил, хотя он был рад ему и получил большое удовлетворение. Он в равной степени радовался успеху сражения при Саорджио, где проведённая им операция была превосходна: за несколько дней он выполнил то, что безуспешно пытались сделать в течение двух лет. «Вандемьер и даже Монтенотте, — говорил император, — никогда не побуждали меня смотреть на собственную личность как на человека высшего порядка, и только после Лоди меня посетила мысль о возможности того, что я стану ведущим актёром на сцене политических событий. Именно тогда вспыхнула первая искра моих амбиций». Наполеон, однако, упомянул, что после вандемьера, когда он командовал армией внутренних войск, он подготовил план кампании, которой не суждено было состояться из-за мирного договора, подписанного в Зиммеринге. Но этот план он вскоре осуществил в сражении при Леобене. План, вероятно, ещё можно найти в официальных архивах. Хорошо известное безумство того времени ещё раз проявилось под стенами Тулона, когда там собрались двести депутатов от окрестных коммун, которые спровоцировали самые жестокие действия. Именно эти депутаты виноваты в возникших тогда беспорядках, затронувших целую армию. Когда Наполеон стал известен, были сделаны попытки приписать ему ужасные и жестокие действия. «Даже сама мысль о том, чтобы отвечать на эту клевету, — заявил император, — была бы признаком деградации».

Как только Наполеон встал во главе артиллерии в Тулоне, он использовал своё положение для того, чтобы способствовать возвращению в армию старых товарищей, которые оставили службу по причине своего происхождения или по политическим мотивам. Он добился назначения полковника Гассенди начальником арсенала в Марселе. Хорошо известны упрямство и жёсткость характера этого человека, — эти качества часто ставили его в опасное положение; не раз Наполеону приходилось проявлять бдительность и заботу о нём, чтобы спасти его от последствий его поведения, вызывавшего сильное раздражение у многих лиц.

Наполеон смог спасти нескольких несчастных членов эмигрантской семьи Шабрийан, которые были застигнуты штормом в море, и их судно было вынесено на французский берег. Их ожидала смертная казнь, ибо закон был очень строг в отношении эмигрантов, возвращавшихся во Францию. Защищая себя, они утверждали, что их возвращение во Францию было лишь результатом случая и совершенно не соответствовало их желанию. Они просили лишь об одной милости, а именно — разрешить им выехать из Франции, но всё было напрасно: они бы погибли, если бы Наполеон не стал рисковать собственной безопасностью и не предоставил в их распоряжение

крытую брезентом лодку, которую он отправил от французского берега под предлогом выполнения служебного задания. Позже, во время правления Наполеона, эти люди воспользовались возможностью выразить ему свою благодарность и сообщили, что они бережно хранят письменный приказ, который спас их жизни.

Сам Наполеон в различное время становился объектом ненависти революционных убийц.

Всякий раз, когда он устанавливал новую батарею, многочисленные патриотические депутации, находившиеся в лагере армии, ходатайствовали о том, чтобы им была оказана честь и эту батарею назвали их именем. Наполеон назвал одну батарею «батареей патриотов Юга», — это было достаточным основанием для того, чтобы его обвинили в федерализме; и будь он менее полезным для армии, его бы отправили под арест или, иначе говоря, принесли бы в жертву.

Нет слов, чтобы описать безумие и ужас того времени. Например, император рассказал нам, что когда он занимался фортификацией берегов у Марселя, то был свидетелем суда над купцом, человеком восьмидесяти четырёх лет, глухим и почти слепым. Несмотря на его возраст и немощь, жестокие палачи признали его виновным в заговоре: единственное преступление этого человека заключалось в том,

что его состояние оценивалось в восемнадцать миллионов. Сам он признавал это и предложил трибуналу своё богатство — при условии, что ему оставят пятьсот тысяч франков, пользоваться которыми ему долго не придётся. Но его предложение было отвергнуто, и ему отрубили голову. «При виде этого зрелища, — сказал Наполеон, — я подумал, что всему миру пришёл конец!» — выражение, которое он часто использовал в чрезвычайных обстоятельствах.

Баррас и Фрерон были инициаторами всех этих жестокостей. Император отдавал должное Робеспьеру, утверждая, что видел длинные письма, написанные им своему брату, который тогда был представителем Конвента в армии Юга. В этих письмах Робеспьер горячо возражал против этих крайностей и, возмущаясь ими, заявлял, что они позорят республику и приведут её к развалу.

Наполеон во время осады Тулона и после его взятия подружился со многими лицами, которые впоследствии стали весьма знаменитыми. Он выделял молодого офицера, способности которого поначалу ему было трудно разглядеть, но который впоследствии блестяще проявил себя на государственной службе; то был Дюрок, который в общении не сразу располагал к себе, но был наделён талантом самого надёжного и полезного свойства: он любил императора, как никто, был предан его интересам и в то же время знал, как в подходящий момент сказать ему правду. Впоследствии он стал герцогом Фриульским и гофмаршалом императорского двора. Он блестяще вёл дела императорского двора, поддерживая образцовый порядок. Когда он умер, император считал, что понёс невосполнимую утрату, и многие другие лица придерживались такого же мнения. Император сказал мне, что Дюрок был единственным человеком, с которым он поддерживал близкие дружеские отношения и которому он полностью доверял.

Когда Наполеон прибыл в армию, осаждавшую Тулон, то во время установки одной из первых батарей, обращённых в сторону англичан, спросил, умеет кто-либо писать. Из строя вышел сержант, который стал писать под диктовку Наполеона, стоя у края окопа. Едва он кончил писать, как пушечное ядро, которым англичане выстрелили в сторону батареи, упало около окопа, и весь лист бумаги в руках сержанта тут же покрылся песком, разлетевшимся вокруг от упавшего ядра. «Вот те раз, — с удивлением сказал сержант, — именно песка мне как раз и не хватало». Это замечание, высказанное весьма хладнокровно, обратило на себя внимание Наполеона и решило судьбу сержанта. Это был Жюно, впоследствии герцог Абрантес, генерал-полковник корпуса гусаров, командующий армией в Португалии и генерал-губернатор Иллирии, — там у него проявились признаки психического заболевания, которое

усилилось по его возвращении во Францию, где он ранил себя самым ужасным образом. Он умер от злоупотребления алкоголем, который разрушил и его здоровье, и его разум.

Наполеон, став артиллерийским генералом и начальником артиллерийской службы армии в Италии, прибыл к месту назначения. Ему были свойственны превосходство над окружающими и умение подчинять их своему влиянию, — эти качества он приобрёл ещё до Тулона; однако он всё ещё терпел неудачи и попадал в опасные жизненные ситуации. На короткое время он был отправлен под арест в Ницце депутатом Конвента Лапортом за то, что отказался унижаться перед депутатом, наделённым верховной властью. Другой депутат Конвента обвинил его в нарушении закона, — и всё из-за того, что Наполеон не позволил ему использовать артиллерийских лошадей для почтовой службы. Наконец, декрет, который так и не был никогда исполнен, вызывал его на судебное заседание Конвента за то, что он предлагал некоторые военные меры при строительстве фортификационных сооружений в Марселе.

Получив назначение в армию сначала в Ниццу, а затем в Италию, Наполеон стал пользоваться большим покровительством со стороны Робеспьера-младшего, депутата Конвента. Наполеон говорил, что тот обладал качествами, весьма отличными от качеств его старшего брата; последнего Наполеон никогда не видел. Незадолго до 9-го термидора Робеспьер-младший, вызванный в Париж

своим братом, прилагал немалые усилия, чтобы уговорить Наполеона сопровождать его. «Если бы я не проявил твёрдость, отказываясь от его предложения, — заметил император, — то кто знает, куда бы привела меня эта поездка в Париж и какая участь была бы мне уготована?»

Во время пребывания Наполеона в армии в Ницце в этом городе был ещё один, помимо Робеспьера-младшего, депутат Конвента — весьма незначительная личность. Его жена, чрезвычайно привлекательная и очаровательная дама, делила с мужем власть и даже узурпировала её; она была уроженкой Версаля. И муж, и его супруга уделяли генералу артиллерии большое внимание; они стали испытывать к нему самые тёплые чувства и вели себя по отношению к нему в высшей степени благородно. Такое отношение к молодому генералу было для него очень выгодно, ибо в то время, когда не действовали законы или их применение было неэффективным, депутат Конвента обладал неограниченной властью.

Этот депутат, о котором здесь идёт речь, был одним из тех, которые в Конвенте во время кризиса вандемьера усиленно способствовали тому, чтобы именно на Наполеона было обращено внимание как на человека, готового спасти положение; подобное поведение депутата Конвента было естественным следствием того глубокого впечатления, которое произвели на него характер и способности молодого генерала.

Император рассказывает, что, после того как он взошёл на трон, он вновь встретился со своей старой знакомой. Она настолько изменилась, что её трудно было узнать; её муж умер, и она находилась в состоянии крайней нищеты. Император с готовностью пожаловал ей всё, о чём она просила. «Он осуществил, — сказал Наполеон сам о себе, — все её мечты, и даже сверх того».

Хотя эта женщина жила в Версале, прошло много времени, прежде чем ей удалось добиться приёма у императора. Письма, петиции, ходатайства всякого рода оказались напрасными. «Очень трудно добиться аудиенции монарха, — заявил император, — даже если он не отказывается от неё». В конце концов, когда Наполеон охотился в Версале, он случайно упомянул об этой даме в беседе с Бертье, который тоже был уроженцем Версаля и знал её, когда она была ещё совсем юной. На следующий день Бертье представил её монарху. «Но почему вы не попытались добиться приёма у меня, используя наших общих знакомых по армии в Ницце? — спросил её император. — Многие из них теперь занимают высокое положение и находятся со мной в близких отношениях». — «Увы, сир, — ответила она, — эти знакомства прекратились, когда эти люди стали занимать высокое положение, а меня постигли несчастья».

Однажды император поведал мне некоторые подробности этой старой дружбы. «Я был очень молодым, — рассказывал он, — когда познакомился с этой дамой. Я очень гордился хорошим впечатлением, которое произвёл на неё, и пользовался любой возможностью, чтобы уделить ей максимум внимания. Я упомяну один случай, чтобы показать, как иногда власть используется во зло и от чего может зависеть судьба людей, ибо я не хуже и не лучше других. Однажды я прогуливался с женой депутата Конвента и заодно инспектировал наши позиции в районе Колле ди Тенда, когда неожиданно мне в голову пришла мысль дать ей возможность наглядно представить себе, как происходит боевая стычка. С этой целью я приказал атаковать передовой пост. Конечно, мы победили, но от этого дела никакой пользы не было. Атака передового поста была простой причудой, и тем не менее она стоила жизни нескольких людей. Я никогда не устаю укорять себя, когда вспоминаю об этом».

События термидора вызвали изменение в составе комитетов Конвента. Обри, бывший артиллерийский капитан, был назначен руководителем Военного комитета и принялся реформировать армию. Он не забыл себя: присвоил себе звание артиллерийского генерала и облагодетельствовал нескольких своих старых приятелей за счёт офицеров, которых он отправил в отставку. Наполеон, которому в то время едва исполнилось двадцать пять лет, стал пехотным генералом, и ему было предписано продолжить прохождение воинской службы в Вандее. Это обстоятельство вынудило его покинуть армию в Италии, для того, чтобы самым серьёзным образом выразить протест против этого назначения, которое в любом случае не могло удовлетворить его. Выяснив, что Обри не намерен менять своего решения и даже считает себя оскорблённым непослушанием Наполеона, последний подал рапорт об отставке. Но она не была принята, и вскоре он продолжил военную службу в отделении Комитета, которое ведало перемещениями армий и составлением планов военных кампаний, — именно этим Наполеон и занимался до 13-го вандемьера.

Разговор Наполеона с Обри, когда последний уговаривал его согласиться с новым назначением, достоин того, чтобы стать настоящим театральным спектаклем: Наполеон страстно отстаивал свою позицию, потому что в его руках были факты, которыми он обосновывал собственную точку зрения. Обри был упрям и зол, поскольку в его руках была власть. Он заявил Наполеону, что тот слишком молод и потому должен уступить дорогу старшим по возрасту; Наполеон ответил, что солдат быстро стареет на поле сражения и что *он* только что вернулся с такого поля. Обри никогда не принимал участия ни в одном сражении. Они стали вести разговор на сильно повышенных тонах.

Я сказал императору, что, вернувшись из эмиграции, я в течение длительного времени снимал ту самую квартиру на улице Святого Флорентина, в которой происходил этот разговор. Мне приходилось часто слышать о нём; и хотя некоторые лица передавали его далеко не в дружественном тоне, тем не менее, каждый из рассказчиков стремился сообщить о нём всевозможные подробности, пытаясь даже приблизительно определить ту часть комнаты, в которой был выполнен тот или иной жест или были сказаны те или иные слова.

История знаменитого дня вандемьера, который оказал столь важное влияние на судьбы революции и Наполеона, свидетельствует о том, что Наполеон некоторое время колебался, прежде чем взял на себя ответственность по защите Конвента.

Вечером следующего дня Наполеон явился в Комитет Сорока, обосновавшийся в Тюильри. Он хотел получить мортиры и боеприпасы из Мёдона; но такова была осмотрительность президента (Камбасереса), что, несмотря на опасности, которыми был отмечен тот день, он отказался подписать соответствующий приказ, а чтобы уладить дело, просто предложил передать в распоряжение генерала пушки и боеприпасы.

Во время управления Парижем, после 13-го вандемьера, Наполеону пришлось столкнуться с большой нехваткой продовольствия, которая вызвала несколько вспышек народных волнений. Однажды, когда не состоялось обычное распределение продуктов, толпы людей собрались вокруг хлебных лавок. Наполеон объезжал город

с членами своего штаба, чтобы принять меры по сохранению спокойствия среди горожан. Большая толпа, в основном женщины, собралась вокруг Наполеона, громко требуя хлеба. Толпа всё увеличивалась, и крики усиливались. Положение Наполеона и его офицеров становилось критическим. Одна тучная женщина чудовищных размеров обращала на себя особое внимание угрожающими жестами и выкриками. «Эти красавчики с эполетами на плечах, — кричала она, указывая на офицеров, — смеются над нашими страданиями: пока они могут есть и толстеть, им безразлично, что бедный народ умирает с голоду». Наполеон повернулся к ней и сказал: «Послушайте, любезнейшая, посмотрите на меня; кто толще: вы или я? — Наполеон в то время был чрезвычайно худым. — Я же всего лишь листок пергамента», — сказал он. Всеобщий взрыв смеха свёл на нет гнев толпы, и штабные офицеры продолжили объезд города.

Повествование о тринадцатом вандемьере свидетельствует о том, как Наполеон познакомился с госпожой де Богарне, как он заключил с ней супружеский союз и как в то время оценка этой женитьбы была представлена в самом ложном свете. После того как его познакомили с госпожой де Богарне, он почти каждый вечер проводил в её доме, в котором часто бывали самые обаятельные представители светского общества Парижа. Большинство из них постепенно прекратили наносить визиты госпоже де Богарне, и к ней обычно навещались господин де Монтескье, отец обер-камергера, герцог де Ниверне, столь известный своим изящным остроумием, и некоторые другие её друзья. Они проверяли, плотно ли закрыты все двери, и затем говорили: «Ну что ж, а теперь давайте присядем и поболтаем о старом королевском дворе; давайте совершим мысленную прогулку по Версалю».

Во времена Республики бедность казначейства и дефицит монет были столь огромными, что когда генерал Буонапарте отправился в Итальянскую армию, то, несмотря на все его усилия и усилия Директории, удалось собрать только 2000 луидоров, которые он вёз в своей карете. С этой суммой он и отправился завоевывать Италию и начал делать шаги по пути создания мировой империи. Известен следующий курьёзный факт: был выпущен очередной приказ по армии, за подписью Бертье, который предписывал генералу, командующему Итальянской армией, по прибытии в штаб армии в Ницце выдать генералам по четыре золотых луидора, чтобы генералы имели возможность начать военную кампанию в Италии. В течение продолжительного времени в стране было практически невозможно увидеть такую вещь, как золотая или серебряная монета. Этот текущий приказ по армии свидетельствует о тогдашних

условиях жизни в стране более правдиво и более верно, чем целые тома книг, написанных на эту тему.

Как только Наполеон присоединился к действующей армии, он показал себя человеком, рождённым для того, чтобы командовать. С этой минуты он приковал к себе внимание всего мира; он завоевал всю Европу; он был метеором, сверкнувшим на небесном своде; он стал центром всеобщего внимания, привлёк к своей личности мысли всего человечества и был предметом всех разговоров. С этого времени газеты, публикации, памятники свидетельствовали о его деяниях. Его имя не сходило со страниц газет и журналов и эхом передавалось из уст в уста.

Когда Наполеон стал командующим, то в его манерах, поведении и языке произошла разительная перемена. Декре часто говорил мне, что он был в Тулоне, когда впервые услышал о назначении Наполеона командующим армией в Италии. Он хорошо знал его в Париже и считал, что находится с ним в самых близких дружеских отношениях. «Поэтому, — рассказал он, — когда мы узнали, что новый генерал намерен проехать через наш город, то я немедленно предложил всем моим товарищам представить их Наполеону, гордясь тем, что поддерживаю с ним близкие отношения. Я поспешил к нему, весь переполненный радостным желанием увидеть его; двери его апартаментов распахнулись, и я уже готов был броситься к нему с моей обычной фамильярностью, но его поза, его взгляд, тон его голоса внезапно остановили меня. Ничего оскорбительного в его внешнем виде или манере поведения не было, но впечатление, которое он произвёл на меня, было достаточным для того, чтобы помешать мне когда-либо вновь попытаться перейти границу, которая разделила нас».

Более того, генеральскому званию Наполеона сопутствовали умение, энергия и абсолютная честность в управлении армией, равно как и его постоянная ненависть к казнокрадству любого рода и полнейшее равнодушие к собственным интересам. «Когда я вернулся после кампании в Италии, — рассказывал император, — в моём распоряжении было 300 000 франков. Я легко мог привезти с собой 10 или 12 миллионов; эта сумма могла быть моей. Я никогда не делал финансовых отчётов, и от меня их никогда не требовали. Я ожидал, что когда я вернусь во Францию, то получу какую-то большую национальную награду. Открыто сообщали, что мне дадут замок Шамбор и что я должен радоваться тому, что получу его; но эта идея была отвергнута Директорией. Однако я передал Франции по крайней мере 50 миллионов для нужд государства. Это, как мне кажется, был первый случай в современной истории, когда армия жертвует деньги для укрепления собственной страны, а не является для неё бременем».

Когда Наполеон вёл переговоры с герцогом Моденским, к нему в кабинет вошел Саличетти, уполномоченный представитель правительства при армии, с которым у Наполеона до этого были плохие отношения. «Командующий моденскими войсками д'Эсте, брат герцога, — сообщил Саличетти, — находится здесь вместе с четырьмя ящиками, в которых — четыре миллиона золотом. Он прибыл от имени своего брата, чтобы просить вас принять деньги, и я советую вам не отказываться от них. Я ваш земляк, и мне известно положение дел вашей семьи. Директория и Законодательное собрание никогда не оценят по достоинству ваши заслуги. Эти деньги принадлежат вам; берите их не колеблясь и не предавайте это дело огласке. Соразмерное сокращение будет сделано в контрибуции герцога, и он будет очень рад заполучить покровителя». — «Благодарю вас, — холодным тоном ответил Наполеон. — За эту сумму я не отдам себя в распоряжение герцога Моденского, я хочу оставаться свободным».

Уполномоченный представитель правительства при этой армии часто рассказывал, что он был свидетелем того, как правительство Венеции, чтобы спасти её от разрушения, предлагало Наполеону подобным же образом семь миллионов золотом, но Наполеон и от этого предложения отказался.

У императора вызвали улыбку порывы чувства восхищения со стороны его финансиста, для которого отказ его генерала от взяток

казался сверхчеловеческим поступком, намного более трудным и более величественным, чем достижение побед на полях сражений. Император вспоминал с определённой степенью удовлетворения об этих историях его бескорыстных поступков. Он, однако, заметил, что был не прав, так как подобная линия поведения была самой недальновидной из всех, которых он мог бы придерживаться, если бы планировал встать во главе партии и добиваться достижения политического влияния или оставаться в положении частного лица: когда он вернулся во Францию, то оказался почти нищим; и он продолжал оставаться в состоянии абсолютной бедности, в то время как подчинённые ему генералы и уполномоченные представители правительства накапливали огромные богатства.

«Но, — добавил император, — если бы представитель правительства при моей армии увидел, как я беру взятки, то кто может сказать, до чего он бы дошёл? Мой отказ, по крайней мере, был его проверкой.

Когда я встал во главе государства в качестве консула, то только благодаря демонстрации бескорыстия и проявлению предельной бдительности смог добиться изменений в поведении верховной администрации и сумел положить конец отвратительным случаям казнокрадства в среде Директории. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы преодолеть склонность к коррупции первых лиц государства, чьё поведение под моим руководством, в конце концов, стало строгим и безупречным. Я был обязан постоянно держать их в страхе. Как часто мне приходилось повторять им на проводимых мною заседаниях Совета, что если бы мой брат был уличён в чём-то, то я без колебаний уволил бы и его!»

Ни один человек в мире не имел в своём распоряжении большего богатства и не использовал его для своих личных целей меньше, чем он. Наполеон, по его собственным подсчётам, имел не менее четырёхсот миллионов золотом в подвалах Тюильри. Стоимость огромных земельных владений превышала семьсот миллионов. Он говорил, что пожертвовал армии до пятисот миллионов. И что самое удивительное — он, который раздавал колоссальные денежные суммы, никогда не владел личной собственностью! Для музея он собрал сокровища, которые невозможно оценить, и, тем не менее, у него никогда не было собственной картины или редкой вещи.

Когда Наполеон вернулся из Италии и собирался отправиться в Египет, то стал владельцем Мальмезона, и именно там он поместил почти всю свою собственность; но он приобрёл Мальмезон на имя своей жены, которая была старше его. Всё дело в том, что, как император сам признавался, он никогда не ощущал вкуса к богатству

или желания обогатиться. «Если сейчас я чем-то и владею*, — продолжал он, — то это всё благодаря мерам, принятым после моего отъезда; но даже в этом случае мои шансы на то, что в этом мире есть что-то, что я мог бы назвать своим, практически сведены к нулю. Но на этот счёт у каждого есть свои мысли. Я склонен к тому, чтобы создавать, а не владеть. Моё богатство состоит из славы и известности: в глазах французского народа и иностранцев Симп-лон⁵ и Лувр были в большей мере моей собственностью, чем та личная собственность, которой я мог бы владеть. Я покупал бриллианты для короны, приводил в порядок и украшал императорские дворцы; бывало, я не мог примириться с тем, что расходы Жозефины на её оранжереи и её галерею существенно сокращают средства моего Ботанического сада и моего Парижского музея».

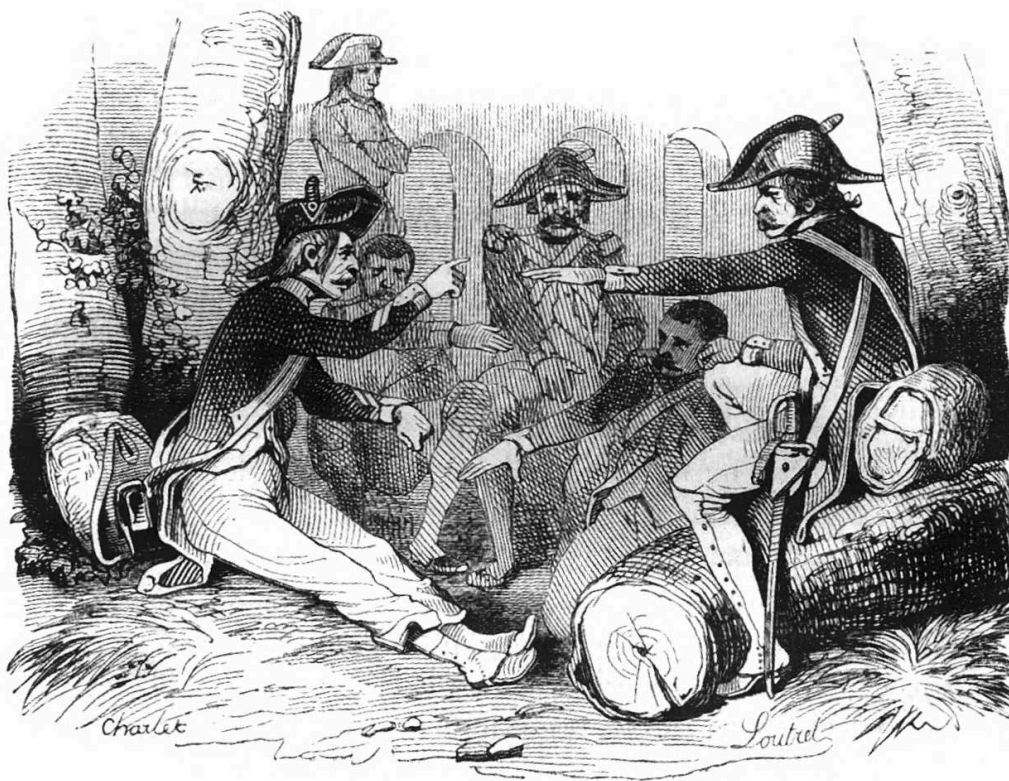
Когда Наполеон стал командовать армией в Италии, то, несмотря на свою чрезвычайную молодость, сразу же внушил солдатам дух воинской субординации, уверенности и абсолютной преданности. Армия скорее была покорена его гением, чем его популярностью; вообще же он был строг и сдержан. В течение всей своей жизни Наполеон постоянно считал ниже своего достоинства добиваться благосклонности масс недостойными средствами; возможно, он следовал этому принципу до такой степени, что это шло ему во вред.

* Имеется ввиду депозит в банкирском доме Лафитта.

Когда император отрёкся от престола во второй раз, некто, любивший его ради него самого и знавший отсутствия в нём склонности к накопительству, решил выяснить, принимались ли какие-либо меры для его финансового обеспечения в будущем. Когда выяснилось, что никаких мер принято не было и Наполеон остался абсолютно нищим, то для него было собрано четыре или пять миллионов, хранителем которых и стал господин Лафитт.

В момент отъезда Наполеона из Мальмезона забота о нём со стороны истинных друзей была для него не менее полезной. Одно лицо, осведомлённое о той путанице и неразберихе, которыми сопровождался наш отъезд, пожелало убедиться в том, что упомянутая сумма денег доставлена по назначению. Каково же было изумление этого человека, когда он узнал, что карета, в которую положили деньги, была оставлена в каретном депо Мальмезона. Возникло новое затруднение: нельзя было найти ключ от каретного депо, и смятение, вызванное этим неожиданным обстоятельством, задержало наш отъезд на некоторое время. Получив деньги, банкир Лафитт хотел немедленно вручить императору расписку, указав в ней соответствующую сумму, но Наполеон не принял расписку, заявив: «Я знаю вас, господин Лафитт, я знаю, что вы не одобряли моё правительство, но я считаю вас честным человеком».

Господин Лафитт, кажется, был обречён быть хранителем денежных фондов несчастных монархов. Людовик XVIII, отправляясь в Гент, также отдал значительную сумму на хранение в его руки. Когда, вернувшись с острова Эльба, Наполеон 20 марта прибыл в Париж, то послал за Лафиттом и спросил его о депозите короля. Лафитт подтвердил получение этого депозита. Когда он выразил предположение, что в заданных ему вопросах содержится упрёк в его адрес, то Наполеон ему ответил: «Ничего подобного, эти деньги принадлежат лично королю, а личные дела не имеют никакого отношения к политическим проблемам».

В Итальянской армии закрепился своеобразный обычай: из-за молодости командующего армией, или в силу других причин, после каждого сражения старейшие по возрасту солдаты обычно проводили совет, на котором присваивали новое воинское звание своему молодому генералу, и когда он появлялся в лагере, то ветераны приветствовали его, обращаясь к нему в соответствии с этим новым званием. После сражения у Лоди они произвели его в капралы (а после Кастильоне — в сержанты), и с тех пор в течение долгого времени солдаты употребляли прозвище *Маленький капрал*, когда имели в виду Наполеона. Насколько тонка нить, связывающая самые незначительные случаи с важнейшими событиями! Возможно, именно это прозвище способствовало удивительному успеху императора, когда он вернулся во Францию с острова Эльба в 1815 году. В то время, как он произносил речь, обращаясь к первому батальону, который он встретил и с которым посчитал необходимым переговорить лично, из рядов солдат раздался возглас: «Да здравствует наш Маленький капрал! Мы никогда не будем сражаться против него!»

Администрация Директории и администрация командующего армией в Италии, казалось, представляли собой два разных правительства. Директория во Франции казнила эмигрантов, — французская армия в Италии ни разу не вынесла смертный приговор

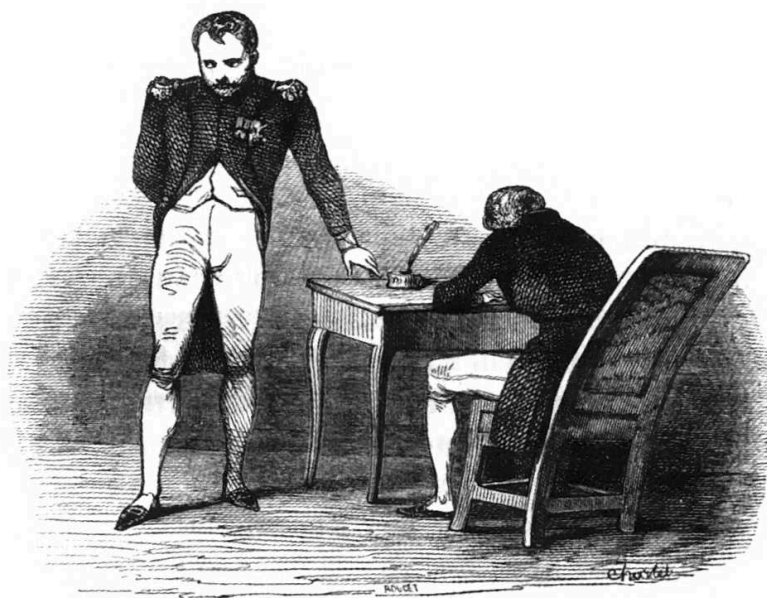
кому-либо из них. Директория, узнав, что Вюрмсер осаждён в Мантуе, зашла так далеко, что написала Наполеону письмо, напомнив ему о том, что тот был эмигрантом, — но Наполеон, взяв Вюрмсера в плен, сделал всё, чтобы подчеркнуть своё почтение к нему и уважение к его преклонному возрасту. Директория использовала самые оскорбительные формы выражения своего отношения к папе римскому в переписке с ним, — генерал французской армии в Италии писал ему письма, полные уважения, и начинал их словами «Ваше Святейшество». Директория прилагала усилия к тому, чтобы лишить папу римского власти, — Наполеон сохранял её. Директория подвергала священников изгнанию и объявляла их вне закона, — Наполеон дал указание своим солдатам, чтобы они, где бы ни встретили изгнанных французских священников, помнили, что те являлись французами и их братьями. Директория обычно искореняла малейшие признаки аристократии, — Наполеон написал письмо демократам Генуи, порицая их жестокость; и он без колебаний заявил им, что если генуэзцы придают какое-либо значение тому, чтобы он сохранил к ним уважение, то они должны научиться уважать статуу генуэзского адмирала Дориа и введённые им порядки, которым они обязаны своей славой.

Император принимает решение писать мемуары

7 — 8 сентября 1815 года

Мы продолжали плыть по заданному курсу, и ничто не нарушало однообразия нашей жизни. Дни были похожи один на другой, лишь педантичное ведение дневника напоминало мне о дне недели или о месяце. К счастью, моё время было занято работой, и поэтому день обычно проходил незаметно. Сведения, которыми я обогащался во время дневной беседы, были достаточными для того, чтобы у меня не было свободного времени до следующего дня.

Тем временем император обратил внимание на то, что я очень занят, и он даже подозревал, чем именно я занят. Он решил убедиться в этом и в результате получил возможность ознакомиться с несколькими страницами моего дневника; то, что он прочитал, понравилось ему. Несколько раз, упомянув в беседе со мной содержание дневника, он заметил, что подобная работа будет скорее интересной, чем полезной. Например, военные события, упомянутые в ходе обычного разговора, в дневнике будут представлены недостаточно, неполно, а их описание будет лишено законченности; рассказ о них превратится в перечень различных историй, часто пустякового характера, вместо серьёзного анализа крупных операций и их

результатов. Я охотно воспользовался представившейся благоприятной возможностью, полностью согласился с его мнением и рискнул предложить ему продиктовать мне его размышления о военной кампании в Италии. «Это было бы благом для страны, — заявил я, — настоящим памятником национальной славе. Наше время не занято работой, часы тянутся утомительно; такое занятие поможет нам отвлечься, а некоторые воспоминания смогут доставить вам удовольствие». Предложенная мною идея стала предметом наших нескольких последующих бесед.

В конце концов император принял решение и в субботу, 8 сентября, пригласил меня в свою каюту и впервые продиктовал некоторые изложенные выше подробности осады Тулона.

Пассат — Экватор

9 — 13 сентября 1815 года

Когда мы приблизились к экватору, то встретились с так называемыми пассатами, то есть с ветрами, постоянно дующими с востока. Наука объясняет этот феномен достаточно хорошо. Когда корабль, плывущий из Европы, впервые сталкивается с этими ветрами, то они дуют с северо-востока; по мере того как корабль приближается к экватору, направление ветров становится восточным. Обычно при пересечении экватора наступает безветрие. Когда корабль пересекает экватор, то ветры постепенно меняют направление, пока не начинают дуть с юго-востока. В конце концов, после пересечения тропиков, пассаты исчезают, и корабль вновь встречает ветры различных

направлений, как и в европейских регионах. Корабль, плывущий из Европы к острову Святой Елены, подпадает под влияние ветров, постоянно дующих с востока, которые всегда относят его к западу. Было бы очень трудно добраться до этого острова, следуя прямым курсом; и действительно, подобная попытка никогда не предпринималась. Корабль плывёт навстречу ветрам переменных направлений в южных широтах и затем берёт курс в сторону мыса Доброй Надежды, с тем чтобы встретиться с пассатами, дующими с юго-востока, которые доставляют корабль к острову Святой Елены.

Для того чтобы встретить ветры переменных направлений в южных широтах, используют два различных курса. Следуя первому варианту, кораблю необходимо пересечь экватор в районе 20-го или 24-го градуса долготы, отсчитывая от Гринвичского меридиана; те, кто предпочитает этот курс, утверждают, что он менее подвержен экваториальному безветрию, и, хотя у него есть тот недостаток, что берега Бразилии в таких случаях часто оказываются в пределах видимости, данный курс позволяет кораблю осуществлять эту часть плавания за более короткое время. Адмирал Кокберн, который был склонен считать следование этому курсу предрассудком, принял твёрдое решение отдать предпочтение второму варианту, когда корабль больше придерживается курса в сторону востока. Он постарался пересечь экватор примерно в районе 2-го или 3-го градуса долготы. Адмирал не сомневался в том, что, придерживаясь курса навстречу ветрам переменных направлений, корабль подойдёт достаточно близко к острову Святой Елены и тем самым (даже если не удастся достигнуть острова) значительно сократит весь путь, повернув на другой галс и попав под влияние пассатов.

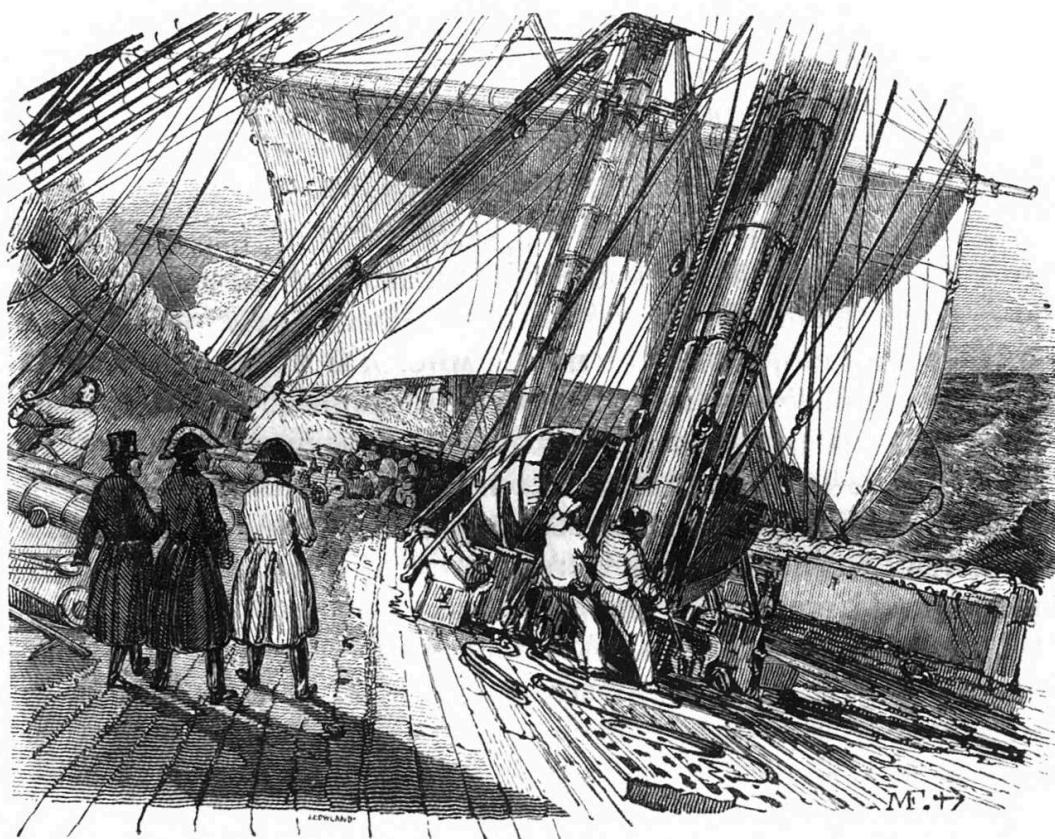
К нашему большому удивлению, ветры, изменив направление, подули в сторону запада (как нам сообщил адмирал, это происходит чаще, чем мы предполагали), чем поддерживали точку зрения адмирала. Он оставил позади тихоходные корабли своей эскадры, которые всё больше отставали от него, и был полон решимости как можно скорее достичь места назначения.

Шторм — Анализ некоторых клеветнических заявлений против императора — Общие размышления

14 — 18 сентября 1815 года

После погоды с незначительными ветрами и приходившими им на смену периодами полного безветрия 16 сентября, к большой радости команды корабля, полил проливной дождь. Жара была вполне

умеренной; можно было сказать, что, за исключением шторма возле Мадейры, мы постоянно наслаждались приятной погодой. Но на борту корабля ощущалась большая нехватка воды, и с целью её экономии команда корабля воспользовалась возможностью набрать дождевой воды, небольшой запас которой каждый матрос сделал и для себя. Проливной дождь полил как раз в тот момент, когда император вышел на палубу, чтобы совершить ежедневную прогулку. Дождь не заставил его отказаться от этой привычки, — он только послал за своей знаменитой большой серой шинелью, которую англичане рассматривали с нескрываемым интересом. Императора во время его прогулки сопровождали гофмаршал и я. Проливной дождь продолжался больше часа; когда император покинул палубу,

то я у себя в каюте с большим трудом смог снять с тела промокшую одежду, — почти всё, что было на мне надето, промокло насквозь.

В течение нескольких последовавших дней погода продолжала оставаться очень дождливой. Это в некоторой степени задержало мои труды, поскольку сырость проникла в нашу жалкую маленькую каюту, а с другой стороны, было не очень-то приятно гулять под дождём на палубе. С начала нашего плавания впервые так долго стояла дождливая погода, и это обстоятельство нас очень расстраивало. Перерывы в моей работе я заполнял тем, что беседовал с офицерами

корабля. Ни с кем из них у меня не было близких отношений, но в наших ежедневных контактах я придерживался линии вежливого и корректного поведения. Они любили обсуждать с нами французские дела, и их незнание всего того, что касалось Франции и французского народа, было почти невероятным. Наши беседы вызывали взаимное удивление: они изумляли нас своими устаревшими политическими принципами, а мы поражали их манерой поведения и нашими новыми идеями, о которых они ранее не имели никакого представления. Они, вне всяких сомнений, знали о Франции меньше, чем о Китае.

Как-то раз один из старших офицеров корабля во время более или менее откровенной беседы сказал: «Я полагаю, вы были бы весьма встревожены, если бы нам пришлось высадить вас на берег Франции?» — «Почему же?» — удивился я. «Потому, — ответил он, — что король, вероятно, заставит вас дорого заплатить за то, что вы покинули свою страну, чтобы последовать за другим монархом, а также потому, что вы носите кокарду, которую он запретил». — «И это говорит англичанин? — заметил я. — Вы, должно быть, в самом деле ничего не понимаете! Вы и правда значительно удалились от времён своей революции, к которой справедливо применяете эпитет «славная»⁶. Но мы, в отличие от вас, совсем недавно пережили нашу революцию, давшую нам так много, и можем сказать вам, что всё произнесённое вами — ересь. Во-первых, наше наказание не зависит от воли или желания короля, — мы подчиняемся только закону. Ныне не существует закона, направленного против нас; и если бы какой-либо закон был нарушен, чтобы применить его против нас, то ваш долг состоит в том, чтобы защищать нас. При капитуляции Парижа ваш генерал ручался сделать это, и английский кабинет министров покрыл бы себя вечным позором, если бы позволил принести в жертву людские жизни, сохранение которых он торжественно гарантировал обещанием, данным своему народу.

Во-вторых, мы не следуем за *другим* монархом. То, что император Наполеон был нашим монархом, является неопровержимым фактом; но он отрёкся от престола, и его правление закончилось. Вы путаете личную деятельность с государственными делами, а любовь и преданность — с политическими воззрениями. Наконец, что касается наших кокард, которые, судя по всему, так сильно поразили вас, то они всего лишь остаток нашего старого костюма. Сегодня мы носим их только потому, что носили их вчера. Нельзя с безразличием отказываться от вещей, к которым привыкаешь; это можно сделать только под принуждением или в силу необходимости. Почему вы не лишили нас наших кокард, когда лишали нас нашего оружия? Первый поступок был бы столь же обоснованным, как и второй.

Мы находимся здесь в качестве частных граждан, мы не подстрекаем к бунту. Мы не можем отрицать, что эти кокарды дороги нашим сердцам; мы привязаны к ним потому, что они были свидетелями наших побед над всеми нашими врагами, мы торжественно прошли с ними по всем столицам Европы, и мы носили их, когда были первой нацией в мире».

В другой раз один из английских офицеров заявил, имея в виду чрезвычайную тяжесть недавних событий: «Кто знает, не предназначено ли нам всё же исправить несправедливость, допущенную по отношению к вам, причиной которой оказались мы? Каково же будет ваше изумление, если Веллингтон в один прекрасный день доставит Наполеона обратно в Париж!» — «В этом случае я действительно был бы изумлён, — ответил я, — но, конечно, отказался бы от чести быть участником этого события; я бы тогда без всяких колебаний покинул самого Наполеона! Но я спокоен на этот счёт, поскольку могу поклясться в том, что Наполеон никогда не подвергнет меня подобному испытанию. Благодаря ему я пропитался этими чувствами: именно он вылечил меня от противоположных доктрин, которые я называю ошибками моей молодости».

Англичане очень любили задавать нам вопросы об императоре, характер и склонности которого, как они впоследствии признавали, были представлены им в самом ложном свете. Это не их вина, говорили они, если у них сложилось ошибочное мнение о характере Наполеона: они знали его только по английским газетам и журналам, в которых все сведения о его жизни крайне искажены и преподносятся с большим предубеждением; несколько таких публикаций было у нас на борту корабля. Однажды мне случайно попалась на глаза одна из таких публикаций, отличавшаяся самым злобным характером; в другой раз, когда я собирался взглянуть на книгу, которую читал один из английских офицеров, он внезапно захлопнул её, заявив, что её содержание столь насыщено яростными нападками на императора, что он не может разрешить мне посмотреть её.

Как-то раз адмирал спросил меня о некоторых обвинениях в адрес Наполеона, содержащихся в различных книгах в его библиотеке. Как заявил адмирал, отдельным обвинениям он в какой-то степени верит, в то время как все вместе они произвели сильное впечатление в Англии. Это обстоятельство подсказало мне идею тщательного просмотра всех работ подобного рода, находившихся на борту корабля: просматривая эти работы, я мог бы записать своё мнение о них в дневник. Я понимал, что подобная счастливая возможность может никогда не повториться. Если же я решусь сделать это, то полученная информация по затронутым вопросам может стоить того, чтобы я изучил эти работы.

Прежде чем делать обзор этих работ, я должен предложить читателю несколько общих замечаний, — они будут достаточными для того, чтобы заранее ответить на многие из бесчисленных обвинений, с которыми я встречу во время просмотра упомянутых работ. Клевета и ложь являются оружием врагов, общественных и политических деятелей, как иностранных, так и отечественных. Они являются средством самозащиты потерпевших поражение и ничтожных личностей, движимых ненавистью и страхом, лакомой пищей гостинных и кухонными отбросами общественных столовых; эти личности негодуют всё яростнее по мере того, как объект их нападков всё более возвеличивается, они готовы затронуть всё на свете. Чем абсурднее, смехотворнее и невероятнее клевета и ложь, тем охотнее они передаются из уст в уста. Триумф и успех являются лишь источниками дополнительного раздражения, — вслед за этим неизбежно последует нравственная буря, и, разразившись в момент появления признаков несчастья, она ускорит и завершит падение и станет огромным средством воздействия на общественное мнение.

Ни один человек никогда не подвергался столь яростной критике и столь многочисленным оскорблениям, как Наполеон. Ни один человек не был объектом столь многих памфлетов, клеветнических заявлений, ложных утверждений и персонажем такого числа гнусных и абсурдных историй. Иначе и не могло быть. Наполеон — выходец из народа, поднявшийся к вершине известности, он возглавил революцию, которую сам же и сделал цивилизованной; он был ввергнут двумя этими обстоятельствами в смертельную схватку со всей остальной Европой — в схватку, в ходе которой он потерпел поражение только потому, что хотел слишком быстро закончить её. Наполеон — гений, известный силой своего характера, чья власть покорила соседние страны, но оказалась временной. В нём есть черты и всемирного монарха, и римского консула Гая Мария в глазах аристократов Европы, и римского полководца Суллы для демагогов, и Цезаря для республиканцев. Наполеон не мог не вызывать настоящего урагана противоречивых чувств в отношении своей личности — и в своём отечестве, и за границей.

В каждой стране отчаяние, политика и ненависть делали из него объект отвращения и страха. Не стоит удивляться тому, что говорилось о нём: скорее, странно, что клевета не распространилась ещё шире, давая свои результаты. Находясь на вершине власти, Наполеон никогда и никому не разрешал отвечать на выпады в свой адрес. «Усилия, потраченные на такие ответы, — пояснял он, — только придали бы дополнительный вес тем обвинениям, которые эти ответы должны были опровергнуть. Стали бы говорить, что всё, что написано в мою защиту, сделано по приказу и оплачено. Неумелое

восхваление моей особы теми, кто окружал меня, в некоторых случаях наносило мне бóльший ущерб, чем все оскорбления, которым я подвергался. Самым убедительным ответом являются факты. Прекрасный памятник, ещё один хороший закон или новая победа достаточны для того, чтобы свести на нет эффект многих тысяч лживых заявлений. Слова уходят, а деяния остаются!»

Это, бесспорно, верно, когда дело касается потомков. Образы великих людей прошлого передаются из поколения в поколение свободными от преходящих обвинений их современников. Но не так обстоит дело во время жизни человека, ставшего исторической личностью, и в 1814 году Наполеон на собственном жестоком опыте убедился в том, что даже подвиги могут быть вычеркнуты из памяти под натиском неистовых обвинений. Во время падения на него буквально обрушился поток оскорблений. Но ему, чья жизнь так богата удивительными событиями, было дано отразить этот враждебный удар судьбы и почти сразу же во всём блеске восстать из руин. Его чудесное возвращение, состоявшееся в 1815 году, беспрецедентно по своим результатам. Порыв чувств, вызвавший к жизни это возвращение, затронул соседние страны, где молившиеся о его успехе делали это открыто или втайне; и он, который в 1814 году потерпел поражение и подвергся преследованиям, причём его считали бичом рода человеческого, неожиданно возродился через год и стал надеждой.

В этом случае клевета и ложь потеряли свою жертву, промахнувшись мимо цели. Человеческий здравый смысл справедлив к Наполеону, и теперь всем тем оскорблениям, которыми его осыпали, уже не было веры. «Яд уже не действовал на Митридат⁷, — сказал на днях Наполеон, просматривая некоторые клеветнические публикации, направленные против него, — и начиная с 1814 года клевета не может принести мне вред».

Когда император находился на вершине власти, Англия играла главную роль во всеобщем хоре озлобленности в его адрес.

В Англии в полной мере применялись два способа распространения клеветы против Наполеона: один из них использовали эмигранты, для которых ничто не было слишком плохим, а второй находился под контролем английских министров, которые полностью освоили систему клеветы и регулярно приводили её в действие. Во всех концах Европы они содержали писак и клеветников, каждому из них были определены задачи; всем им регулярно направлялись планы работ, а точнее — планы выпадов против Наполеона.

Наиболее активно английский кабинет министров вёл эту работу на территории собственной страны. Англичане, которые были более свободными и просвещёнными, чем население других стран, нужда-

лись в сенсациях соответствующего свойства. Благодаря этой системе английские министры извлекали двойную пользу — во-первых, настраивая общественное мнение страны против общего врага и, во-вторых, отвлекая внимание от собственного поведения. Они пытались направить народное возмущение в сторону политики других стран и не допустить того, чтобы их собственные деяния стали предметом расследований и упрёков, что, естественно, было бы для них неприятно. Примерами подобных деяний могут служить убийство императора Павла в Санкт-Петербурге и наших послов в Персии, захват силой ирландского политического деятеля Наппера Танди в вольном городе Гамбурге, пленение в мирное время двух испанских фрегатов, нёсших сокровища, овладение всей Индией, удержание у себя, в нарушение договоров, Мальты и мыса Доброй Надежды, макиавеллиевский разрыв соглашения в Амьене, нечестный захват наших кораблей до нового объявления войны, хладнокровный и вероломный захват датского флота, и т.д. и т.п. Все эти агрессивные действия не были осуждены в Англии из-за того, что весь гнев был искусственно направлен против иностранной державы.

Для того чтобы составить справедливое мнение об обвинениях, которыми Наполеон был буквально завален, следует учитывать все обстоятельства того времени, необходимо с презрением отвергнуть всё то, что является недостоверным, анонимным и чисто риторическим, строго придерживаться фактов и доказательств, которые, несомненно, были доступны тем, которые, после победы над врагом, стали обладать подлинными документами, архивами государственных учреждений и судов, — то есть теми источниками истины, которые обычно можно обнаружить в обществе. Но ничего не было опубликовано, ничего не было предложено к обсуждению. И сколько же чудовищной лжи обрушивается на головы простых людей! Необходимо по-прежнему быть строго беспристрастными, если мы хотим судить Наполеона, сравнивая его с великими людьми, находившимися в аналогичных обстоятельствах, иными словами, с основателями династий или с теми, кто сошёл с трона в результате насилия и народных волнений. Тогда можно будет с уверенностью сказать, что равных ему нет и звезда его ярче других светил. Было бы потерей времени перечислять бесчисленные примеры из древней и современной истории: они доступны всем. Ограничимся ссылками на примеры из истории двух стран.

Сражался ли Наполеон, подобно Гуго Капету, против своего монарха? Заставил ли он его умереть в неволе?

Действовал ли Наполеон подобно принцам нынешнего правящего дома герцогства Брауншвейг, которые в 1715-м и в 1745-м годах отправили на эшафот великое множество жертв? Нынешние английские

министры, в соответствии со своей непоследовательной политикой и исповедуемыми в настоящее время принципами, называют жертв тех трагедий не иначе как верными подданными, умиравшими за своего законного монарха.

Путь, которым Наполеон шёл к верховной власти, совершенно прост и естественен, он единственный в своём роде во всей истории; сами обстоятельства восхождения Наполеона к трону делают это восхождение беспримерным. «Я не узурпировал корону, — заявил он однажды в Государственном совете, — я вытащил её из болота; народ водрузил её на мою голову, — так давайте же уважать деяния народа!»

Став императором, Наполеон вернул Францию на её место в европейском сообществе, положил конец её ужасам и возродил её характер. Он освободил нас от всех зол нашего рокового кризиса и сберёг для нас все преимущества, полученные в результате этой революции. «Я взошёл на трон, не запятнанный ни одним преступлением, связанным с моим именем, — как-то заявил он. — Кто из основателей династий может гордиться тем же самым?»

Никогда в течение любого периода нашей истории почести не распределялись так справедливо, никогда заслуги человека не определялись и не вознаграждались, невзирая на его происхождение и на его положение в обществе, никогда государственные деньги не расходовались с такой пользой, никогда различные виды искусства и науки так не поощрялись и никогда слава страны не достигала таких вершин. «Моё желание состоит в том, — заявил Наполеон однажды Государственному совету, — чтобы звание француза было лучшим и наиболее желанным на свете, чтобы француз, путешествующий в любой части Европы, мог думать и считать, что он находится дома».

Если свобода изредка подвергалась посягательствам, если власть иногда выходила за пределы своих полномочий, это было необходимо и неизбежно в сложившихся обстоятельствах. Наши нынешние беды заставили нас, хотя и слишком поздно, осознать эту истину; сейчас мы справедливо отдаём должное мужеству, здравому смыслу и предусмотрительности, которые тогда диктовали необходимость таких шагов. Несомненно, что в этом отношении политическое падение Наполеона значительно повысило его влияние. Кто теперь может сомневаться в том, что его беды лишь беспредельно увеличили славу и блеск его личности?

Если книги, попавшиеся мне на глаза, представят какие-либо материалы, связанные с этими общими рассуждениями, то они станут объектом моего особого внимания. Я не намерен вступать в политическую полемику; я не буду обращаться к приверженцам

политических партий и группировок, мнения которых основаны на их личных интересах и пристрастиях; я обращаюсь только к хладнокровным друзьям истины или к беспристрастному писателю, который в будущем сможет найти нужные ему факты. Я обращаюсь только к ним одним; в их глазах моё свидетельство будет превосходить анонимные рассуждения и встанет в один ряд с теми исследованиями, которые несут на себе печать достоверности.

Первая книга, которую я просмотрел, испытывая к ней презрение, была «Антигалльский», о ней я буду говорить ниже.

Наше времяпрепровождение

19 — 22 сентября 1815 года

Мы продолжали держаться нашего курса — с тем же ветром, с тем же небом и с той же температурой воздуха. Плавание было монотонным, но приятным; прошло много дней, но занятие новой работой способствовало тому, что время проходило незаметно. Император начал регулярно диктовать мне свои мемуары «Военные кампании в Италии». Я уже написал ряд глав. В течение первых нескольких дней император наблюдал за моей работой с явным безразличием, но регулярность и быстрота представления выполненных ежедневных заданий, а также заметный прогресс в нашей работе вскоре повысили его интерес к ней, и, в конце концов, удовольствие, которое он получал от своей диктовки, сделало её абсолютно необходимой для него. Он взял за правило посылать за мной каждое утро примерно в одиннадцать часов и, судя по всему, с нетерпением ожидал этого часа. Я всегда прочитывал ему всё то, что он мне надиктовал накануне, и он, после внесения исправлений, продолжал диктовать дальше. Таким образом проходило время до четырёх часов дня, когда он вызывал своего камердинера. Затем он следовал в офицерскую кают-компанию и до обеда находился за карточным столом, играя в пикет или в шахматы.

Император диктовал очень быстро, почти так же, как говорил в обычной беседе, поэтому я был вынужден изобрести нечто вроде новой письменности иероглифами. После четырёх часов я, в свою очередь, диктовал записанный текст моему сыну. Я был очень рад, что мог записать почти буквально каждое предложение, продиктованное Наполеоном. Теперь у меня не было ни одной свободной минуты; когда наступало время обеда, ко мне обязательно кто-нибудь заходил и сообщал, что все уже собрались за обеденным столом. К счастью, моё место было рядом с дверями, которые всегда

были открыты. Я недавно поменял место за столом по просьбе капитана Росса, командира корабля, который, поскольку он не говорил по-французски, пользовался возможностью иногда спрашивать у меня значения слов; поэтому я занял место между ним и гофмаршалом. Капитан Росс, человек с приятными манерами, был исключительно добр и внимателен к нам. Я научился, в соответствии с английским обычаем, приглашать его брать бокал вина, выпивая при этом свой бокал за здоровье его жены, а он затем выпивал свой бокал за здоровье моей; это стало нашей ежедневной привычкой.

После обеда император никогда не забывал напомнить о своей утренней диктовке, словно он был рад этому занятию и оно доставляло ему удовольствие. В этих случаях, а также всякий раз, когда он встречал меня в течение дня, он обычно шутивым тоном обращался ко мне со словами: «А! Учёный муж Лас-Каз! Знаменитый мемуарист! Де Сюллё острова Святой Елены. — Были и другие подобные обращения ко мне. Затем император обычно добавлял: — Мой дорогой Лас-Каз, эти мемуары будут так же знамениты, как и другие, которые предшествовали этим. Вы останетесь в памяти людей мемуаристом. Нельзя будет рассуждать о великих событиях нашего времени или писать обо мне, не ссылаясь на вас. — Затем, вновь переходя на шутивый тон, добавлял: — В конце концов будут говорить: “Он, должно быть, хорошо знал Наполеона, он был его государственным советником, его камергером, его верным товарищем. Мы не можем не верить ему, ибо он был честным человеком, неспособным к обману”».

Неожиданный феномен — Пересечение экватора — Крещение

23 — 25 сентября 1815 года

К нашему большому удивлению, западный ветер всё ещё продолжал дуть; для этих мест это было в некотором роде необычное явление, и пока оно было нам на пользу. Но, если говорить о феноменах, то 23 сентября нам представился шанс быть свидетелем редчайшего явления: мы пересекли экватор в районе 0 градусов широты, 0 градусов долготы и 0 градусов деклинации. Для желающего стать свидетелем такого феномена есть только один шанс в столетие, поскольку для этого необходимо прибыть к первому меридиану точно в полдень и в тот же час пересечь экватор (всё это вместе с солнцем).

Для команды корабля это был день безудержного веселья и беспорядка: в такой день проводится церемония, которую наши моряки называют *Крещением*, а английские моряки — *Великим Днём Бритыи*. В этот день моряки одеваются в самой гротескной манере, один из них изображает Нептуна, а все находящиеся на борту корабля, которые ранее не пересекали экватор, должны быть официально представлены Нептуну; их щёки смазываются дёгтем (вместо мыльной пены), и по ним проводят громадной бутафорской бритвой; на них выливаются вёдра воды, после чего под дружный взрыв смеха они спасаются бегством, завершая церемонию своего крещения. Никто не освобождается от этой церемонии, и обычно офицерам достаётся больше, чем самым низшим по званию матросам. Адмирал, которому ранее доставляло удовольствие запугивать нас этой ужасной церемонией, очень любезно избавил нас от неудобств и насмешек, обычно сопровождающих её. Нас с большим вниманием и уважением представили дикому властителю морей, который каждому из нас сделал отдельный комплимент, и на этом наши злоключения закончились.

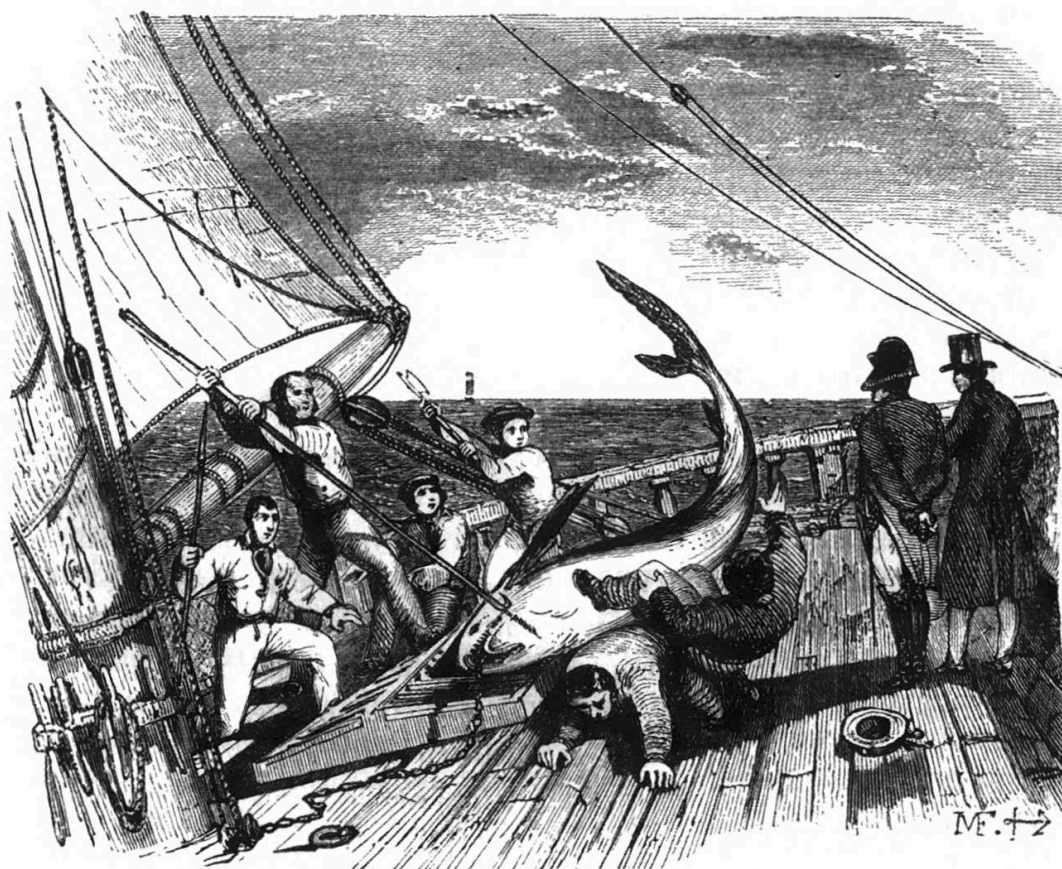
Во время всей этой вакханалии к императору отнеслись с особым уважением, хотя обычно уважение никому не оказывается. Когда ему сообщили, что в отношении него будут приняты все меры по соблюдению приличий, он дал указание выдать гротескному Нептуну и его команде сто луидоров, хотя адмирал возражал против этого — вероятно, из соображений бережливости и вежливости.

Книга «Антигалльский» — Книги сэра Роберта
Вильсона — Чума в Яффе — Французская армия
в Египте — Бертье — Осада крепости Сен-Жан д'Акр —
Репутация французской армии на Востоке —
Английская экспедиция — Клебер и Дезэ

26 — 30 сентября 1815 года

Погода остаётся благоприятной. Пройдя экватор, мы ожидали, что немедленно встретимся с восточным или юго-восточным ветром. Продолжительность западного ветра была необычной; нельзя было предполагать, что он ещё продлится. Принятое адмиралом решение держаться ближе к востоку благоприятно сказывалось на нашем положении, и у нас были все основания надеяться на скорое прибытие к месту назначения.

Однажды днём матросы поймали громадную акулу. Император поинтересовался причиной сильного шума и большой суматохи,

которые он услышал над головой в своей каюте; когда ему сообщили о том, что случилось, он выразил желание посмотреть на морское чудовище. Он поднялся на полуют и слишком близко подошёл к акуле, которая вдруг резким движением сбила с ног четверых или пятерых матросов и чуть было не сломала ноги императору. Он спустился в каюту, и его левый чулок был весь в крови; мы решили, что император серьёзно ранен, но оказалось, что это кровь акулы.

Мои труды продвигаются очень хорошо. Первая книга, «Анти-галльский», которую я стал читать, представляет собой увесистый том в пятьсот страниц и включает в себя всё, что было написано в Англии в то время, когда эта страна находилась под угрозой французского вторжения. Английское правительство поставило перед собой цель придать сопротивлению этой попытке общенациональный характер и поднять всю страну на борьбу против опасного врага. В книге собраны речи государственных деятелей, призывы, патриотические обращения граждан, сатирические песни, полные сарказма публикации, газетные статьи, приукрашенные ложью; всё вместе это представляет собой поток ненависти и насмешек в отношении французов и их Первого консула, мужество, гений и сила которого

вызывали в Англии огромную тревогу. Это вполне естественно и допустимо. Продукция такого рода подобна дождю стрел, пущенных воюющими сторонами до того, как они сходятся в ближнем бою: некоторые стрелы попадают в цель, другие уносятся ветром. Такие писания никогда не предоставят убедительных доказательств человеку, наделённому здравым смыслом, и они едва ли заслуживают опровержения.

На памфлетистов не стоит обращать внимания, потому что их репутация является противоядием их яда; не так обстоит дело с историком. Последний, однако, опускается до уровня памфлетиста, когда теряет чувство собственного достоинства и отказывается от принципа непредвзятости, — поскольку то и другое необходимо для его творчества, — и вместо этого пускается в рассуждения, погружая перо в желчь.

С этими чувствами я встал из-за стола, внимательно прочитав работы сэра Роберта Вильсона, — уже после того, как ознакомился с содержанием книги «Антигалльский». Этот писатель нанёс нам большой вред, поскольку его способности, мужество, многогранная и блестящая служба на благо страны получили всеобщее признание его соотечественников. Одно обстоятельство, о котором я собираюсь рассказать, стало причиной того, что произведения сэра Роберта Вильсона получили особую известность и стали объектом многих разговоров на борту корабля.

Сын сэра Роберта был в числе юных гардемарин на борту «Нортумберленда», и мой сын, будучи их ровесником, часто общался с этими юношами и мог легко заметить изменение в их мнении о нас. Поначалу они относились к нам с большим предубеждением. Когда император вступил на борт корабля, они считали его людоедом, готовым их съесть. Но после того, как юные гардемарины ближе познакомились с нами, они убедились в ложности первоначальных представлений о нас, и это оказало на них такое же влияние, как и на всех остальных членов команды корабля. При этом досталось молодому Вильсону, который был высмеян своими товарищами, как они говорили, в искупление грехов его отца, распространявшего небылицы о Наполеоне.

Далее в рукописи несколько страниц вычеркнуто; причину этого автор объясняет так:

Из работ сэра Роберта Вильсона я выбрал многочисленные оскорбительные заявления, на которые ответил, возможно, с излишней резкостью; недавние события вынудили меня удалить эту часть работы из моего дневника.

Недавно сэр Роберт Вильсон сыграл заметную роль в одном деле, за что заслужил искреннюю благодарность тех, кто имел отношение

к этому: я имею в виду спасение жизни Лавалетта. Когда сэра Роберта Вильсона спросили перед французским трибуналом: разве он раньше не публиковал работы, касавшиеся положения дел во Франции? — он ответил утвердительно, но добавил при этом, что в них он делал заявления, которые тогда считал правдивыми. Эти слова имеют гораздо большее значение, чем всё то, что я мог бы сказать, поэтому я спешу зачеркнуть написанное; таким образом, я счастлив отдать должное сэру Роберту Вильсону, искренность и добрые намерения которого я в порыве чувства возмущения поставил под сомнение*.

Именно поэтому я отложил в сторону труды сэра Роберта Вильсона с различными обвинениями в наш адрес, которые в них содержались; я также изъяс из своего дневника многочисленные опровержения этих обвинений, которые я тщательно составлял. Я останавлиюсь лишь на одном случае, о котором говорилось в сотне различных публикаций. Отчёт о нём был распространён по всей Европе и даже удостоился похвалы во Франции. Я имею в виду отравление солдат, заражённых чумой в Яффе. Несомненно, никакой другой случай не

* После того как меня выслали из Лонгвуда, губернатор Святой Елены Хадсон Лоу, который конфисковал все мои бумаги, просмотрел с моего разрешения и этот дневник. Он, конечно, прочитал и те страницы, которые ему очень не понравились, поскольку касались лично его; в связи с этим он сказал мне: «Ну и хорошенькое же наследство вы готовите для моих детей, граф!» — «Это не моя вина, — ответил я, — только от вас зависит сделать его другим; я был бы рад иметь основания вычеркнуть всё, что касается вас, как я уже сделал это однажды в отношении сэра Роберта Вильсона». В связи с этим он спросил меня, что же я написал о сэре Роберте, и я показал ему соответствующее место в дневнике. Прочитав то, что было написано, а также мои объяснения причин, в силу которых я зачеркнул строки о сэре Вильсоне, он заявил с задумчивым и мрачным видом: «Да, я понимаю, но я не могу понять, что заставило его пойти на это, ибо я хорошо знаю Вильсона, и он проявлял себя как близкий друг Бурбонов».

Мы прыгали от радости, когда узнали о спасении Лавалетта. Кто-то поинтересовался, как мог Вильсон, его спаситель, написать столько оскорбительных вещей об императоре. «А почему бы и нет? — сказал Наполеон. — Вы мало знаете людей и те чувства, которые руководят ими. Что заставляет вас предполагать, что сэр Роберт Вильсон не является человеком, которому присущи энтузиазм и бурные страсти, человеком, писавшим то, что он считал тогда правдой? Когда мы были врагами, мы сражались друг против друга; но теперь, когда мы находимся в бедственном положении, он стал знать больше и понимать лучше. Он мог быть введён в заблуждение, его могли обмануть, и он может сожалеть об этом; и он, возможно, теперь так же искренен, желая нам всего хорошего, как и раньше, когда старался навредить нам».

То ли дальновидность, то ли счастливая случайность привела императора к этому заключению, которое показывает, что он был в состоянии понять характер другого человека на расстоянии. Сэр Роберт Вильсон в самом деле был тем человеком, который писал сочинения, направленные против Наполеона. Огорчённый при виде того, как великому народу отказывают в уважении его национальных прав, он осудил союзников так же резко, как если бы они заковали в цепи его самого. И никто так сильно, как Вильсон, не выразил своего возмущения по поводу плохого обращения с Наполеоном, никто так горячо не высказал желания положить конец такому обращению.

показал столь ясно, как легко клевета может достигнуть своей цели. Если голос клеветы дерзок и могуч и может командовать многочисленными подпевалами, то — независимо от того, до какой степени искажаются факты, теряются здравый смысл и правдоподобие, — желаемый результат будет получен.

Генерал, национальный герой, великий человек, до этого пользовавшийся благосклонностью фортуны и уважением человечества, привлекавший внимание трёх четвертей населения Земного шара, вызывавший восхищение даже у врагов, был обвинён в совершении неслыханного и беспримерного преступления — бесчеловечного, зверского и жестокого поступка; и что самое удивительное — у него не могло быть какой-либо определённой цели совершить это преступление. Были придуманы самые абсурдные подробности, самые неправдоподобные обстоятельства и самые нелепые эпизоды, чтобы приукрасить эту ложь. Вся история этого дела была немедленно распространена по Европе; недоброжелательность подхватила её и преувеличила её чудовищность; эта история была опубликована в каждой газете, нашла место в книгах и с того времени она стала рассматриваться как установленный факт; негодование достигло своего пика, и возмущение стало всеобщим. Напрасно было разубеждать кого-либо, или пытаться сдержать поток лжи, или объяснять, что никаких доказательств факта приведено не было и что распространяемая история дела противоречит сама себе. Бесполезно было приводить противоположные и неопровержимые свидетельства — свидетельства тех самых медиков, которые, как говорили, давали или отказывались давать яд больным. Бесполезно было опровергать бессмысленные обвинения в отсутствии гуманности у человека, который совсем недавно прославил госпитали Яффы поступком величественного героизма: поставив под угрозу собственную жизнь, он дотрагивался до солдат, заражённых чумой, чтобы ввести в заблуждение и успокоить больных людей. Напрасно было утверждать, что мысль о подобном преступлении не может быть приписана человеку, который вёл себя следующим образом: когда он советовался с военными врачами о необходимости сожжения одежды больных или стирки этой одежды и врачи напомнили ему о громадных материальных потерях в случае сожжения одежды, он ответил им: «Господа, я прибыл сюда для того, чтобы обратить внимание Европы на центр Древнего мира и напомнить ей о его значении для неё, а не для того, чтобы заниматься накоплением богатств». Бесполезно объяснять, что у этого «преступления» не было никакой цели и никакого мотива. Разве у французского генерала была какая-либо причина вынашивать замысел о том, чтобы травить своих больных и тем самым превращать их в своих врагов? Разве он надеялся, что при

помощи этого варварского поступка полностью избавиться от заразы? Он мог бы с равным успехом достигнуть этой цели, бросив своих больных в госпитале, чтобы их захватили вражеские войска, что, кстати, стало бы средством для распространения чумной заразы среди противника. Бесполезно объяснять, что бесчувственный и эгоистичный командующий армией мог бы избавиться от всех затруднений, всего лишь бросив на произвол судьбы несчастных солдат; правда, в этом случае вражеские войска их бы зверски убили, но зато никто и никогда не подумал бы упрекать его.

Эти и другие аргументы напрасны и бесполезны, настолько могущественными и надёжными являются средства клеветы, когда разбуженные людские страсти способствуют её распространению. История о придуманном преступлении передавалась из уст в уста, возбуждая сердца, и для большей части человечества она, вероятно, навсегда останется несомненным и неоспоримым фактом.

Есть одно обстоятельство, которое будет немалым сюрпризом для тех, кому ещё предстоит узнать о том, что не следует доверять всем публикациям подряд, и которое послужит примером того, как ошибки «вползают» в историю: маршал Бертран, который сам находился в армии в Египте (хотя, конечно, не в том ранге, который позволял бы ему иметь непосредственный контакт с главнокомандующим), твёрдо верил в то, что смертельный яд был дан шестидесяти больным, пока не оказался на острове Святой Елены. История об этом событии распространялась, и ей верили даже в нашей армии; поэтому какой ответ можно было бы дать тем, кто торжественно заявлял: «Я заверяю вас, что это действительный факт, — я слышал о нём от офицеров, которые в то время служили во французской армии»?

Тем не менее, вся эта история является лживой. Я собрал следующие факты, узнав их от самого главного источника — Наполеона.

Во-первых, количество больных, которые были заражены чумой, равнялось, в соответствии с докладом, сделанным главнокомандующему, только семи.

Во-вторых, это не главнокомандующий армией, а врач, медицинский профессионал, в момент кризиса предложил дать больным опиум.

В-третьих, опиум не давался ни одному из больных.

В-четвёртых, отступление проводилось медленно, арьергард был оставлен в Яффе на три дня.

В-пятых, когда город покидал арьергард, все больные уже скончались, за исключением одного или двух, которые попали в руки англичан.

Добавление. После моего возвращения в Париж я получил возможность разговаривать с теми людьми, чьё положение и профессия

делали их главными действующими лицами этой истории, то есть с теми людьми, свидетельства которых следует рассматривать как официальные и достоверные. Используя эту возможность, я расспрашивал их о мельчайших подробностях дела об отравлении солдат. Ниже приводится результат моих исследований.

Обычные больные, а точнее, раненые, были все без исключения вывезены из госпиталей под присмотром главного врача армии. Для этой цели использовались лошади штаба армии, включая и лошадей главнокомандующего, который, как и вся армия, значительное расстояние прошёл пешком. Таким образом, об этих больных позаботились.

Что же касается остальных больных, примерно двадцати человек, находившихся в ведении главного врача армии и оказавшихся в отчаянном положении, — поскольку в то время, когда враг приближался к городу, их состояние абсолютно не позволяло вывезти их из госпиталя, — то Наполеон спросил главного врача армии, считает ли тот возможным дать больным чумой опиум и будет ли это рассматриваться как акт гуманности. Верно и то, что врач ответил Наполеону, что его дело — лечить, а не убивать. Этот ответ, судя по всему, и стал основой клеветы и лжи, получивших затем широкое распространение.

Наконец, подробности, которые я смог узнать, позволили мне установить следующие бесспорные факты.

Во-первых, не было никакого приказа давать больным опиум.

Во-вторых, в рассматриваемый период в медицинских аптечках армии не было ни одного грамма опиума, который мог бы быть использован для больных.

В-третьих, даже если бы и был отдан приказ и даже если бы в армии были запасы опиума, то в сложившихся тогда обстоятельствах, перечислять которые утомительно, исполнение приказа было бы невозможным.

Следующие обстоятельства, возможно, послужили причиной, а также, вероятно, в какой-то степени и оправданием ошибок тех, кто упрямо отстаивал правоту «фактов», противоречивших действительности. Некоторые из наших раненых солдат, посаженных на борт корабля, попали в руки англичан. В лагере французской армии в Египте ощущалась большая нехватка всякого рода лекарств, и мы восполняли этот дефицит за счёт натуральных средств, используя для этого местные деревья и растения. Некоторые подобные лекарства имели ужасный вкус и вид. Пленники, то ли с целью вызвать жалость, то ли узнав об истории с опиумом, поверить которой их заставили качества лекарств, имевшихся во французском лагере, сообщили англичанам, что они чудом избежали смерти после принятия яда, прописанного им военными врачами.

Мы достаточно сказали о больных, которые находились под приглядом главного врача армии.

Теперь скажем о другом. Во французской армии в Египте в качестве главного аптекаря находился негодяй, которому было позволено использовать пять верблюдов для перевозки из Каира необходимого для экспедиции количества лекарств. Этот человек был настолько подлым, что вместо лекарств для армии закупал сахар, кофе, вина и другие продукты, которые затем продавал, получая баснословную прибыль. Когда его мошенничество было раскрыто, возмущение главнокомандующего не знало границ, и преступник был приговорён к расстрелу; но все военные врачи, которые пользовались большим уважением за своё мужество и чей внимательный уход за больными и ранеными сделал их всеобщими любимцами в армии, обратились к Наполеону с просьбой о помиловании негодяя, утверждая, что честь всего медицинского состава армии будет скомпрометирована его наказанием; таким образом преступник избежал смерти. Некоторое время спустя, когда англичане овладели Каиром, этот человек перешёл на их сторону и стал на них работать; но, снова пустившись в рискованные предприятия, он был арестован и приговорён к виселице. Однако ему вновь удалось избежать смерти, когда он оклеветал главнокомандующего, о котором придумал массу ужасных историй, — он выдал себя за того самого человека, который по приказу генерала давал опиум солдатам, заражённым чумой. Его помилование было вознаграждением за эти клеветнические заявления.

Время полностью опровергло эту абсурдную клевету, так же как и многие другие небылицы, направленные на достижение одной

и той же определённой цели, причём с такой быстротой, что, вновь просматривая мой дневник, я был удивлён важностью, придаваемой мною необходимости опровержения обвинения, которое в настоящее время никто не посмел бы поддерживать. Всё же я посчитал, что лучше сохранить то, что я написал, как свидетельство восприятия событий в соответствующий момент времени; и если я сейчас добавил некоторые новые подробности, то только потому, что они были у меня под рукой, и я решил, что важно записать их как исторические факты.

Сэр Роберт Вильсон в своей книге с видимым самодовольством хвалится, что он был первым, кто раскопал эту историю и принял меры для распространения крайне негативных обвинений в Европе. Его соотечественник, сэр Сидней Смит, может, вероятно, оспаривать у него эту честь ещё и потому, что он даже в большей мере претендует на заслугу в сочинении этой истории. Европа обязана ему лживыми слухами, которые наводнили её во вред нашей храброй армии в Египте. Эти слухи были порождены системой искажения фактов, которую Смит поощрял.

Хорошо известно, что сэр Сидней Смит делал всё возможное, чтобы подвергнуть нашу армию моральному разложению. Фальшивые разведывательные данные из Европы, стремление оклеветать главнокомандующего французской армией в Египте, крупные взятки, предлагавшиеся нашим офицерам и солдатам, — всё это делалось с его одобрения; документы на этот счёт опубликованы, его воззвания известны. Одно время они вызывали такое раздражение французского генерала, что вынудили его искать способ положить им конец. Что он и сделал, запретив любые контакты с англичанами и заявив в очередном ежедневном приказе, что командующий соединением английских кораблей у берегов Египта просто сошёл с ума. Этому утверждению поверили во французской армии, и оно настолько разъярило сэра Сиднея Смита, что он направил Наполеону вызов на дуэль. Генерал ответил, что он занят слишком важными делами, чтобы тратить время на такие пустяки; если бы он получил вызов на дуэль от великого Мальборо, тогда, конечно, он с достоинством бы принял его, но если английский моряк действительно желает позабавиться старым добрым рыцарским поединком, когда противники в шлемах и в боевых доспехах стремятся копьём сбросить друг друга с лошади, то он готов послать ему кого-нибудь из своей армии и выделить нейтральную полосу шириной в несколько метров на берегу моря, чтобы сумасшедший английский коммодор мог бы, сойдя с корабля, насладиться рыцарским поединком с французом.

Поскольку сейчас я занимаюсь темой Египта, то в этом дневнике приведу информацию, которую собрал во время бесед с императором и которую, скорее всего, нельзя будет найти в мемуарах «Кампания в Египте», продиктованных Наполеоном гофмаршалу.

Кампания в Италии дала самые блестящие и решительные результаты, которых когда-либо добивались военный гений и военная концепция. В одном человеке сочетались удивительные таланты полководца, дипломата, законодателя и административные способности. Молодой генерал обрёл непререкаемую власть, и это стало потрясающим итогом событий. Анархия равенства, республиканские принципы — всё исчезло перед ним. Директория правила лишь формально, и её власть выглядела нелепо. Она не требовала никаких отчётов от главнокомандующего армией в Италии, — он сам решал, посылать их Директории или нет; никакого плана, никакой системы действий ему не предписывалось, но от него Директория регулярно получала отчёты о победах и о заключении перемирий, о ликвидации старых государств на территории Италии и о создании новых.

Способности главнокомандующего армией, проявленные в Италии, теперь проверялись в новых обстоятельствах, в стране с иными условиями жизни. Климат Египта, жители этой страны, их религия и нормы поведения — всё было непривычным. В этой кампании применялись методы ведения войны, отличные от методов ведения войны в Европе. Внимательный наблюдатель отметит, что трудности различного рода способствовали новым проявлениям гениальности и изобретательности руководителя экспедиции.

Во-первых, экспедиция в Египет была предпринята в соответствии с искренними желаниями Директории и главнокомандующего армией.

Во-вторых, взятие Мальты не было следствием частного соглашения, но явилось результатом мудрости главнокомандующего. «Именно в Мантуе я взял Мальту, — однажды заявил император, — именно великодушное отношение к Вюрмсеру обеспечило мне покорность гроссмейстера Мальты и его рыцарей».

В-третьих, план завоевания Египта был разработан с большой тщательностью и осуществлён крайне искусно. Если бы крепость Сен-Жан д'Акр сдалась французской армии, то на Востоке вспыхнула бы революция, главнокомандующий создал бы там империю, и судьба Франции была бы иной.

В-четвёртых, когда французская армия вернулась после сирийской кампании, она практически не имела потерь; она осталась такой же могучей, способной добиваться новых успехов.

В-пятых, отъезд главнокомандующего во Францию был выполнением великого и благородного плана. Каким смехотворным представляется тупоумие тех, кто считал этот отъезд побегом или дезертирством!

В-шестых, Клебер пал жертвой мусульманского фанатизма. Нет ни малейшего основания для абсурдной клеветы, которая объясняет эту катастрофу политикой его предшественника или интригами его преемника.

В-седьмых, и это последнее, — достаточно убедительно доказано, что Египет навсегда остался бы провинцией Франции, если бы для его защиты был назначен более способный, чем Мену, руководитель; лишь колоссальные ошибки этого генерала стоили нам потери Египта.

Император сказал, что ни одна армия в мире не была морально хуже готова к экспедиции в Египет, чем французская армия в Италии. Трудно описать чувства раздражения, недовольства, уныния и отчаяния, охватившие армию, когда она прибыла в Египет. Император видел сам, как два драгуна вышли из рядов войска и бросились в воды Нила. Бертран был свидетелем того, как такие выдающиеся генералы, как Ланн и Мюрат, в приступе ярости бросили свои отделанные тесьмой шляпы в песок и стали топтать их в присутствии солдат. Император удивительно чётко объяснил проявление подобных чувств: «Эта армия имела всё, что сопутствует успеху, — заявил он. — Все, кто принадлежал к ней, были пресыщены богатством, званиями, наслаждениями и вниманием; они были негодны для пустынь и тягот Египта, и если бы эта армия не попала в мои руки, то трудно сказать, до каких крайностей она могла бы дойти».

В армии один за другим возникали заговоры, чтобы увести войска под знамёнами в Александрию или каким-то иным образом прекратить кампанию в Египте. Только авторитет, характер и слава генерала смогли сдержать войска. Однажды Наполеон, потеряв терпение, устремился к группе недовольных генералов и обратился к одному из них, отличавшемуся самым высоким ростом. «Вы занимались подстрекательством к мятежу, — гневно заявил он. — Не думайте, что, если ваш рост превышает шесть футов, это спасёт вас от расстрела через два часа».

Однако что касается действий французских войск во время схваток с врагом, то, как заявил император, эта армия никогда не переставала быть *Итальянской* армией: она по-прежнему сохраняла сильный характер. Труднее всего было справиться с группировкой в армии, которую Наполеон обычно называл *фракцией сентименталистов*: их было почти невозможно держать в узде; их разум помутнел; они

проводили ночь, глядя на луну — в надежде увидеть отражение образов своих идолов, которых они оставили в Европе. Во главе этой группировки был Бертье, который, когда главнокомандующий готовился к отплытию из Тулона, днём и ночью слал ему письма из Парижа, сообщая о том, что он нездоров и не может сопровождать Наполеона, хотя он был начальником штаба его армии. Главнокомандующий не обращал ни малейшего внимания на то, что Бертье писал и говорил. Тот более не мог находиться у ног своей возлюбленной, которая послала его в Тулон, считая это правильным поступком, и отправился в плавание вместе с Наполеоном. Прибыв в Египет, Бертье стал жертвой хандры и был не в состоянии подавить в своей душе нежные воспоминания о недавнем прошлом; он обратился с просьбой разрешить ему вернуться во Францию, и его просьба была удовлетворена. Он официально попрощался с Наполеоном, но вскоре вернулся к нему с глазами, полными слёз, заявив, что не станет позорить себя и не может отделить свою судьбу от судьбы своего генерала.

В отношении Бертье к своей возлюбленной был элемент идолопоклонства. К тенту, выделенному для него, он всегда пристраивал ещё одну палатку, которую обставлял с великолепием самого

элегантного будуара; там был портрет его любовницы, и Бертье иногда заходил столь далеко, что зажигал перед этим портретом ладан. Эту палатку он разбивал даже в пустынях Сирии. Наполеон говорил с улыбкой, что этот храм не раз осквернялся, когда в него тайно проникали туземные божества.

Бертье никогда не переставал быть пленником своей страсти, которая иногда доводила его до идиотизма. В первом отчёте о сражении при Маренго его адъютант, молодой Висконти, сын возлюбленной Бертье, который был всего лишь капитаном, упоминался пять или шесть раз. «Можно было подумать, — говорил Наполеон, — что сражение выиграл этот юнец!» Несомненно, главнокомандующий должен был бросить этот отчёт в лицо автора!

Император подсчитал, что обогатил Бертье в течение его жизни сорока миллионами, но предполагал, что из-за слабости характера Бертье, неправильного образа жизни и нелепой страсти тот промотал большую часть денег.

Недовольство, проявляемое войсками в Египте, к счастью, сопровождалось шутками: именно юмор всегда помогал французу переносить трудности. Солдаты были очень недовольны генералом

Каффарелли, которого считали одним из вдохновителей экспедиции в Египет. У Каффарелли была деревянная нога, — свою конечность он потерял на берегах Рейна, — и когда солдаты видели, как он ковыляет мимо них, то обычно говорили достаточно громко, чтобы он услышал: «Этому типу безразлично, что здесь происходит; в любом случае, у него одна нога во Франции».

Учёные, сопровождавшие экспедицию, также не избежали шуток в свой адрес. В Египте было множество ослов; почти у каждого солдата был один, а то и два осла, и солдаты обычно называли их *полуучёными*.

Главнокомандующий, покидая Францию, издал прокламацию, в которой сообщал войскам, что берёт их в страну, где сделает всех их богатыми, что каждый из них получит там шесть акров земли в своё распоряжение. Солдаты, оказавшись в самом центре пустыни, окружённые безграничным океаном песка, стали подвергать сомнению щедрость своего генерала: они решили, что он проявил исключительную сдержанность, пообещав только шесть акров. «Шутник, — говорили они, — он мог бы совершенно спокойно пообещать нам сколько угодно земли, но мы не должны злоупотреблять его добротой».

Когда армия проходила по Сирии, то не было солдата, который бы не повторял следующие строки из драмы Вольтера «Заира»:

Французы, утомясь, бороться перестали
За чуждые, судьбой им не данные дали;
Зачем им покидать зелёный край родной,
Чтоб изнывать в песках Аравии сухой?
(Перевод Г.А.Шенгели.)

Однажды главнокомандующий, имея немного свободного времени, решил ознакомиться с местностью и, воспользовавшись морским отливом, отправился на противоположный берег Красного моря. Когда он возвращался, то неожиданно для него наступили вечерние сумерки и начался морской прилив. Он оказался в большой опасности и чуть было не погиб — как фараон в давние времена. «Случись это, — заметил Наполеон, — все проповедники христианства получили бы прекрасный аргумент против меня». Добравшись до арабского берега Красного моря, он принял депутацию монахов с Синайской горы, которые пришли умолять его о покровительстве и просили его начертать своё имя в древней книге записей. Наполеон написал своё имя на том же листе, где были написаны имена Али, Саладина, Ибрагима⁸ и других! Вспоминая этот случай, император заметил, что в течение одного года он получил письма из Рима и из

Мекки; папа римский обращался к нему как к «дорогому сыну», а шериф, потомок Мухаммеда, величал его «покровителем священного храма Каабы в Мекке».

Однако это исключительное совпадение вряд ли является удивительным для Наполеона, который вёл свои армии и по раскалённым пескам тропиков, и по заснеженным степям Севера, который едва не был поглощён волнами Красного моря и едва не погиб в пламени пожара в Москве и который угрожал Индии с этих двух крайних точек Земного шара.

Главнокомандующий разделял усталость солдат. Лишения, переносимые всеми без исключения во французской армии, иногда были столь велики, что люди оспаривали друг у друга малейшие радости, которые им дарила жизнь, абсолютно невзирая на различия в армейских званиях. В пустыне солдаты доходили до таких крайностей, что с трудом уступали место генералу, чтобы позволить тому опустить руки в мутный ручей. Один раз, когда армия проходила через руины древнеегипетской крепости Пелузиум и все задыхались от жары, один солдат уступил Наполеону фрагмент двери, под которым главнокомандующий ухитрился на несколько минут спрятать

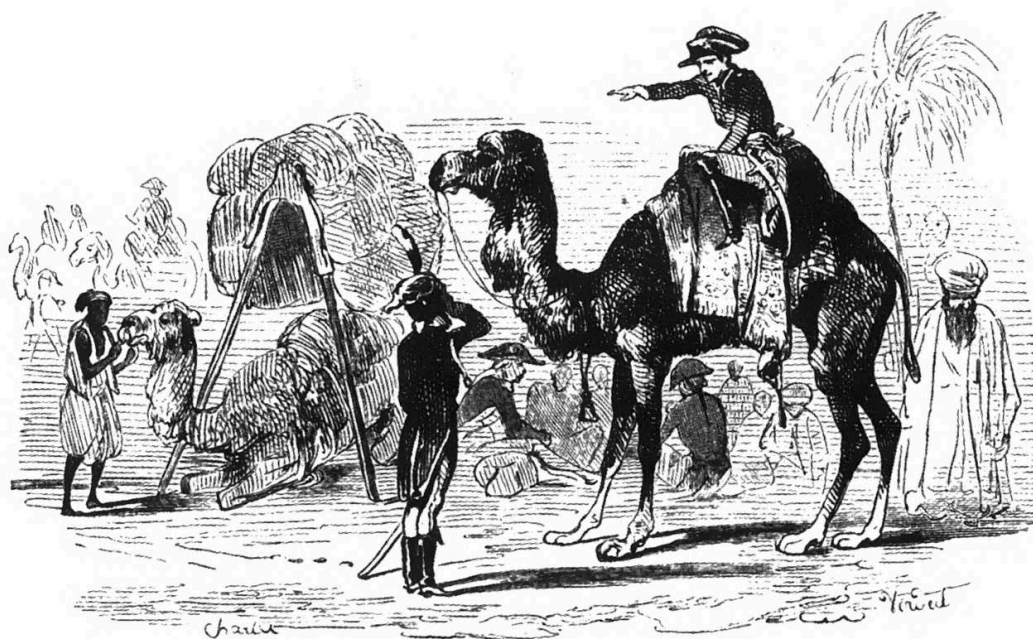

свою голову в тень. «И это не было, — подтвердил Наполеон, — малой уступкой». Именно на этом месте, когда он отодвигал несколько камней у своих ног, случай помог ему стать обладателем великолепного произведения античного искусства, хорошо известного в учёном мире*.

Следуя в Азию, французская армия должна была пересечь пустыню, которая отделяет этот континент от Африки. Клебер, командовавший авангардом, ошибся в выборе дороги и заблудился в пустыне. Наполеона, следовавшего за Клебером и отстававшего от него на расстояние половины длины суточного перехода, сопровождал небольшой эскорт. С наступлением вечера он неожиданно оказался в самом центре турецкого лагеря, — турки преследовали его по

* Камень Августа, всего лишь набросок, но прекрасно выполненный. Наполеон отдал камню генералу Андреосси, страстному коллекционеру античных произведений; но когда директор Лувра господин Денон увидел эту камею, он был поражён её сходством с Наполеоном. Камень была возвращена Наполеону. Впоследствии камеей стала владеть Жозефина. Господин Денон не знает, что потом стало с камеей. (Эти сведения были мне сообщены господином Деноном после моего возвращения во Францию.)

пятам, и Наполеону удалось избежать опасности только потому, что с приближением ночи преследователи стали подозревать, что их ожидает засада. Другой причиной беспокойства являлась неопределённая судьба Клебера и его отряда, и ночь была весьма тревожной. Наконец главнокомандующий получил информацию о Клебере от встреченных в пустыне арабов, и на дромадере поспешил на поиски своих подчинённых. Наполеон нашёл их в состоянии полного отчаяния и готовыми погибнуть от жажды и усталости; некоторые молодые солдаты в приступах безумия даже разбивали свои мушкеты. При виде своего генерала они словно возродились, и их надежды пробудились. Наполеон сообщил им, что за ним следует транспорт с запасами продовольствия и воды. «Но, — сказал он, обращаясь к отряду Клебера, — если бы подвоз припасов задержался, неужели это стало бы оправданием вашего отчаяния и потери мужества? Нет, солдаты, учитесь умирать с честью».

Для продвижения по пустыне Наполеон в основном использовал дромадера. Физическая выносливость этого животного позволяла не заботиться о нём: животное почти не пило и не ело. Но его чувствительность была чрезвычайной: грубое обращение вызывало у верблюда возмущение и приводило его в ярость. Император заметил, что неровный и быстрый шаг животного вызывает у наездника тошноту, подобную морской болезни во время плавания корабля. Верблюды могут проходить в день двадцать льё. Император сформировал несколько полков наездников на дромадерах, и их использование армией способствовало разгрому воинствующих арабов.

Наездник усаживается на спину дромадера и с помощью кольца, продетого сквозь ноздри животного, управляет им. Дромадер — очень послушное животное: по особому сигналу, подаваемому голосом наездника, оно становится на колени и позволяет наезднику спуститься на землю. Он может перевозить на себе очень тяжёлый груз, и его можно не разгружать на привалах. По прибытии на вечернюю стоянку груз подпирается стойками, животное ложится на землю и засыпает; с рассветом животное поднимается, груз вновь оказывается у него на спине, и оно готово продолжать путь. Дромадер является только вьючным животным и совершенно не годится в качестве рабочего скота. В Сирии, однако, местное население сумело впрячь верблюдов в ярмо и использовать их на полевых работах, тем самым значительно повысив их полезную отдачу.

Наполеон стал весьма популярен среди египтян, которые называли его Султаном Кебиром (Отцом Огня). Он вызывал особое уважение: где бы он ни появлялся, люди вставали в его присутствии; и это почтение оказывалось ему одному. Внимание, которое он оказывал шейхам, а также искусная политика помогли ему добиться их доверия и сделали настоящим правителем Египта. Его отношение к шейхам не раз спасало ему жизнь. За свою готовность разоблачать их несправедливые дела Наполеон мог стать жертвой фанатизма, как это случилось с Клебером, который, наоборот, вёл себя весьма вызывающе по отношению к шейхам и погиб из-за того, что приказал бить палками по пяткам одного из них. Бертран был одним из судей, вынесших приговор убийце Клебера. Однажды во время обеда, когда Бертран рассказывал об этой истории, император заметил: «Если бы клеветники, которые обвиняют меня в том, что я был причиной смерти Клебера, знали то, о чём вы рассказываете, то они бы без раздумья назвали вас убийцей или сообщником убийцы и, разумеется, посчитали бы, что титул гофмаршала и ваше пребывание на острове Святой Елены являются наградой и наказанием за преступление».

Наполеон охотно беседовал с простыми египтянами и всегда был справедлив, что вызывало у них восторг. Когда он возвращался из Сирии, навстречу ему вышло племя арабов, чтобы выразить ему своё уважение и оказать услугу в качестве проводников.

«Вождь племени был нездоров, и его место занял его сын, юноша такого же возраста и такого же роста, как и ваш сын сейчас, — рассказывал мне император. — Он сидел на дромадере и ехал рядом, разговаривая со мной весьма фамильярным тоном. “Султан Кебир, — обратился он ко мне, — когда вы вернётесь в Каир, то можете воспользоваться моим советом. — Ну что ж, говорите, мой друг, и если ваш совет будет хорош, то я действительно воспользуюсь им”. — “Я скажу вам, что бы я сделал, если бы был на вашем месте.

Вернувшись в Каир, я тут же приказал бы самым богатым купцам, торгующим рабами, собраться на базаре и выбрал бы для себя двадцать самых красивых женщин; затем я послал бы за самыми богатыми ювелирами и заставил их передать мне значительную часть их драгоценностей; то же самое я сделал бы и с другими купцами. Какая иначе польза от власти, от того, чтобы быть могущественным правителем, если не овладевать богатствами?" — "Но, мой друг, предположим, что было бы более благородно сохранить эти богатства для других". Это соображение, видимо, заставило юношу немного задуматься, но всё же не убедило его. Этот арабский юноша явно подавал надежды: он был полон жизни и выглядел мужественным. Он вёл за собой своё племя с достоинством, сохраняя в нём порядок. Возможно, ему суждено было на базаре в Каире последовать своему совету для собственной выгоды».

В другой раз несколько арабов, поддерживавших хорошие отношения с французской армией, проникли в пограничную деревню и там убили одного крестьянина. Наполеон был страшно разгневан и, поклявшись, что он отомстит, приказал выгнать всё племя в пустыню, обрекая его на вымирание. Этот приказ был отдан в присутствии главных шейхов, один из которых не мог удержаться от смеха при виде гневного лица Наполеона. «Султан Кебир, — обратился он к Наполеону, — сейчас вы играете с огнём. Не ссорьтесь с этим народом: они могут принести вам вред в десять раз больший, чем вы им. И, кроме того, о чём идёт речь? О том, что они убили несчастного крестьянина? Он кто, ваш двоюродный брат?» (обычная поговорка

в тех местах). — «Он был мне больше, чем двоюродный брат, — ответил Наполеон. — Все, кем я управляю, являются моими детьми: мне для того дана власть, чтобы я мог обеспечить их безопасность». Когда шейхи услышали эти слова, все они склонили головы и сказали: «Это замечательно! Вы говорите как Пророк».

Решение Великой мечети Каира в пользу французской армии было следствием дипломатического искусства главнокомандующего, который убедил совет главных шейхов публично объявить, что мусульмане должны подчиняться генералу и уважать его. Это первый и единственный пример подобного рода со времени создания Корана, который запрещает подчинение неверным.

Осада крепости Сен-Жан д'Акр, несомненно, явила собой исключительное зрелище, когда две враждующие европейские армии встретились у небольшого азиатского городка с одинаковой целью — обеспечить себе владение частью Африки; но ещё удивительнее то, что те, кто руководил усилиями каждой из сторон, были из одной и той же страны, одного возраста, одного звания, из одного рода войск и учились в одной и той же военной школе.

Фелиппо, талантам которого англичане и турки обязаны сохранением в своих руках крепости Сен-Жан д'Акр, был товарищем Наполеона в Парижской военной школе; они вместе сдавали экзамены,

прежде чем их направили в соответствующие армейские корпуса. «Его фигура напоминает вашу», — сказал мне император после того, как продиктовал кусок «Мемуаров», и рассказал про вред, который нанёс ему Фелиппо. «Сир, — ответил я, — есть немало общего между мною и Фелиппо; мы были близкими и неразлучными товарищами в военной школе. Когда Фелиппо находился в Лондоне вместе с сэром Сиднеем Смитом, который с его помощью сбежал из Тампля⁹, то он повсюду в городе искал меня. Я пришёл в его дом через тридцать минут после его отъезда; если бы не эта случайность, то я, вероятно, сопровождал бы его. В то время я ничем не был занят; перспектива приключения могла соблазнить меня, — и как могла измениться моя жизнь!»

«Мне хорошо известно, — заявил Наполеон, — то влияние, которое случай оказывает на принимаемые нами политические решения, и понимание этого всегда удерживало меня от предвзятого мнения и помогало быть снисходительным в отношении тех решений, которые принимают люди во время политических потрясений. Умение быть хорошим французом или желание быть таковым — это всё, что я ищу в любом из них.

Взять даже меня, — сказал он. — Как я осмеливался заявлять, что не может быть обстоятельств, которые вынудили бы меня эмигрировать? Такими обстоятельствами могут стать, например, близость границы, преданность другу или влияние непосредственного начальника. Во время революций мы можем говорить с уверенностью только о том, что сделали: глупо утверждать, что мы не могли поступить иначе».

Император привёл необычный пример влияния случая на судьбы людей. Серрюрье и Эдувилль, в то время, когда они пешком добирались до границы, чтобы эмигрировать в Испанию, были встречены военным патрулём. Эдувилль, который был моложе и энергичнее своего напарника, перешёл через границу. Он решил, что ему очень повезло, и влачил жалкое существование в Испании. Серрюрье, напротив, был вынужден вернуться обратно, сетовал на свою несчастливую судьбу, однако стал маршалом. Как ненадёжны человеческие расчёты на будущее!

Во время осады крепости Сен-Жан д'Акр главнокомандующий потерял Каффарелли, которого очень любил. Каффарелли испытывал к нему нечто вроде благоговейного уважения. Влияние этого чувства было столь огромным, что когда он в течение нескольких дней перед кончиной находился в бреду и Наполеон пришёл навестить его, то объявление имени главнокомандующего, казалось, вернуло Каффарелли к жизни: он стал более собранным, его душевное состояние улучшилось, и он связно разговаривал; но после ухода Наполеона

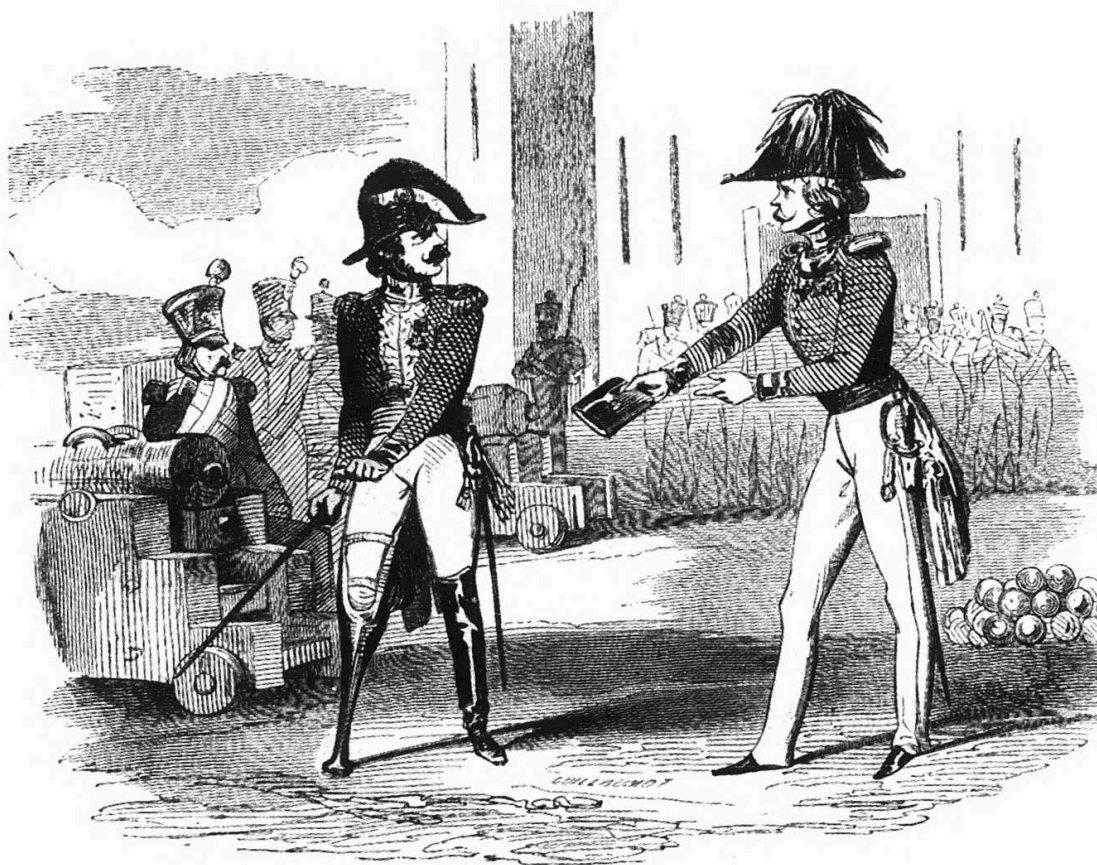
он сразу же впал в прежнее состояние. Этот феномен повторялся всякий раз, когда главнокомандующий наносил ему визит.

Во время осады Наполеон стал объектом проявления трогательной и героической преданности. Когда он находился в траншее, к его ногам упал снаряд; два гренадёра, увидев это, немедленно бросились к нему, поставили его между собой и, подняв руки над

его головой, полностью прикрыли всё его тело. К счастью, снаряд отнёсся с уважением ко всей группе: никто не пострадал.

Один из этих храбрых гренадёров стал генералом Доменилем, который потерял ногу в московской кампании и командовал крепостью Венсенн во время вторжения вражеских войск во Францию в 1814 году. Столица уже в течение нескольких недель была оккупирована союзниками, но Домениль по-прежнему отстаивал крепость. Тогда в Париже говорили о его мужестве и о его не лишённом юмора ответе русским, призывавшим его сдаться: «Отдайте мне обратно мою ногу, и я отдам вам мою крепость».

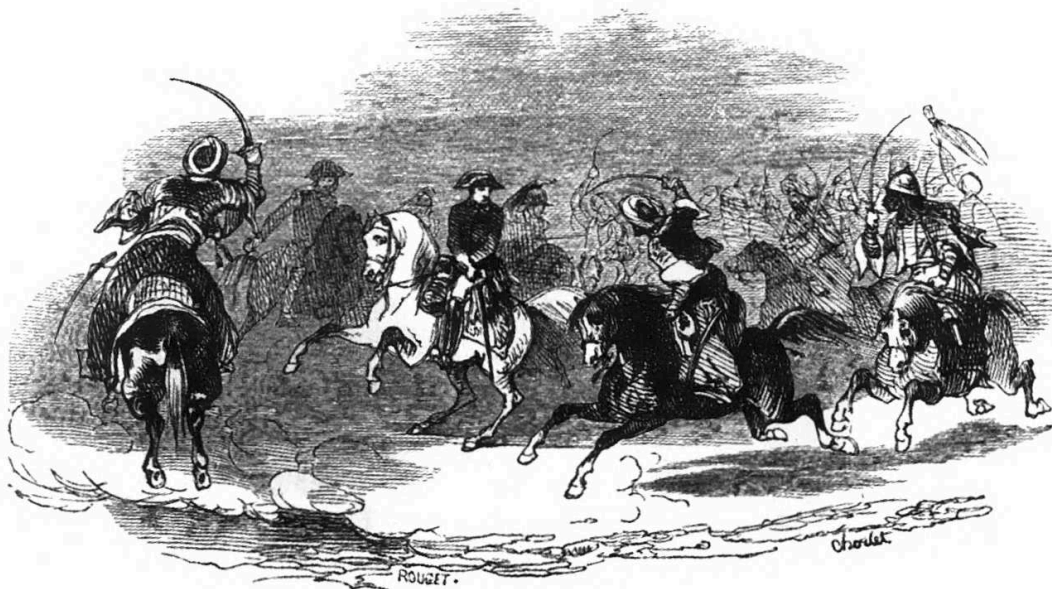
Французские солдаты имели чрезвычайно высокую репутацию в Египте, и не без оснований: они побили и разогнали знаменитых мамелюков, самую могущественную военную силу на Востоке. После отступления из Сирии турецкая армия высадилась в Абукире; Мурад-бей, наиболее влиятельный и храбрый из мамелюков, покинул Верхний Египет, куда сбежал из соображений безопасности, и добрался до турецкого лагеря окружным путём. Когда высадились турки, французский отряд отступил, чтобы сконцентрировать свои силы. Паша, командовавший турками, обрадовался этому манёвру,

который он ошибочно принял за проявление страха, и когда он увидел Мурад-бея, то с ликованием воскликнул: «Вот так! Таковы эти ужасные французы, которых ты не смог встретить лицом к лицу; стоило мне появиться у берега, как они стали удирать, не дожидаясь меня». Возмущённый Мурад-бей в ярости ответил: «Паша, благодари Пророка, что он упросил тех французов отступить; если они решат вернуться, то ты исчезнешь до их появления, как пыль, гонимая ветром».

Его слова оказались пророческими: через несколько дней французы атаковали турецкую армию и обратили её в бегство. Мурад-бей, беседовавший с несколькими нашими генералами, был очень удивлён их тщедушным телосложением и неяркой внешностью. Восточные люди придают большое значение телосложению, поэтому они не могли понять, как так много способностей помещаются в теле небольших размеров. Лишь внешность Клебера соответствовала их представлению о правильном соотношении разума и телосложения:

он был высокого роста, выглядел блестяще, но его манеры отличались грубостью. Его пренебрежительное отношение к египтянам заставило их считать, что он не француз; действительно, хотя Клебер был уроженцем Эльзаса, свои молодые годы он провёл в прусской армии и вполне мог сойти за немца. Кто-то говорил, что в юности Клебер был янычаром; услышав это, император разразился смехом, сказав, что кто-то наговаривает на него.

Гофмаршал Бертран рассказал императору, что в сражении при Абукире он впервые оказался в расположении его армии и был поблизости от него. Тогда он мало знал о смелости его манёвров и не понимал его приказаний. «Особенно, сир, — добавил он, — в том случае, когда вы крикнули одному офицеру: “Эркюль, дружище, возьми с собой двадцать пять солдат и атакуй этот сброд!” Я тогда подумал, что сошёл с ума: Ваше Величество показали рукой на отряд в тысячу турецких всадников».

Всё же потери, понесённые французской армией в Египте, были далеко не такими значительными, как можно было бы ожидать в стране, к условиям которой войска непривычны, особенно если принимать во внимание вредность климата, нехватку материальных ресурсов, смертоносную эпидемию чумы и многочисленные сражения, обессмертившие эту армию. Когда французская армия высадилась в Египте, то насчитывала 30 000 человек. Это число несколько увеличилось после гибели французской эскадры в битве при Абукире и, возможно, за счёт прибытия из Франции частичного подкрепления, и, тем не менее, общие потери, понесённые армией от начала

кампании до момента составления официального доклада начальником отдела армии, ведающего списком личного состава и военного снаряжения, составляли 8915 человек*.

Этот человек, чья жизнь полна чудес, настолько приучил нас к ним, что один из его поступков, не имеющий себе равных в истории, почти не привлекает нашего внимания. Когда Цезарь перешёл Рубикон, то в его руках была армия и он наступал, чтобы защитить себя. Когда Александр Македонский, движимый пылом юности и пламенем гениальности, высадился в Азии, чтобы воевать с великим монархом, то он, Александр, был сыном монарха, сам был монархом и стремился добиться славы и удовлетворения своего честолюбия во главе армии своего царства.

Наполеон был простым смертным, чьё имя не было известно миру ещё тремя годами ранее, ничего не имевшим, кроме репутации победителя в нескольких сражениях, собственного имени и осознания своей гениальности. Потрясённый до глубины души рассказами о бедах своей страны, он воскликнул: «Франция будет потеряна из-за этих краснобаев и пустомель! Пришло время спасти её!» Он покинул свою армию, пересёк моря, рискуя собственной свободой и репутацией, добрался до берегов Франции и поспешил в столицу. Он встал у кормила власти, прекратил беспорядки, будоражившие страну, вернул её на истинный путь здравого смысла и справедливости и с этого момента стал готовить её к невероятному возвышению до положения всесильной державы, овеянной славой. Он встал у руля власти, не пролив ни единой капли крови, — это деяние можно считать одним из самых грандиозных и величественных, о которых когда-либо было известно.

Отъезд Наполеона из Египта будет воспринят беспристрастными потомками с удивлением и восхищением, хотя в своё время некоторыми людьми он был заклеймён как побег и даже как позорное дезертирство.

Однако армия, которую оставил Наполеон, продолжала оккупировать Египет ещё на протяжении двух лет. Император придерживался

* Убито в сражениях	3614
Скончались от ран	854
Скончались в результате различных несчастных случаев	290
Скончались в результате общих заболеваний	2468
Скончались от чумной лихорадки	1689

Всего 8915

Каир, 10-го фримера, год IX

Подписал:

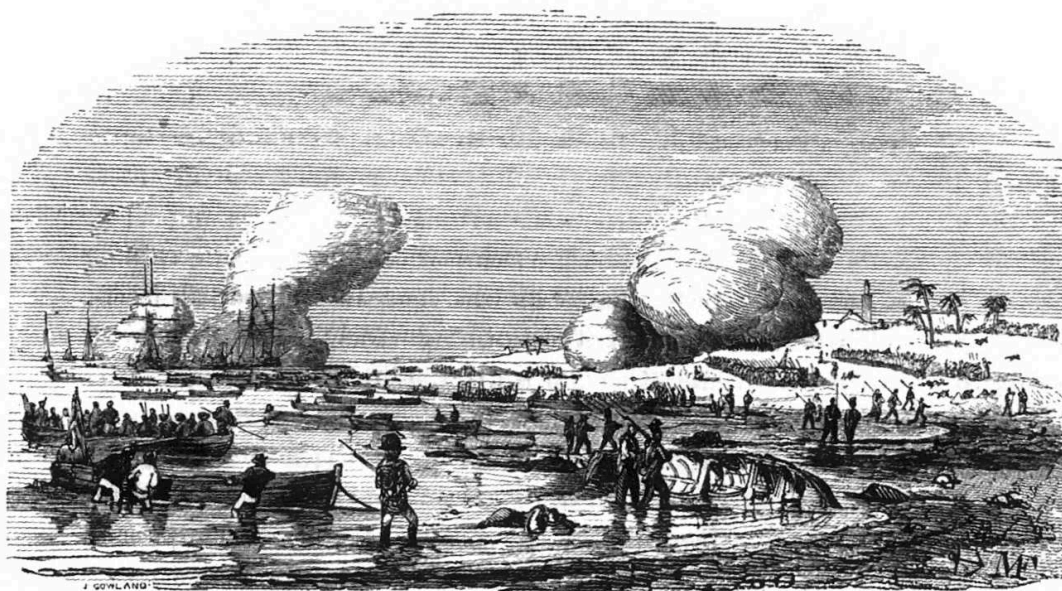
Сартлон, начальник отдела армии, ведающего списком личного состава и военного снаряжения.

того мнения, что нельзя отказываться от Египта, и гофмаршал, оставшийся с армией в Египте до последней минуты, был согласен с этим мнением.

После отъезда главнокомандующего его преемником стал Клебер. Обманутый и введенный в заблуждение в результате интриг, он рассматривал вопрос об эвакуации французских войск из Египта. Но, когда активность вражеских войск заставила его искать славу на полях сражений и провести более точную оценку собственных сил, он полностью изменил свою точку зрения и открыто заявил о том, что является сторонником продолжения оккупации Египта. Это его мнение получило всеобщее одобрение в армии. Клебер теперь думал только об укреплении своей власти в стране; он удалил от себя всех тех, кто ранее стремился воздействовать на него, добиваясь эвакуации французской армии из Египта, и окружил себя только теми, кто придерживался прямо противоположного мнения. Если бы он оставался в живых, то Египет был бы сохранён для Франции; потеря Египта должна быть приписана смерти Клебера.

После его кончины командование армией было поделено между Мену и Ренье, затем оно превратилось в настоящее поле для интриг. Высокий боевой дух и мужество французских войск не стали основой новых побед, как то было при Клебере. Мену был совершенно неспособен командовать армией; англичане, которых было двадцать тысяч человек, наступали, собираясь атаковать его армию; силы Мену значительно превышали силы врага, но боевой дух упал. Вследствие непостижимого безрассудства Мену поспешно рассредоточил свои войска, как только узнал о том, что англичане вот-вот появятся. Они продвигались единой массой, подвергаясь редким атакам со стороны небольших французских отрядов. «Насколько слепа фортуна, — сказал император. — Если бы против англичан действовали совершенно иначе, их бы обязательно разгромили».

Как рассказал гофмаршал, высадка англичан на берег Египта представляла собой впечатляющее зрелище: менее чем за пять минут пять тысяч пятьсот английских солдат высадились на берег, готовые к бою. Это было поистине театральное действо, и оно повторилось трижды. Английским войскам противостояли только тысяча двести французов, которые нанесли англичанам значительный урон. Немного позже английская армия, насчитывающая до четырнадцати тысяч человек, была отважно атакована генералом Ланюссом. Генерал имел в своём распоряжении войско, состоящее лишь из трёх тысяч человек; его солдаты сражались со страстным желанием и, несомненно, могли добиться цели, поставленной генералом, если бы он дождался подкрепления; сначала он всё смёл на своем пути и нанёс большой урон врагу, но, в конце концов, всё же потерпел

поражение. Если бы численность его войска была на три тысячи солдат больше, он бы добился своей цели.

Англичане были весьма удивлены, когда получили возможность оценить наше реальное положение в Египте; и они считали, что им чрезвычайно повезло в том, как сложились их дела.

Генерал Хатчинсон, который пожинал плоды победы англичан, заявил, когда вернулся в Европу, что если бы англичанам было известно действительное положение вещей, то они, конечно, никогда бы не пытались осуществить высадку своих войск на берег Египта; но в Англии полагали, что в Египте находится не более шести тысяч французских солдат. Ложная разведывательная информация, собранная в самом Египте, и содержание перехваченных писем французов стали основой ошибочных оценок. «Это так естественно для французов, — заявил Наполеон, — преувеличивать, ворчать и представлять всё в ложном свете всякий раз, когда они чем-то недовольны. Однако все эти донесения о плачевном положении французов в Египте составлялись просто под воздействием дурного настроения или больного воображения; в них сообщалось, что в Египте свирепствует голод, что французы разбиты во всех новых сражениях, что чума поразила всю армию, что не осталось ни одного солдата...»

Питта в конце концов убедили в том, что доклады точно отражают реальность. Первый консул видел донесения, которые его преемник направлял Директории, а также письма различных лиц, находившихся во французской армии. Кто может объяснить содержащиеся в них противоречия? Кто может впредь доверять частным источникам, чтобы обосновать свою точку зрения? Клебер, главнокомандующий

французской армией в Египте, информировал Директорию о том, что в его распоряжении находятся только шесть тысяч солдат, в то время как в тот же пакет, вместе с информацией Клебера, был вложен отчёт инспектора проведённого парада войск, в котором участвовали свыше двадцати тысяч солдат. Клебер объявлял, что остался без денег, но, по данным казначейства, он обладал огромными суммами. Главнокомандующий утверждал, что артиллерия армии представляет собой лишь орудия, лишённые боеприпасов, в то время как данные артиллерийского ведомства говорили о том, что запасов боеприпасов хватило бы на несколько военных кампаний. «Таким образом, если бы Клебер, в результате начатых им переговоров, эвакуировал французскую армию из Египта, — заявил император, — то я, несомненно, отдал бы его под суд по его возвращении во Францию, а все эти противоречивые документы представил бы на рассмотрение Государственного совета».

По письмам Клебера, главнокомандующего французской армией в Египте, можно было судить о тоне писем офицеров более низкого звания и простых солдат. Однако эту корреспонденцию ежедневно перехватывали англичане; они её перепечатывали и использовали в качестве руководства к действию в своих военных операциях. Должно быть, они очень дорожили этой информацией. Император заметил, что во всех своих военных кампаниях он придавал большое значение перехваченным письмам, которые иногда оказывались для него весьма полезными.

Среди писем, попадавших тогда в его руки, Наполеон обнаруживал и такие, которые содержали гнусные нападки на его личность. Некоторые из этих писем он принимал довольно близко к сердцу, потому что они были написаны людьми, которых он осыпал милостями, на которых полностью полагался и которые, как он считал, были безмерно преданы ему. Один из этих людей, которому он помог разбогатеть и которому доверял самым искренним образом, утверждал, что главнокомандующий скрылся после того, как ограбил казначейство на два миллиона. К счастью, среди депеш, присланных той же самой почтой, находились отчёты казначея армии, из которых явствовало, что генерал даже не получил полностью сумму, причитающуюся ему для выплаты. «Когда я прочитал это письмо, — сказал император, — я в самом деле почувствовал отвращение к человечеству. То было первое нравственное разочарование, которое я когда-либо испытал; и если оно и не было единственным, то, по крайней мере, было наиболее жестоким. Многие в армии считали, что со мной покончено...»

Автор вышеупомянутого письма впоследствии пытался вновь добиться благосклонности императора. Наполеон дал понять, что не будет возражать против назначения этого человека на скромную

должность, но что он никогда не станет вновь видеться с ним. На любое обращение к нему со стороны этого человека он постоянно отвечал, что не знает его, — это была единственная месть, которую император позволил себе.

Император неустанно повторял, что Египет должен оставаться владением французов; так и было бы, если бы страну защищали Клебер или Дезэ. «Они оба были моими наиболее выдающимися заместителями, — говорил Наполеон, — оба обладали большими и редкими достоинствами, хотя резко отличались друг от друга характерами и склонностями».

Клебер обладал способностями от природы; таланты Дезэ были результатом образования и усердия. Способности Клебера проявлялись только в особые моменты, в ходе важных событий, затем он вновь погружался в сладкую дремоту лени и удовольствий. Способности Дезэ всегда проявлялись во всей своей полноте; он жил только ради благородного честолюбия и истинной славы, его характер сформировался по античному образцу. Император говорил, что смерть Дезэ была для него, возможно, величайшей из понесённых им потерь. Сходство между императором и Дезэ в их образовании и в следовании определённым принципам способствовало взаимопониманию между ними. Дезэ был удовлетворён ролью второго человека в армии и всегда оставался преданным и верным другом императора. Если бы он не был убит во время сражения при Маренго, то Первый консул назначил бы его командующим армией в Германии, вместо Моро. Весьма удивительное совпадение в судьбе двух заместителей Наполеона заключалось в том, что в один и тот же день, в один и тот же час Клебер пал от руки убийцы в Каире, а Дезэ был убит пушечным ядром в сражении при Маренго.

Метод диктовки императора

1 — 3 октября 1815 года

Направление ветра, состояние моря и температура воздуха по-прежнему оставались без изменений. Ветер, дующий в западном направлении, который поначалу нам благоприятствовал, теперь начал становиться для нас помехой. Мы взяли курс к востоку, надеясь встретиться с пассатами, но теперь оказались с подветренной стороны от нашего места назначения, — обстоятельство, которое нас всех удивило и вызвало недовольство членов команды корабля.

Император каждое утро регулярно продолжал свою диктовку, к которой он с каждым днём проявлял всё больший интерес; соответственно, время для него тянулось менее мучительно.

Корабль был отправлен из английского порта с такой поспешностью, что некоторые ремонтные работы остались незавершёнными и покраску корабля заканчивали на ходу. Чувство обоняния у императора чрезвычайно обострено, и запах краски был столь неприятен для него, что в течение двух дней он был вынужден не выходить из своей каюты.

Каждый вечер, когда мы прогуливались по палубе, император любил возвращаться к теме наших утренних занятий. Поначалу он не обращался к каким-либо документам, кроме незначительной работы, озаглавленной «Войны французов в Италии», явно незавершённой, не ставившей перед собой определённой цели и лишённой связного хронологического плана. Император перелистал книгу, и его память восполнила все её недостатки; этот его дар казался мне просто поразительным, поскольку он всегда, видимо, приходил на помощь, когда император в нём нуждался, и исправно служил ему.

Когда император начал свои ежедневные диктовки, он всегда жаловался на то, что события, к которым он мысленно хотел возвратиться, он воспринимает отстранённо. Казалось, что он хотел вернуть себе самоутверждение, когда говорил, что никогда не сможет решить задачу, которую сам себе определил. Поразмыслив несколько минут, император обычно вставал, прогуливался по каюте и затем начинал диктовать. С этого момента он становился совершенно иным человеком: слова лились плавно; он говорил, словно охваченный вдохновением; места, даты, фразы — ничто не вызывало задержки его речи.

На следующий день я прочитывал ему то, что он мне диктовал. После первой же правки текста он продолжал развивать ту же тему, словно накануне не касался её. Разница между первой и второй версией была очень большой: последняя была более ясной и пространной, а также лучше систематизирована.

В день, следовавший за днём первой правки, повторялась та же самая операция, и император начинал свою третью диктовку, с тем чтобы согласовать обе предыдущие. Зато позже, если он диктовал в четвёртый, в седьмой, в десятый раз, это было точным повторением тех же мыслей, тех же конструкций фраз и почти тех же самых слов. Он не обращал никакого внимания на то, что происходило рядом с ним, не интересовался тем, успеваю ли я записать его слова, и продолжал диктовать до самого конца рассматриваемой темы. Было бы напрасно просить его повторить то, что писавший неясно расслышал, — император по-прежнему продолжал диктовать; и так как он диктовал очень быстро, то я никогда не осмеливался прерывать его, чтобы не упустить ещё больше из того, что он диктовал, и окончательно не потерять нить его повествования.

Странный случай

4 — 7 октября 1815 года

Продолжает дуть юго-западный ветер, и это создаёт нам трудности. Теперь мы плывём назад, вместо того чтобы продвигаться вперёд, и нас занесло в Гвинейский залив. Там мы встретили корабль и пообщались с членами его команды. Это был французский корабль, который, как и мы, сбился с курса. Он вышел из порта в Бретани и направлялся на остров Бурбон. Император страдал от недостатка книг, и я в шутку сказал, что, возможно, на борту этого корабля находится ящик, наполненный книгами, который несколько месяцев назад я отправил на остров Бурбон. Но это оказалось правдой. Такова воля случая! Если бы я занялся поиском этого корабля, то напрасно бороздил бы океан. Это был тот самый корабль, — на следующий день я узнал его название от офицера, посетившего его. Этот офицер сильно удивил французского капитана, рассказав ему, что император Наполеон находится на борту корабля, который он видит перед собой и который направляется на остров Святой Елены. Бедняга печально покачал головой и сказал: «Вы забрали наше сокровище, вы забрали того, кто знал, как управлять государством в соответствии с нашими вкусами и нравами».

Жалобы команды корабля на адмирала — Просмотр ещё одной книги — Опровержения и размышления

8 — 11 октября 1815 года

Погода по-прежнему не менялась. Каждый вечер мы утешали себя надеждой на то, что после неудачного дня погода изменится ночью, но утром мы вставали и испытывали то же самое разочарование. Мы находились вблизи берега Конго и старались удалиться от него. Все тосковали и выражали недовольство. Команда жаловалась на адмирала: если бы он следовал обычным курсом, говорили члены команды, то мы давно добрались бы до места назначения; его каприз заставил его, вопреки здравому смыслу, пойти на эксперимент с неизвестными последствиями. Христофором Колумбом, наверное, были недовольны ещё больше; мы бы не возражали, если бы адмирал нашёл другой Сан-Сальвадор, чтобы погасить недовольство. Что касается меня, то, поскольку я был полностью загружен работой, это обстоятельство практически осталось вне поля моего зрения; и, в конце концов, одна тюрьма не лучше другой.

Император по-прежнему оставался равнодушным к этой задержке и отмечал лишь количество прошедших дней.

«Мемуары Наполеона Бонапарта, написанные тем, кто в течение пятнадцати лет постоянно находился рядом с ним» — таково название книги, которую я начал изучать после произведений сэра Роберта Вильсона. Эта книга, насчитывающая триста страниц, написана анонимным автором, — обстоятельство само по себе достаточное для того, чтобы вызвать недоверие к ней с самого начала. Но план и стиль работы вскоре вызывают ещё больше сомнений у думающего читателя, способного оценивать книги. Наконец, тот, кто видел и немного знает императора, без колебаний заявит после прочтения первых страниц, что эта работа представляет собой всего лишь выдумку, сочинение, написанное по чьей-то воле, что автор никогда не был близок с императором, что автор не знает ни языка, ни привычек императора, да и всего того, что связано с ним. Император никогда бы не сказал министру: «Граф, сделайте это», «Граф, выполните то». Послы никогда не приглашались на утренние приёмы у императора. Наполеон в возрасте четырнадцати лет не мог находиться в обществе дамы, потому что в возрасте от десяти до шестнадцати лет он учился в военной школе, где не мог быть представлен обществу дам. Читая, отмечаешь: это был не Периньон, — тот не знал Наполеона, — а Дюгомье, который был его генералом и который рекомендовал его Директории; это было письмо о восстановлении демократии, а не Бурбонов, которое Первому консулу адресовал офицер, и т.д.

Вся Европа знала, что император сохранял полнейшую секретность в отношении своих планов и мнений, никогда не прибегал к жестам и тем более к монологам, которые могли бы выдать его мысли, и никогда гнев не вызывал у него приступов безумия или эпилепсии, — абсурдная ложь, которая долго циркулировала в салонах Парижа, но от которой отказались, когда выяснилось, что подобные инциденты никогда не случались. Эти мемуары, безусловно, были результатом определённого заказа, спекуляцией какого-то книгопродавца, который снабдил автора мемуаров их заглавием. Что бы там ни было, можно заметить, что, описывая карьеру императора, столь знаменитую, и лиц из его окружения, автор мог бы проявить бóльшую тщательность исследования и лучшее знание предмета. Он чувствует свою ущербность, давая книге такое название, и стремится защитить себя, заявляя, что вынужден менять имена и что из лучших побуждений он не хотел точно описывать некоторых людей; и он соблюдает ту же осторожность в отношении фактов — с тем чтобы их нельзя было перепроверить. Эти факты в основном являются плодами его фантазии.

Сказанное касается историй с потерей документа, что причинило столько головной боли главнокомандующему французской армией в Египте, с советом молодого англичанина, приведшим Бонапарта в состояние восторга в связи с тем, что эта рекомендация открывала перед ним блестящую перспективу обогащения в Константинополе, а также настоящей мелодрамы в стенах Мальмезона, где героизм госпожи Бонапарт (которая преподносится читателю в виде властной амазонки) своевременно обеспечил безопасность её супруга. Все эти истории, возможно, вызовут интерес у читателя, но они являются сплошной выдумкой, а история, касающаяся Мальмезона, свидетельствует о том, что о характере и нравах императрицы Жозефины автор знает не больше, чем о характере и нравах императора. Однако писатель, расхваливая некоторые черты характера императора, отдавая должное некоторым его поступкам и разоблачая отдельные лживые утверждения, создаёт видимость беспристрастности, которая, вместе с его мнимой близостью к императору на протяжении пятнадцати лет, производит неизгладимое впечатление на простых читателей. Большинство англичан на борту корабля воспринимали содержание этой книги как непреложную истину. Их мнение не изменилось даже тогда, когда они поняли, что личность императора сильно отличается от той, которая изображена в этих историях-небылицах. Англичане скорее верили тому, что превратности судьбы и практически тюремное заключение, которому подвергли императора, стали причиной изменения его характера, чем предполагали, что утверждения, приведённые в книге, лживы.

На мои высказывания по этому поводу они постоянно отвечали: «Но автор беспристрастный человек, и к тому же он был рядом с императором в течение пятнадцати лет». — «Но, — возражал я, — разве вам знакомо имя этого человека? Если он оскорбит вас в своей книге, то каким образом вы могли бы привлечь его к судебной ответственности? Любой из вас, находящийся на борту этого корабля, мог бы написать такую книгу!» Конечно, эти аргументы оставались без ответа; англичанам было трудно преодолеть свои первые впечатления — так же, как и общей массе читателей, ибо таково неизбежное следствие напечатанной лжи!

Но я не буду продолжать разбор книги, которая не заслуживает дальнейшего упоминания. Когда я пересматривал эту рукопись в Европе, то понял, что общественное мнение стало настолько развитым, что мне стыдно тратить время на разоблачение лживых утверждений, которые уже давно отвергнуты здравомыслящими людьми и теперь повторяются только глупцами.

Когда я пытаюсь опровергнуть лживое мнение, которое автор вышеупомянутой книги считает нужным создать в отношении личности Наполеона, то можно подумать, что я стремлюсь подменить

это мнение своим собственным; но как раз именно этого я и буду тщательно избегать. Я ограничусь только тем, что стану записывать в свой дневник всё, что видел и слышал; я буду записывать беседы императора. Ничего другого ожидать не следует.

12 — 13 октября 1815 года

Незначительно изменяя курс и проявляя терпение, мы постепенно приближались к конечному пункту нашего путешествия; и хотя мы были лишены возможности использовать муссонное течение, тем не менее, мы теперь находились недалеко от места нашего назначения. По мере того как мы следовали по намеченному курсу, погода постепенно улучшалась, и наконец направление ветра стало для нас наиболее благоприятным; но это изменение погоды и направления ветра случилось только за двадцать четыре часа до нашего прибытия на остров Святой Елены.

14 октября 1815 года

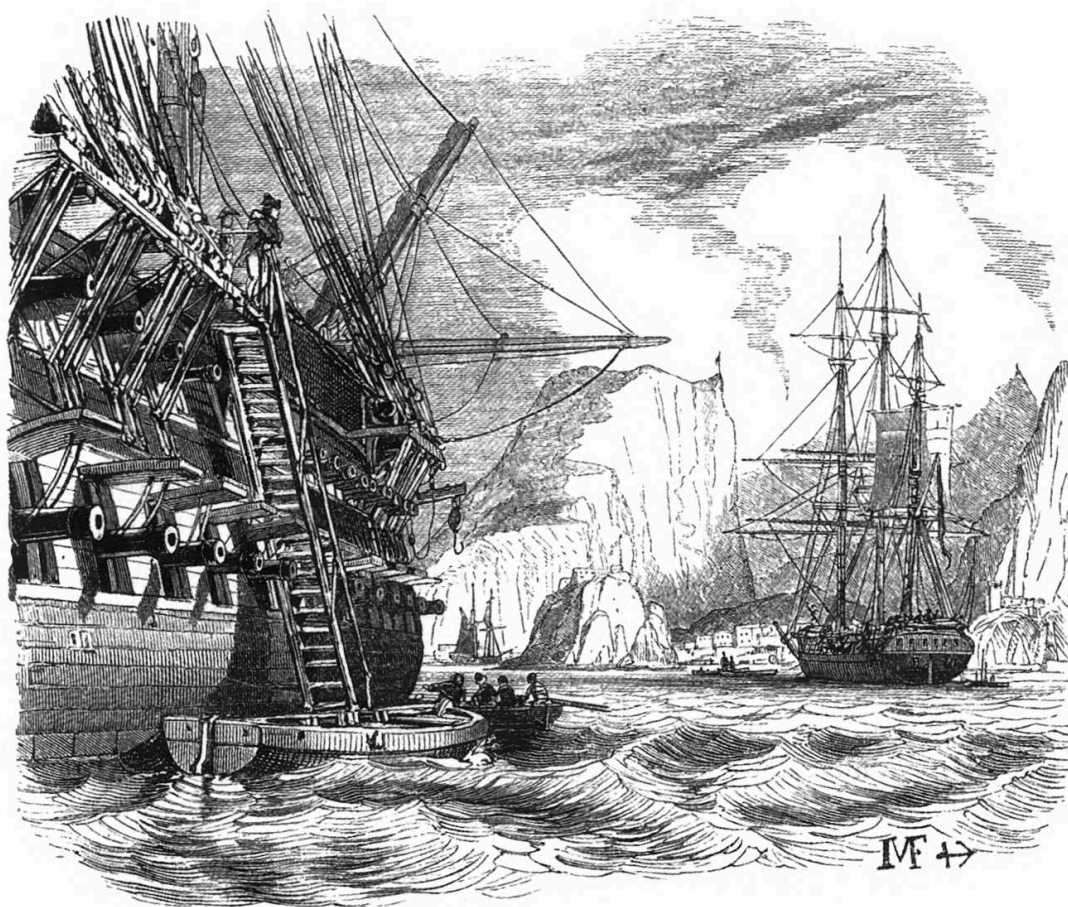
Адмирал ранее сообщил нам, что в этот день он предполагает увидеть берег острова Святой Елены. Мы едва встали из-за обеденного стола, как услышали радостный возглас: «Земля!» Это случилось за четверть часа до назначенного времени. Ничто не может лучше свидетельствовать о достижениях в области кораблевождения, чем способность моряков предсказывать час прибытия к определённом месту в бескрайней глади океана. Император вышел на бак корабля, чтобы увидеть остров; он утверждал, что разглядел его, но я ничего не смог увидеть. Ночью мы легли в дрейф.

Прибытие к острову Святой Елены

15 октября 1815 года

С рассветом я довольно хорошо разглядел остров. Сначала я подумал, что он достаточно большой, но по мере того как мы приближались к нему, оказалось, что его размеры значительно меньше. Наконец, через примерно семьдесят дней после нашего отплытия от берегов Англии и через сто десять дней после нашего отъезда из Парижа, в полдень мы бросили якорь. Это было первым звеном в цепи, которая должна была приковать современного Прометея к скале.

Мы увидели несколько кораблей нашей эскадры, стоявших на якоре. Одни ранее ушли от нас, а другие мы оставили позади себя, однако все они прибыли к острову за несколько дней до нас, — ещё одно доказательство большой неточности навигационных расчётов.

Император, вопреки своей привычке, оделся рано и вышел на палубу; мы подошли к сходне, чтобы посмотреть на остров. Нашему взору предстала какая-то деревня, окружённая большим количеством бесплодных и голых вершин, поднимавшихся к облакам. На каждой площадке, в проёме или выступе каждой горы можно было заметить пушки. Император рассматривал открывшуюся перед ним панораму в подзорную трубу. Я стоял позади него и не отводил взгляда от его лица, которое, насколько я мог заметить, не меняло своего выражения; и тем не менее он видел перед собой, возможно, свою вечную тюрьму, возможно, свою могилу! Что мне оставалось чувствовать или выражать словами?!

Император вскоре покинул палубу. Он пожелал, чтобы я пошёл с ним в его каюту, чтобы продолжить наши обычные занятия.

Адмирал, отправившийся на берег рано утром, вернулся на борт корабля около шести часов вечера очень уставшим. Он обошёл различные места на острове и, в конце концов, нашёл пристанище, которое, как он считал, удовлетворит нас. Однако это помещение нуждалось в ремонте, который мог занять месяца два. Мы находились в заточении в нашей плавучей деревянной тюрьме почти три

месяца, и в соответствии с категоричными указаниями кабинета министров Англии нам предстояло быть в ней до тех пор, пока новая тюрьма на берегу не будет готова для нашего приёма. Адмирал, отдадим ему должное, был неспособен на такое варварство: он сообщил нам, что возьмёт на себя ответственность, высадив нас на берег на следующий день.

Высадка императора на остров Святой Елены

16 октября 1815 года

После обеда император, сопровождаемый гофмаршалом, сел в лодку и отправился на берег. Следуя удивительному и непреодолимому порыву, все офицеры корабля собрались на шканцах, а бóльшая часть команды — на сходнях. Это не было проявлением любопытства, — оно могло бы и исчезнуть после трёхмесячного знакомства. Теперь оно сменилось живейшим интересом к императору. Император, прежде чем спуститься в лодку, пригласил к себе капитана корабля и попрощался с ним, попросив его поблагодарить офицеров и команду корабля. Слова императора, судя по всему, произвели большое впечатление. Остальные члены свиты императора высадились на берег около восьми часов вечера. Нас сопровождали несколько офицеров, и все на борту корабля были заметно взволнованы нашим отъездом.

Мы нашли императора в предназначенных ему меблированных апартаментах; через несколько минут после нашего прибытия он поднялся по лестнице в свою комнату, куда мы все были приглашены. Его жилищные условия были не лучше, чем на борту корабля. Нас всех разместили в доме, напоминавшем гостиницу или отель.

Город острова Святой Елены состоит лишь из одной очень короткой улицы с рядом домов.

Император выбирает флигель коттеджа «Бриары» в качестве места своего проживания — Описание флигеля — Жалкое существование

17 октября 1815 года

В шесть часов утра император, гофмаршал и адмирал выехали на лошадях, чтобы посетить Лонгвуд — дом, который был выбран в качестве резиденции императора. Лонгвуд находится на расстоянии

двух лье от города. Возвращаясь обратно, они увидели небольшую виллу, расположенную в долине на расстоянии около двух миль от города. Император с большим нежеланием возвращался к месту, где провёл прошлую ночь и где чувствовал себя в гораздо большей изоляции от внешнего мира, чем на борту корабля. Он был вынужден буквально заточить себя в своей комнате на втором этаже из-за того, что у входа в дом поставили двух часовых, а также потому, что местные жители, сгорая от любопытства, без конца шли к дому, заглядывая в окна первого этажа апартаментов императора. Ему понравился небольшой флигель, примыкавший к вышеупомянутой вилле, и адмирал согласился с тем, что императору будет более приятно жить в этом месте, чем в городе. Выбрав это место для своей резиденции, император сразу же послал за мной. Он настолько втянулся в работу над мемуарами о военных кампаниях в Италии, что не мог даже временно прекратить её. Я сразу же присоединился к императору, чтобы жить вместе с ним.

Долина, в которой расположен единственный город острова Святой Елены Джеймстаун, простирается на значительное расстояние в глубину острова, петляя между двумя цепями бесплодных гор, которые окаймляют её с обеих сторон. По этой долине проложена неплохая дорога для карет, длиной примерно в две мили; затем эта дорога ведёт по горному выступу, поднимаясь по левой стороне горного склона, в то время как справа можно видеть только обрывы и пропасти. Далее суровый вид местности постепенно смягчается, и с дороги внизу видна панорама небольшой долины, в которой разбросаны дома в окружении деревьев и различного рода растительности, — это маленький оазис среди скалистой пустыни. Здесь находится скромная резиденция господина Балькомба, оптового торговца острова Святой Елены.

На расстоянии тридцати-сорока шагов от жилого дома на небольшой возвышенности стоит летний домик, или флигель, в который в хорошую погоду семья владельца коттеджа обычно отправляется пить чай и приятно проводить время. Это скромное пристанище, снятое адмиралом, стало временной резиденцией императора, куда он и переехал утром. Когда я поднимался по петляющей дорожке, ведущей к флигелю, мне показалось, что я увидел императора. Я остановился, чтобы посмотреть на него. Это в самом деле был Наполеон, который слегка наклонился вперёд, заложив руки за спину; он, как обычно, был опрятно одет, на нём были простой мундир и знаменитая шляпа. Когда я подошёл к императору, он стоял на пороге в дверях, насвистывая мотив французской народной песни. «А! — воскликнул он. — Вот и вы! Почему вы не взяли с собой сына?» — «Сир, — ответил я, — уважение, которое я испытываю к вам,

не позволило мне сделать это». — «Вы не должны находиться с ним в разлуке, пошлите за ним».

Никогда, ни в одной из своих кампаний и ни в одной из жизненных ситуаций в прошлом, император не жил, кажется, в таком жалком обиталище и не испытывал так много лишений. Первый этаж флигеля занимает одна комната, почти квадратная. Если войти в неё, то прямо напротив, на противоположной стороне, можно увидеть ещё одну дверь. Справа и слева от дверей на каждой из сторон комнаты имеется по паре окон. На них нет ни занавесок, ни ставней. В комнате практически не на что сесть.

Император захотел прогуляться, но вокруг флигеля нет ровной площадки: он окружён обломками скал и большими камнями. Император взял меня под руку и стал говорить в весёлом тоне. Надвигался вечер, и было абсолютно тихо; в условиях никем и ничем не нарушаемого покоя какое множество чувств и настроений овладело мною в ту минуту! Я был в пустыне, наслаждаясь доверительной беседой с человеком, который правил миром! С самим Наполеоном! Какими благоговейными чувствами я был охвачен! Чтобы понять их, следует вспомнить дни его прошлой славы, то время, когда одного его декрета было достаточно, чтобы ниспровергать троны и делать королей! Надо вспомнить о том, какие чувства он

вызывал у тех, кто окружал его в Тюильри: застенчивое смущение и глубокое уважение его министров и офицеров, когда они приближались к нему, беспокойство и благоговейный страх послов, принцев и даже королей! Я весь был во власти этих чувств.

Когда император собрался идти спать, мы обнаружили, что одно из окон (которые, как я уже заметил, не имели ни занавесок, ни ставней) находится вблизи его постели, почти на уровне его лица. Как могли, мы заткнули все щели этого окна, чтобы исключить возможность сквозняка, к воздействию которого император очень восприимчив. Малейшего сквозняка достаточно для того, чтобы вызвать у него простуду или зубную боль. Я же поднялся по лестнице из прихожей, расположенной перед комнатой императора, в чердачное помещение как раз над его комнатой; на чердаке, размеры которого не превышают семи квадратных метров, есть постель и ни одного стула; эта каморка стала жилищем для меня и моего сына, — для него на полу разложен матрас. Но разве мы имеем право жаловаться, если так близко от нас император? Мы можем слышать звук его голоса и даже его слова! Камердинеры спали на полу в прихожей, завернувшись в плащи. Таково достоверное описание первой ночи, которую Наполеон провёл в «Бриарах».

Описание поместья «Бриары» — Сад — Император встречает юных жительниц коттеджа

18 октября 1815 года

Я завтракал вместе с императором. У него не было ни скатерти, ни тарелок; в качестве завтрака ему доставили остатки вчерашнего обеда. В соседнем доме разместился английский офицер — наш охранник. А для того чтобы следить за нами, перед нашими глазами маршировали, словно на военном параде, два офицера более низкого звания. После завтрака император приступил к диктовке, которая заняла у него несколько часов. Затем он отправился осматривать окружавшую нас местность.

Спустившись с нашего холма по стороне, обращённой к главному дому поместья, мы обнаружили тропинку, окаймлённую живой изгородью и ведущую к краю обрыва. Пройдя по тропинке примерно двести шагов, мы подошли к небольшому огороженному саду, калитка которого была распахнута. Участок, занимаемый садом, длинный и узкий. Сад разбит на очень неровном грунте, из-за этого прогулка по нему спокойным шагом растягивается на некоторое

время. От калитки начинается аллея, протянувшаяся до самого конца сада; в этом месте находится другая калитка, около которой стоят две небольшие хижины для негров, присматривающих за садом. В нём — несколько фруктовых деревьев и немного выращенных цветов.

Не успели мы войти в сад, как нас встретили две дочери владельца коттеджа, девушки примерно четырнадцати и пятнадцати лет; одна из них была бойкой и, видимо, легкомысленной и беззаботной, вторая была более уравновешенной, но в то же время отличалась простотой манер; обе девушки немного говорили по-французски. Они прошлись по саду, собирая букет цветов, чтобы затем вручить его императору, которого они забросали самыми эксцентричными и нелепыми вопросами. Императора очень позабавила их фамильярность, к которой он не привык. «Мы словно побывали на бале-маскараде», — сказал император, когда девушки удалились.

Французская молодёжь — Император посещает дом госпоина Балькомба

19 — 20 октября 1815 года

Император пригласил моего сына на завтрак, — можно легко представить безмерную радость моего сына от оказанной ему чести! Вероятно, первый раз в жизни он оказался рядом с особой императора и говорил с ним; и, несмотря на это, он не выглядел особенно взволнованным.

Стол по-прежнему не был покрыт скатертью; завтрак императору продолжали привозить из города. Утренняя трапеза состояла из двух или трёх скудных блюд. В этот день на завтрак привезли курицу. Император пожелал сам разрезать курицу и поухаживал за нами, положив её куски нам на тарелки. Император был удивлён тем, что успешно справился с этой задачей: как он объяснил, прошло много времени с тех пор, когда ему приходилось заниматься чем-то подобным, ибо, добавил он, вся его учтивость была им потеряна, когда он стал командовать армией в Италии.

Кофе для императора является жизненной необходимостью, но на сей раз он оказался настолько скверным, что, попробовав его, император решил, что кофе отравлен. Он отослал этот кофе обратно и заставил меня сделать то же самое с моим кофе.

После этого император стал нюхать табак из табакерки, украшенной античными медальонами, вокруг которых были надписи на греческом языке. Император не был уверен в том, что знает имя одного из тех, кто был изображён на медальоне, и попросил меня перевести греческую надпись; и когда я ответил, что это не в моих силах, он рассмеялся и сказал: «Я вижу, что вы такой же грамотей, как и я». Тогда мой сын дрожащим от волнения голосом осмелился предложить сделать перевод надписей и прочитал на табакерке имена Митридата, Деметрия, полководца Древней Македонии, и других. Этот успех моего юного сына привлёк внимание императора. «Ваш сын не по годам много знает!» — удивился он и стал подробно расспрашивать моего сына о его лице, учителях, уроках и т.д. Затем, повернувшись ко мне, император заявил: «Какое подрастающее поколение я оставляю после себя! Это всё — моя работа! Успехи французской молодёжи будут достаточным мщением за меня. Когда пожинаются плоды работы, все должны отдать должное тому, кто её сделал! Превратные суждения и вероломство краснобаев должны отступить перед моими деяниями. Если бы я думал только о себе и о том, чтобы сохранить свою власть, как об этом без конца говорится, если бы я действительно имел в виду достижение любой другой цели, кроме правления здравого смысла, то я бы *не страдал от излишней скромности*; вместо этого я посвятил себя распространению знания, хотя молодёжь Франции не до конца воспользовалась всеми теми благами, которыми, как я считал, она должна была воспользоваться...»

Вечером император отправился с визитом к своим соседям. Господин Балькомб, страдавший от приступа подагры, лежал, растянувшись на диване; его супруга и две девушки, которых император накануне утром встретил в саду, расположились рядом с больным. Бал-маскарад возобновился с ещё большей энергией. Зашёл разговор

о книгах, и гости великодушно поделились своим запасом знаний. Одна из девушек читала роман госпожи Коттен «Матильда» и была очень обрадована, узнав, что император знаком с этой книгой, в которой действуют крестоносцы. Хозяин дома, англичанин с большим круглым лицом, по всей видимости простак, с самым серьёзным видом прислушивался к разговору, пытаясь наилучшим образом применить свои явно небольшие знания французского языка. Он рискнул скромно спросить императора, жива ли ещё обожаемая им принцесса, подруга Матильды. Император с самым торжественным видом ответил: «Нет, сударь, она умерла, и её похоронили». Император думал, что его разыгрывают, пока не увидел, что печальная новость чуть было не вызвала поток слёз из широко раскрытых глаз англичанина.

Девушки проявили не меньшую непосредственность, хотя для них она была в большей степени извинительна; однако я вынужден был сделать вывод, что они поверхностно изучали хронологию. Одна из них, перелистывая страницы книги Флориана «Эстель», чтобы показать нам, что она умеет читать на французском языке, случайно наткнулась на имя Гастона де Фуа и, обнаружив, что тот удостоился звания генерала, спросила императора, остался ли он доволен поведением этого генерала в его армии, удалось ли тому избежать опасностей войны и жив ли он до сих пор.

Визит адмирала

21 октября 1815 года

Утром приехал адмирал, чтобы нанести визит императору. Он постучал в дверь, и если бы я не присутствовал при этом, то император был бы поставлен перед выбором: самому открыть дверь или заставить адмирала ждать снаружи, пока ему кто-нибудь не откроет.

Все члены нашей маленькой колонии, разбросанные повсюду, также приехали из города, и на короткое время мы вновь оказались вместе. Каждый описывал жалкие условия своего существования, стараясь вызвать сочувствие императора.

Горечь нашего положения — Возмущение императора — Послание английскому правительству

22 — 24 октября 1815 года

Английский кабинет министров, нарушив законы гостеприимства, на которые мы рассчитывали, казалось, сделал всё возможное, чтобы мы с ещё большей горечью осознали то, как с нами обошлись. Сослав нас на край земли и подвергнув нас всем видам лишения и плохого обращения, английские министры хотят заставить нас испытать всю чашу страданий до самого дна. Остров Святой Елены — это настоящая Сибирь, единственная разница между ними заключается в размерах и в том, что климат здесь тёплый, а не холодный.

Император Наполеон, совсем недавно обладавший неограниченной властью и лишивший многих монархов их корон, теперь живёт в жалкой лачуге размером в несколько квадратных метров, расположенной на скале, без мебели, без занавесок и ставней на окнах. Эта лачуга должна служить ему спальней, гардеробной, столовой, кабинетом и гостиной; и он вынужден выходить из неё, когда возникает необходимость её убрать. Его еда, состоящая из нескольких скудных блюд, доставляется ему из дальнего места, словно он преступник, заключённый в тюрьму. Император полностью лишён предметов первой необходимости; хлеб и вино такого качества, к которому мы не привыкли, и они настолько плохи, что нам противно дотрагиваться до них; вода, кофе, сливочное масло, растительное масло и другие продукты питания или не доставляются вообще, или почти не годны к употреблению. Невозможно добиться, чтобы императору доставили ванну, которая так необходима для его здоровья,

к тому же он лишён возможности ездить верхом, что крайне важно для поддержания его физического состояния.

Друзья и слуги императора находятся на расстоянии двух миль от него, и им не позволено приближаться к нему без сопровождения английского солдата. Их лишили оружия, и они вынуждены проводить ночь в помещении гауптвахты, если возвращаются в город после установленного часа или если ошибаются, называя пароль, что происходит почти ежедневно. Таким образом, на этой ужасной скале мы в равной степени не защищены от человеческой жестокости и от суровой природы! И как легко было бы предоставить нам более подходящее жилище и обеспечить более учтивое обращение. Несомненно, если монархи Европы сообща дали приказ отправить нас в эту ссылку, то это продиктовано личной неприязнью. Если есть политическая необходимость в подобной акции, то, наверное, было бы лучше, чтобы мир видел, как знаменитую жертву, в отношении которой было признано обязательным нарушить законы и принципы, окружают всякого рода уважением и вниманием?

Мы все собрались вокруг императора, и он с некоторой горячностью повторил все эти факты. «Какое жестокое и постыдное обращение с нами замышлялось с самого начала! — воскликнул он. — Это же предсмертные муки! К несправедливости и жестокости они теперь добавляют оскорбления и длительные мучения. Если я им так ненавистен, то почему они сразу не отделались от меня? Несколько пуль из мушкета в сердце или в голову завершили бы дело; по крайней мере, для совершения преступления необходимо было бы только шевельнуть пальцем! Если бы не вы и, прежде всего, если бы не ваши жёны, то я от них ничего бы не стал получать, кроме денежного содержания простого солдата. Как могут монархи Европы позволить так обращаться с монархом, презирая его священный сан? Разве они не понимают, что они собственными руками здесь, на острове Святой Елены, уничтожают самих себя? Я победоносно входил в их столицы, и если бы меня обуревали такие же чувства, какие обуревают их сейчас, что стало бы с ними? Они называли меня своим братом, — и я стал им благодаря выбору народа, благословению побед, статусу религии и союзу с их политикой и с их кровью. Они что, на самом деле думают, что здравый смысл народов слеп в отношении их поведения? Во всяком случае, жалуйтесь, господа; пусть возмущённая Европа услышит ваши жалобы! Жалобы, непосредственно исходящие от меня, унизили бы моё достоинство и мой характер. Я должен или командовать, или молчать».

На следующее утро английский офицер без лишних церемоний вошёл в комнату императора. Он, однако, явился с добрыми намерениями. Офицер был капитаном одного из небольших кораблей,

входивших в состав нашей эскадры. Ему предстояло вернуться в Европу, и он пришёл выяснить, нет ли у императора каких-либо распоряжений. Наполеон немедленно вернулся к предмету нашего вчерашнего разговора и, постепенно всё более возбуждаясь, дал волю чувствам самого величественного и энергичного характера, попросив, чтобы английский офицер выразил их британскому правительству. Я перевёл всё то, что сказал император, стараясь передать его настроение. Офицер, казалось, был поражён всем тем, что услышал, и покинул нас, пообещав в точности выполнить полученное задание. Но он не смог бы воспроизвести выразительность речи императора и описать эмоциональный подъём, сопутствовавший его высказываниям, свидетелем которых я был. Как бы то ни было, но император дал мне указание составить памятную записку на основании всего того, что он сказал, поскольку офицеру, должно быть, не всё было ясно из того, что он услышал. Ниже следует текст памятной записки:

«Император желает получить, вместе со следующим кораблём, сведения о своей жене и о своём сыне. Он пользуется этой возможностью, чтобы повторить и передать британскому правительству протест, который он уже заявлял, против принятых по отношению к нему экстраординарных мер.

Во-первых. Это правительство объявило его военнопленным. Император не является военнопленным. Письмо, написанное им принцу-регенту, которое он передал капитану Мэтленду до того, как вступил на борт «Беллерофона», в достаточной степени свидетельствует всему миру о той решимости и чувстве уверенности, которые побудили его свободно согласиться с тем, чтобы отдать себя под защиту английского флага.

Император мог, если бы хотел, согласиться покинуть Францию только на особых условиях, но он считал ниже своего достоинства смешивать личные соображения с общенациональными интересами, которыми постоянно был занят его ум. Он мог бы отдать себя в распоряжение императора Александра, который был его другом, или в распоряжение императора Франца, который был его тестем. Но, веря в справедливость английской нации, он не захотел никакой другой защиты, кроме той, которая предоставляется её законами, и, отказываясь от общественной деятельности, он не пытался найти какую-либо другую страну, кроме той, которая управляется установленными законами и независима от личной воли.

Во-вторых. Если бы император был на самом деле военнопленным, то права, которые цивилизованные правительства имеют над таким пленником, ограничены законами наций, и их легитимность заканчивается с окончанием самой войны.

В-третьих. Если бы английское правительство считало императора военнопленным, пусть и произвольно, то право этого правительства

содержать его в качестве военнопленного в этом случае было бы ограничено общественным законом. В противном случае, поскольку между Англией и Францией во время войны не было соглашения о содержании пленных, английское правительство могло бы применить в отношении императора обычаи дикарей, которые убивают своих пленников. Такой поступок был бы более гуманным и более соответствовал бы принципу справедливости, чем ссылка на ужасную скалу. Приговор к смертной казни на борту «Беллерофона» или на дорогах Плимута был бы благом по сравнению с тем обращением, которому в настоящее время подвергается император.

Нам доводилось проходить через самые пустынные и безлюдные места в Европе, но ни одно из них нельзя сравнить с этой бесплодной скалой. Лишённая всего, что способствует поддержанию жизни, эта скала может стать лишь местом предсмертных мучений. Основные принципы христианской морали и человеческий долг, заключающийся в том, чтобы следовать своей судьбе, какой бы она ни была, могут удержать императора от собственноручного прекращения жалкого существования, — он гордится тем, что стоит выше подобного настроения. Но если кабинет министров Англии будет настойчиво продолжать курс несправедливости и жестокости по отношению к императору, то он почтёт за счастье, если английские министры предадут его смерти».

Кораблём «Редпоул», который отплыл в Европу с этим документом, командовал капитан Десмонд.

Читатель должен извинить нас за скучное однообразие наших жалоб, — несомненно, они всегда будут такими; но пусть читатель помнит, что их повторение причиняет бóльшую боль, чем, возможно, простое их чтение.

Образ жизни в «Бриарах» — Маленький и большой саквояжи императора — Предметы искусства и клеветнические письма, оставленные королём в Тюильри

25 — 27 октября 1815 года

Император вставал очень рано; выйдя наружу, он совершал непродолжительную прогулку. Примерно в десять часов утра мы завтракали, он гулял снова, и затем мы продолжали наши занятия. Я прочитывал ему то, что он диктовал накануне вечером, и то, что мой сын переписал утром; император правил текст и затем продолжал диктовать. Мы вновь выходили на прогулку примерно в пять

часов вечера и возвращались в шесть часов. Это было время, назначенное для обеда, но его не всегда привозили из города к этому часу. Дни были длинными, а вечера — ещё длиннее. К сожалению, я не понимал шахматной игры; одно время у меня была мысль научиться игре в шахматы, но где я мог найти учителя? Я делал вид, что немного знаю карточную игру пикет, но император быстро выяснил, что и в этой игре я полный профан. Он отдавал должное моим добрым намерениям, но, тем не менее, играть в пикет со мной перестал. Недостаточная загруженность работой иногда заставляла его навещать соседний дом, где девушки усаживали его играть в вист. Но обычно император убивал время тем, что после обеда оставался за столом и, не покидая кресла, беседовал с нами; комната была настолько мала, что не позволяла прогуливаться по ней.

Однажды вечером император приказал камердинеру принести небольшой дорожный саквояж и, после того, как он тщательно осмотрел все его отделения, передал его мне со словами: «Этот саквояж долгое время был у меня и послужил мне в утро сражения при Аустерлице. Он должен перейти со временем во владение молодого Эммануэля. — Затем, повернувшись к моему сыну, добавил: — Когда ему будет тридцать или сорок лет, нас уже не будет. Ценность подарка тогда возрастёт; Эммануэль будет говорить, показывая саквояж, что император Наполеон подарил эту вещь его отцу на острове Святой Елены». Я получил драгоценный подарок с чувством настоящего благоговения и теперь храню его как ценнейшую реликвию.

После этого император перешёл к осмотру содержимого большого саквояжа, в котором находились табакерки с изображением членов его семьи и подарки, лично полученные им. Там были: портреты Мадам Мер, братьев императора, королевы Неаполя, дочерей Жозефа, Римского короля и т.д.; коробочки с изображением римского императора Августа и историка Ливия, обе чрезвычайно ценные; изображение сцены «Воздержание Сципиона» на табакерке, подаренной императору папой римским; табакерка с портретом Петра Великого, другая с портретом Карла V, ещё с портретом Тюренна и другие табакерки, которыми ежедневно пользовался император, с медальонами Цезаря, Александра Македонского, Суллы и т.д. Затем наступила очередь коробочки для нюхательного табака, украшенной портретом Наполеона в обрамлении бриллиантов. Император стал искать табакерку, на которой было его изображение, но не было бриллиантов, и, не обнаружив её, вызвал для объяснений камердинера; к сожалению, эта коробочка по-прежнему оставалась в городе вместе с большей частью его вещей. Я чувствовал себя подавленным, когда узнал об этом, и не мог смириться с мыслью, что из-за этого невезения мне пришлось так много потерять.

Император затем осмотрел несколько табакерок, которые Людовик XVIII оставил на столе в Тюильри во время поспешного бегства из Парижа. На одной из этих коробочек на чёрном фоне были изображены портреты Людовика XVI, королевы и госпожи Элизабет¹⁰, выполненные из мягкой глины с имитацией под слоновую кость. Вся композиция была просто фантастической. Портреты имели форму трёх полумесяцев, помещённых на коробке один рядом с другим в виде равнобедренного треугольника. Группы херувимов, сплетённые друг с другом, составляли внешнюю границу композиции. Другая коробочка изображала акварельную зарисовку охоты. Табакерка была примечательна тем, что зарисовка приписывалась карандашу герцогини Ангулемской. Третью коробочку увенчивал портрет, по-видимому, графини Прованской. Эти три коробочки не представляли иной ценности, кроме исторической.

Когда император прибыл в Париж вечером 20 марта, то обнаружил, что в кабинете короля все документы по-прежнему оставались на столах. В соответствии с пожеланием императора эти столы были сдвинуты в угол кабинета, а в середину были поставлены другие. Он приказал ничего не трогать на столах короля, собираясь в свободное время ознакомиться с оставленными на них документами, и так как император сам вскоре покинул Францию, не вернувшись в Тюильри, то король должен был найти свой кабинет и свои документы почти в том же состоянии, в котором он оставил их.

Император лишь бросил быстрый взгляд на некоторые из этих документов. Среди них он увидел несколько писем от короля господину

д'Авари¹¹ на Мадейру, где последний и скончался; письма были написаны королём собственноручно и, несомненно, были отправлены ему обратно. Император обнаружил несколько конфиденциальных писем, также написанных королевской рукой. Но как они оказались в кабинете короля? Каким образом были возвращены ему? Это трудно объяснить. Письма состояли из пяти или шести страниц, написанных очень изящным языком, но весьма абстрактно и метафизически. В одном из них король писал даме: «Судите сами, как сильно я люблю вас: ради вас я снял траур». «И здесь, — сказал император, — за словами о трауре последовал ряд длинных фраз в возвышенном стиле». Император не представлял себе, кому адресовано это письмо и что имелось в виду под словом *траур*; я не мог объяснить императору значение этих мест в письме.

Через три дня, после того, как император уволил человека, возглавлявшего одно известное заведение, он обнаружил на одном из королевских столов послание от этого самого господина, которое, судя по словам, использованным автором для выражения мнения об императоре и всей его семье, безусловно, не позволило бы императору подписать декрет о его восстановлении в прежней должности.

На королевских столах было много документов подобного рода, но самый полный набор низости, лжи и подлости был обнаружен в апартаментах господина Блака, управляющего королевским двором. Эти документы представляли собой планы, доклады и прошения, в которых их авторы пытались выгородить себя за счёт Наполеона, совершенно не ожидая его возвращения. Этих бумаг было так много, что император был вынужден назначить комитет из четырёх человек для их изучения. Теперь он думает, что ему следовало ограничиться для этой цели одним человеком, — тогда он мог бы быть уверен, что ни один документ не исчезнет. Он имел все основания считать, что эти документы могли предоставить полезные сведения о предательстве, которое окружало его.

Среди прочих документов было длинное письмо от одной служанки принцессы Полины. Это объёмистое письмо было оскорбительным в отношении принцессы и её сестёр, и оно изображало императора, которого автор письма именовал *этот человек*, в самых чёрных красках. Мало того, часть письма была зачёркнута и переписана другой рукой, чтобы представить Наполеона самым скандальным образом; и на полях письма рукой человека, вписавшего новый текст, было начертано: «Следует опубликовать». Ещё несколько дней, и эта клевета, возможно, была бы опубликована.

Женщина с претензиями, занимавшая высокое положение, которую император осыпал милостями, поспешила написать письмо своей подруге, также выскочке, в котором просила ознакомить её со знаменитым решением Сената о лишении Наполеона всех прав и об

объявлении его вне закона. Письмо содержало следующие фразы: «Моя дорогая подруга, мой муж только что вернулся; он устал до смерти, но его усилия не пропали даром: мы освобождены от *этого человека*, и Бурбоны возвращаются к власти. Слава Богу, мы теперь станем настоящими графинями!..»

Просматривая эти письма и документы, Наполеон испытывал чувство разочарования, когда ему попадались на глаза письма с весьма непристойными высказываниями о нём лично — особенно те, которые были написаны людьми, ещё вчера окружавшими его и с радостью принимавшими от него милости.

В порыве охватившего его возмущения он сначала решил, что эти письма следует опубликовать и отказаться от дальнейшего покровительства в отношении подобных личностей, но по зрелом размышлении он сдержал себя. «Мы настолько подвержены чувству ожесточения, настолько непостоянны, и нас так легко сбить с толку, — сказал он, — что в конце концов я не мог быть уверен в том, что те же самые люди искренне и добровольно не придут, чтобы служить мне; в этом случае я должен был наказывать их в то время, когда они возвращались к выполнению своих обязанностей. Я решил, что лучше будет, если я сделаю вид, что мне ничего не известно об этих письмах, и приказал, чтобы все эти письма были сожжены».

**Император вместе с гофмаршалом Бертраном
приступает к работе над мемуарами о кампании
в Египте — Письмо графа де Лилля (Людовика XVIII) —
Прекрасная герцогиня де Гиш**

28 — 31 октября 1815 года

Мой сын и я непрерывно занимаемся нашим трудом. Однако здоровье сына начало ухудшаться: он чувствует боль в груди. Моё зрение стало ослабевать. Всё это явные результаты наших интенсивных занятий. В самом деле, мы проделали удивительно большую работу и уже почти приступили к описанию завершения кампании в Италии. Император, однако, пока ещё считает, что он недостаточно занят. Работа над воспоминаниями — его единственное времяпрепровождение, и интерес к мемуарам, который он проявил с первой же диктовки, стали для него дополнительным стимулом для продолжения этой работы. Вот-вот он должен приступить к мемуарам о кампании в Египте. Император часто говорил о том, что к этой работе следует привлечь гофмаршала Бертрана.

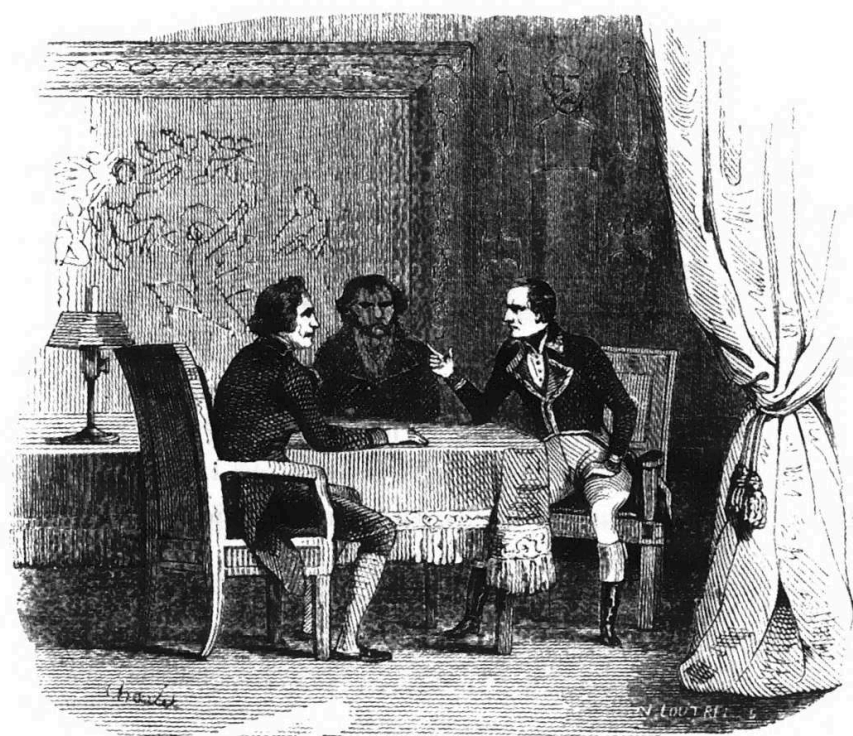
Те члены нашей группы, которые остались в городе, живут в ужасных условиях. К тому же они очень недовольны тем, что отдалены от императора. Их также раздражает унижение, которому они подвергаются со стороны английских властей. Я предложил императору, чтобы он привлёк к работе всех членов группы одновременно и мы все сразу занялись мемуарами о кампаниях в Италии и в Египте, историей Консулата, возвращением с острова Эльба и т.д. Тогда, заметил я, эта большая работа во славу Франции станет лучше продвигаться, господа, проживающие в городе, почувствуют себя менее несчастными, да и время будет проходить быстрее. Эта идея понравилась императору, и с того дня один или два человека из его свиты ежедневно приходят к нему, чтобы писать под его диктовку. На следующее утро они приносят ему рукопись в расшифрованном виде, остаются на обед и тем самым дают императору возможность более приятно проводить время.

Мы постарались незаметно навести порядок в жизни императора, чтобы он чувствовал себя более комфортно. Палатка, которую мне дал полковник 53-го пехотного полка, была поставлена так, что стала как бы продолжением комнаты флигеля, в которой проживал император. Его повар поселился в служебных помещениях коттеджа «Бриары». Из дорожных сундуков извлечена скатерть, за ней посуда, и наш первый обед с этими вещами стал настоящим праздником. Однако вечера остаются для нас тяжёлым временем. Император иногда наносит визиты семейству Балькомба, в другие дни он покидает свою комнату, чтобы прогуляться, но чаще всего остаётся внутри флигеля и старался скоротать время беседами с нами до десяти или одиннадцати часов вечера. Он очень не любит ложиться спать слишком рано, поскольку когда он делает это, то просыпался посреди ночи и, для того чтобы отвлечься от грустных воспоминаний, вынужден подниматься с постели и читать.

Однажды за обедом император обратил внимание на одну из тарелок своего походного сервиза. На тарелке был выгравирован императорский герб. «До какой же степени они унизили его!» — эмоционально воскликнул император. И он не мог удержаться от того, чтобы не вспомнить, как король поспешил завладеть императорской посудой (о которой Людовик XVIII, конечно, не мог сказать, что её в своё время отобрали у него, поскольку она принадлежала Наполеону). Император добавил к этому, что когда он взойшёл на трон, то не обнаружил и следа от королевской собственности. При своём отречении от престола он оставил короне посуду стоимостью в пять миллионов и мебель стоимостью от сорока до пятидесяти миллионов, которые он приобрёл на средства своего гражданского листа.

Однажды в вечерней беседе император затронул вопрос об обстоятельствах, связанных с событиями 18-го брюмера. Я опускаю детали этих событий, поскольку потом они были сообщены генералу Гурго: подробное описание этих знаменательных событий можно будет найти в его книге.

Сийес, который, как и Наполеон, был одним из консулов, с удивлением слушал, как его коллега на их самом первом заседании обсуждал вопросы, связанные с финансами, управлением делами республики, армией, законами и политикой. После той встречи Сийес поспешил к своим друзьям в полном замешательстве и заявил им: «Господа, у вас есть хозяин! Этот человек знает всё, хочет всё и сможет делать всё».

В то время я был в Лондоне, и теперь я рассказал императору, что эмигранты возлагали большие надежды на события 18-го брюмера и на Консулат Наполеона. Несколько эмигрантов, которые раньше были знакомы с госпожой де Богарне, немедленно отправились в Париж, надеясь, что с её помощью они смогут оказывать влияние на ход событий, которые явно приняли новый оборот.

В то время мы все разделяли мнение, что Первый консул ждёт предложений от французских принцев. Мы основывали это мнение на том обстоятельстве, что он долго не раскрывал своих намерений в отношении их; однако позднее он сделал это самым ошеломляющим образом, прибегнув к помощи прокламации. Мы объясняли

подобное решение этого вопроса глупым поведением епископа Арраса, главного поверенного и распорядителя в наших делах, который, по его собственному признанию, отправлялся на службу с закрытыми глазами и хвалился тем, что в течение многих лет не прочитал ни одной газеты, поскольку их страницы были заполнены, по его словам, «ложью тех негодяев». В самом начале учреждения Консулата кто-то пытался уговорить епископа вступить в переговоры с Первым консулом, используя посредничество госпожи де Богарне. Но епископ с возмущением отверг это предложение в столь грубой и отвратительной форме, что человек, обратившийся к епископу, вынужден был сказать ему, что его выражения далеки от епископальных и что он, безусловно, почерпнул их не из католического требника.

Примерно в то же самое время епископ обрушился с непристойной бранью на герцога де Шуазеля, находясь за столом у Людовика XVIII, — за что незамедлительно получил строгий выговор; дело в том, что герцог, который благодаря личному вмешательству Первого консула был освобождён из тюрьмы в Кале и избежал смерти, в ответ на вопрос короля о Бонапарте сообщил, что он всегда будет испытывать чувство личной благодарности к Первому консулу. Это и стало причиной выходки епископа.

На всё это император ответил мне, что никогда не затруднял себя мыслями о принцах и что высказывания, на которые я ссылаюсь, исходили от одного из двух других консулов, и они не имели в виду какую-то особую цель. Те, кто находился за границей, не представляли себе, какого именно мнения придерживались политические деятели во Франции, и если бы даже он благосклонно относился к принцам, то не в его власти было на практике реализовать его намерения. Тем не менее, в тот период пробные шары запускались и из Митавы, и из Лондона¹², и он получал эти сигналы.

Король, сказал император, написал ему письмо, которое было передано ему Лебреном, в свою очередь получившим его от аббата де Монтескье, секретного агента короля в Париже. Это письмо, которое было написано весьма тяжеловесным слогом, содержало следующие фразы: «Вы слишком медлите с восстановлением меня на троне. Существует опасность, что вы можете упустить благоприятный момент. Без меня вы не сумеете принести счастье Франции, так же как и я не смогу служить Франции без вас. Так что поторопитесь и сами определите должности, которые бы вы хотели для ваших друзей».

Ответ Первого консула на это письмо был следующим: «Я получил письмо Вашего Величества; я всегда проявлял большое сочувствие к превратностям вашей судьбы и судьбы вашей семьи.

Вы не должны думать о том, чтобы появиться во Франции; вы не можете сделать это, не перешагнув через сотню тысяч трупов. Однако я всегда буду стремиться делать всё, что может облегчить вашу судьбу и помочь вам забыть о превратностях вашей судьбы».

Пробный шар, запущенный графом д'Артуа, отличался большей элегантностью и тактом. Для выполнения этого задания он уполномочил герцогиню де Гиш — даму, чьи обворожительные манеры и присущая ей грациозность должны были, по расчётам графа, помочь ей в важных переговорах. Она легко получила доступ к госпоже Бонапарт, с которой представители старого королевского двора без всяких усилий вступали в контакт. Она завтракала с госпожой Бонапарт в Мальмезоне; их беседа шла о Лондоне, об эмигрантах и о французских принцах. Госпожа де Гиш упомянула о том, что несколько дней назад она оказалась в доме графа д'Артуа и там слышала, как кто-то спросил короля, что он намерен сделать для Первого консула в случае реставрации Бурбонов, на что король ответил: «Я немедленно сделаю его коннетаблем королевства и дам ему всё, что он пожелает. Но даже этого не будет достаточно: мы возведём на площади Карусель высокую и великолепную колонну со статуей Бонапарта, венчающего Бурбонов».

Как только в комнату вошёл Первый консул, а это случилось сразу же после завтрака, Жозефина поспешила повторить ему всё то, что ей поведала герцогиня. «А ты не ответила, — спросил её Бонапарт, — что пьедесталом колонны станет труп Первого консула?»

Очаровательная герцогиня всё ещё находилась в комнате; её красота, её глаза и её сладкие речи — всё это должно было способствовать успеху её миссии. Она сказала, что настолько восхищена любезностью госпожи Бонапарт, давшей ей возможность увидеть и услышать такого знаменитого человека, такого великого героя, что даже не знает, сможет ли в должной мере оценить её великодушие. Но всё было напрасно: герцогиня де Гиш в тот же вечер получила предписание покинуть Париж. На следующий день она уже спешила в сторону границы Франции.

Однако заявление о том, что Наполеон, со своей стороны, делал негласные предложения членам семьи Бурбонов о передаче ему их прав и об их отказе от короны, является абсолютной ложью, хотя утверждения об этом содержались в некоторых декларациях, активно распространявшихся по всей Европе.

«С какой стати об этом вообще могла идти речь? — удивлялся император. — Я, который мог править только в соответствии с принципом, исключавшим эти права, а именно — с принципом верховенства народа, как мог я стремиться получить от них права, осуждённые в их лице! Это означало бы, что я сам себя подвергаю

изгнанию из страны. Абсурдность этого слишком очевидна: это навсегда погубило бы мою репутацию в глазах общества. На самом деле я никогда не делал чего-либо в этом роде, прямо или косвенно, дома или за границей. И это абсолютно очевидно для всех людей, обладающих здравым смыслом».

Наличие слухов об этом, однако, побудило меня выяснить, что же могло послужить основанием для них. И вот какие факты я получил. В период хороших отношений между Францией и Пруссией Берлин обратился к Парижу с вопросом: не обидится ли Франция на Пруссию, если она разрешит французским принцам оставаться на её территории? Французское правительство ответило, что нет, не обидится. Ободрённая этим ответом, Пруссия затем спросила: а не станем ли мы возражать против того, что принцы будут обеспечены ежегодным денежным содержанием через посредничество прусской стороны? На это наше правительство также ответило, что нет, мы не станем возражать, при условии, что Пруссия возьмёт на себя ответственность за то, что французские принцы будут вести себя тише воды и ниже травы и воздержатся от каких-либо интриг...

Распорядок дня императора — Государственный совет — Опала Порталиса — Роспуск Законодательного корпуса в 1813 году — Сенат

1 — 4 ноября 1815 года

Наши дни на острове проходят так же однообразно, как и дни, проведённые на борту корабля. Император вызывает меня завтракать с ним примерно в десять или одиннадцать часов утра. Закончив завтрак, мы беседуем минут тридцать. Затем я прочитываю ему то, что он мне диктовал накануне вечером, и после этого он приступает к новой диктовке. Вначале император полностью одевался утром — сразу же, как только вставал с постели, и совершал прогулку до завтрака. Этот обычай занимал слишком много времени и поэтому разбивал его день. Теперь император полностью одевается к четырём часам дня. Затем он выходит из дома, давая возможность слугам привести в порядок его постель и убрать его комнату. Мы уходим в сад, который ему особенно нравится ввиду возможности полного уединения. Я распорядился, чтобы маленькую беседку в саду накрыли брезентом, а в неё поставили столик и стулья; с этого времени император выбрал данное место для диктовки тем господам, которые приходят из города для этой цели.

Перед домом господина Балькомба есть пешеходная дорожка, обсаженная с обеих сторон деревьями. Именно на ней обосновались два английских солдата, чтобы наблюдать за нами. Однако это раздражало господина Балькомба, и их отозвали с этого поста по его требованию. Тем не менее они некоторое время по-прежнему продолжали ходить по дорожке, не выпуская императора из поля своего зрения, — то ли из любопытства, то ли подчиняясь полученному приказу. В конце концов они окончательно исчезли, и император постепенно приобрёл привычку прогуливаться по этой находившейся недалеко от флигеля дорожке. Это было неплохим приобретением для его владений, и он ежедневно перед обедом совершает прогулку. Две девушки и их мать присоединяются к нему и рассказывают новости. Иногда, когда позволяет погода, император после обеда возвращается в сад и проводит вечер без визита к своим соседям Балькомбам; он никогда не заходит к ним, если может избежать этого или когда уверен, что к ним зашли посторонние люди, в чём я заранее убеждаюсь, заглядывая в окно гостиной.

Во время одной из прогулок император долго беседовал со мной о Сенате, о Законодательном корпусе и особенно о Государственном совете. Последний, как заявил император, был для него весьма полезным государственным органом в течение всего времени его правления страной. Здесь, в дневнике, я приведу ряд его замечаний о деятельности Государственного совета, и сделаю это тем более

охотно, что в своё время эту деятельность плохо понимали в гостиных Парижа. Так как в настоящее время Государственный совет не обладает прежними функциями, то я далее добавлю несколько строк о механизме его деятельности и о его прерогативах.

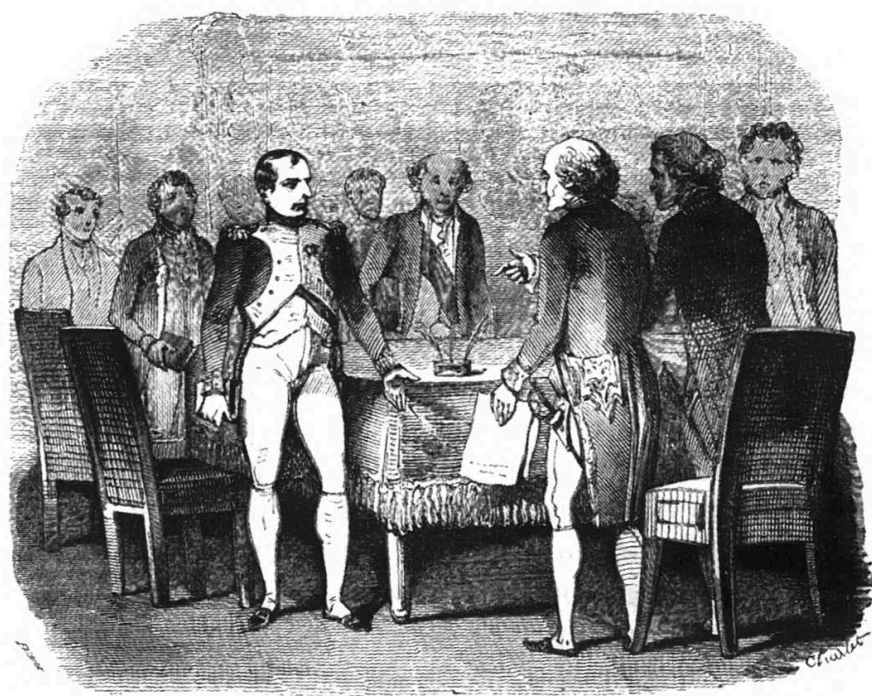
«Государственный совет, — рассказал император, — в целом состоял из хорошо информированных, опытных и честных людей. Например, Фермон и Буле определённо были именно такими людьми. Несмотря на большое количество судебных процессов, которые они вели, и значительное жалование, которое они получали, я не буду удивлён, если узнаю, что в настоящее время их положение является далеко не блестящим». В каждом отдельном случае император использовал государственных советников индивидуально и с пользой; они действительно были его Государственным советом — его умом для размышления, равно как министры были его умом для исполнения. В Государственном совете готовились законы, которые император представлял в Законодательный корпус — государственный орган, который являлся одной из составных частей законодательной власти. В Государственном совете разрабатывались декреты императора по общественному управлению; там же рассматривались, обсуждались и корректировались планы министров.

Государственный совет получал апелляции и выносил окончательное решение по всем вопросам управления, по приговорам всех других судов и даже по приговорам Кассационного суда. На нём рассматривались жалобы на министров и запросы императора, когда ему требовалась более подробная информация. Таким образом, Государственный совет, на заседаниях которого всегда председательствовал император, часто был в прямой оппозиции к министрам или занимался преобразованием их актов и исправлением их ошибок. Естественно, этот государственный орган стал приютом для тех лиц, которые были обижены властью. Все, кто когда-либо присутствовал на заседаниях Совета, наверняка помнят, с каким усердием там защищались права граждан. Специальный комитет Государственного совета получал петиции со всей империи и направлял монарху те, которые заслуживали его внимания.

Общество, за исключением юристов и лиц, работавших в управленческом аппарате, проявляло удивительную неосведомлённость в вопросах нашего политического законодательства. Никто правильно не представлял себе, чем же занимались Государственный совет, Законодательный корпус и Сенат. Например, Законодательный корпус воспринимался как собрание немых, пассивно принимавшее, без малейшего возражения, все представляемые ему законы. Однако, прежде чем обвинять членов Законодательного корпуса в услужливости и раболепии, следует изучить природу и функции этого государственного органа.

Законы, подготовленные в Государственном совете, представлялись специальными уполномоченными, выбранными из числа членов этого Совета, в комитет Законодательного корпуса, назначенный для их рассмотрения; в этом комитете проекты законов детально обсуждались и часто отсылались обратно в Государственный совет для дальнейшей доработки. Когда две стороны не могли достигнуть взаимопонимания, они проводили совместные заседания под председательством великого канцлера или верховного казначея; таким образом, ещё до того, как законы поступали в Законодательный корпус, они уже получали согласие двух разных сторон. Если возникали разногласия во мнении, то они обсуждались двумя комитетами в присутствии всего Законодательного корпуса, выполнявшего функции жюри, которое после достаточного ознакомления с фактами принимало решение тайным голосованием. Таким образом, каждый член жюри имел возможность свободно отстаивать своё мнение, так как невозможно было узнать, положил он чёрный или белый шар. «Ни один план, — отметил император, — не мог быть лучше разработан для того, чтобы направить в нужное русло наш национальный подъём и скорректировать нашу неопытность в вопросах политической свободы».

Император спросил меня, считаю ли я, что дискуссии в Государственном совете проходили абсолютно свободно, и не вызывало ли его присутствие на заседаниях Государственного совета сдержанность его членов при обсуждении различных вопросов. Я напомнил ему об одной очень длительной дискуссии на заседании Государственного совета, во время которой он остался в одиночестве со своим мнением и наконец вынужден был уступить. «А, да, — вспомнил император, — это, должно быть, дело женщины из Амстердама, которую судили за преступление, наказуемое смертной казнью, и затем трижды оправдывали в имперских судах, и в отношении которой Кассационный суд потребовал нового суда». Император надеялся, что это трижды высказанное мнение блюстителей закона в имперских судах поможет уменьшить строгость приговора заключённой. Отвечая ему, государственные советники обращали его внимание на то, что он обладает привилегией даровать помилование, но что сам закон суров и его надо соблюдать. Дискуссия была очень долгой. С большой речью выступил господин Мюрюир, который говорил исключительно по существу дела; он убедил всех, за исключением императора, который в одиночестве отстаивал свою точку зрения, но в конце концов уступил большинству, сделав следующее примечательное заявление: «Господа, здесь решение принимается большинством голосов, я остался в одиночестве и должен уступить; но я заявляю, считая это делом моей совести, что уступаю

лишь по форме. Вы заставили меня замолчать, но ни в коем случае не убедили меня».

В целом народ мало понимал характер деятельности Государственного совета, и считалось, что никто в нём не смеет оспаривать мнение императора. Поэтому я сильно удивлял многих своих собеседников, когда рассказывал, как однажды, во время очень горячей дискуссии, император, после того, как его выступление трижды прерывалось, повернулся в сторону одного члена Государственного совета, довольно грубо пытавшегося прервать его речь, и резким тоном сказал: «Я ещё не закончил, прошу вас разрешить мне продолжить выступление. Я считаю, что здесь каждый имеет право высказать свою точку зрения». Едкость этого остроумного ответа на фоне серьёзности обстановки, сопутствовавшей дискуссии, вызвала общий дружный смех, к которому присоединился и сам император.

«Да, — сказал я императору, — ораторы, очевидно, стремились выяснить, какой могла бы быть точка зрения Вашего Величества; они, видимо, поздравляли себя, когда их точка зрения совпадала с вашей, и приходили в смятение, обнаружив, что их мнение вызвало вашу отрицательную реакцию. Вас также обвиняли в том, что вы заманивали нас в ловушку, чтобы выяснить наше истинное мнение». Однако, как только начиналось обсуждение проблемы, каждый проявлял горячее желание высказать свою точку зрения в духе свободной дискуссии, которую поощрял император. «Я ничего не имею против того, чтобы мне возражали, — говорил он, — я стремлюсь к тому,

чтобы меня хорошо информировали об обсуждаемой проблеме. Говорите смело, — повторял он всякий раз, когда оратор выражал свои мысли в уклончивой манере или когда предмет обсуждения имел деликатный характер, — не стесняйтесь сказать то, что думаете: мы здесь одни, мы все — *одна семья*».

Мне рассказывали, что однажды, во времена Консулата или начала Империи, император не соглашался с точкой зрения одного из членов Государственного совета, и из-за горячности и упрямства последнего обсуждение проблемы зашло в тупик. Наполеон обуздал свой нрав и просто замолчал, но через несколько дней, встретив своего оппонента на одном общественном мероприятии, сказал ему полусерьёзным тоном: «Вы невероятно упрямый человек, если бы и я был таким же... Во всяком случае, вы действуете неправильно, прилагая усилия, чтобы подвергнуть меня испытанию! Вы не должны забывать о человеческих слабостях!»

В другой раз в разговоре тет-а-тет с одним из членов Государственного совета, который подобным же образом довёл его до состояния крайнего раздражения, император сказал: «Вы должны быть более осторожны, испытывая моё терпение. Недавно вы немного перешли границы благоразумия — вынудили меня почесать лоб. Это очень зловещий признак моего настроения; в будущем старайтесь не заставлять меня заходить так далеко».

Ничто не могло сравниться с тем интересом, который вызывали у членов Государственного совета присутствие и выступления императора. Он председательствовал на заседаниях Совета регулярно, дважды в неделю, если находился в столице, и тогда ничто на свете не могло заставить нас отсутствовать на этих заседаниях.

Я рассказал императору, что на меня произвели глубочайшее впечатление два заседания: первое, когда он исключил из состава Государственного совета одного из его членов, и второе, когда принималось конституционное решение о роспуске Законодательного корпуса.

Клерикальная партия занималась подстрекательством к гражданскому неповиновению, тайно распространяя папские буллы и письма папы римского. Они были показаны члену Государственного совета, которому предписывалось осуществлять контроль за религиозной деятельностью. Этот человек если сам и не распространял указанные документы, то, по крайней мере, не препятствовал их распространению и не осуждал его. Когда всё это выяснилось, император неожиданно на заседании Совета открыто обвинил его в этом. «По какой причине вы так поступили? — спросил Наполеон. — По религиозным принципам вашим? Так зачем же вы здесь заседаете? Я не

